

Александров Александр

Тринадцатая экспедиция

Глава 1

2087 год. Эпоха освоения чужих планет. С планеты TG-507 вырывается смертельно опасный вирус, стремительно охвативший несколько человеческих колоний. Для противодействия необходим оригинал вируса, но он сильно мутировал в человеческом организме. В надежде добыть изначальные образцы, к TG-507 одну за другой отправляют научные экспедиции. Но все они пропадают без вести...

В 2030-ых годах человечество совершило серьезный прорыв в исследовании космоса. Американский космический аппарат Вояджер-1, несколько десятилетий исследующий межпланетное и межзвездное пространство, обнаружил первую пригодную для жизни планету. Это открытие на многие годы сделало космос основным вектором развития человечества.

Когда стремительно прогрессирующие космические технологии сократили длительность перелета к новой планете (окрещенной «Земля-2») до нескольких месяцев, началась ее поспешная колонизация. Взять под контроль планету целиком было не под силу ни одной державе, поэтому обострившиеся на тот момент политические распри отложили на второй план, уделив внимание колонизационным гонкам.

Развитие индустрии космоса и постоянные рейсы через межзвездное пространство способствовали все новым и новым открытиям, подобным Земле-2. За полвека количество человеческих колоний по всей галактике перешло на десятки и уже вплотную приблизилось к сотне.

На новых территориях разрастались новые города; инопланетная флора и фауна постепенно вплелись во многие сферы жизнедеятельности землян, особенно в сельскохозяйственную; постоянно прогрессирующие технологии позволили вести добычу полезных ископаемых даже на планетах, непригодных для жизни; космические крейсеры транспортировали мегатонны грузов на сотни световых лет.

Несмотря на тотальное освоение космоса, разумная жизнь, превосходящая по уровню развития человека, так и не встретилась. Самой развитой формой обитания было несколько поселений по-своему разумных аборигенов, обнаруженных в чертах владения одной из колоний. Да и те находились на грани вымирания.

Встречались планеты, на поверхности которых гулял смертельный вирус, в считанные часы убивающий разведывательные отряды или развернувшиеся колонии. От колонизации других объектов пришлось на время отказаться, так как уровень развития вооружения не позволял справиться с населившими их существами.

Вообще, решение проблем с местной живностью стало основной задачей для специально созданных подразделений колониальных войск и космических пехотинцев. Некоторые планеты приходилось в буквальном смысле отвоевывать от агрессивных существ. Военные разворачивали целые истребительные войны, не желая уступать неразумным тварям ценные территории.

Были среди этих существ такие, которые по какой-то причине обитали сразу на нескольких планетах. Например, ксеноморфы. Первыми на них наткнулись колонизаторы, и назвали их «ксеноморфами» за схожесть с существами из серии американских кинофильмов, выпущенных еще в двадцатом веке. Схожесть эта, в основном выражающаяся в принципе жизненного цикла и строении кровеносной системы, породила цепь расследований, однако по всему выходило, что киномонстры были выдуманы случайно.

Ученые уделили ксеноморфам особое внимание, узрев в них широкий потенциал для исследований. Однако, после пары инцидентов, в виде вырвавшихся из-под микроскопов монстров, следствием которых стало несколько уничтоженных городов, исследования

ксеноморфов стали вести только с разрешения межгосударственного совета, и только на специально отведенных для этого планетах.

26 июня 2087 года космический корабль «Потапыч» вплотную приблизился к цели своего полета. Пункт назначения находился в тридцати с лишним световых годах от ближайших колонизированных планет, и перелет занял целых четыре месяца. В былые времена, когда еще не было космических гипер-ускорителей, на это ушла бы не одна сотня лет. Но для экипажа и четыре месяца — достаточно значительный срок, который все предпочитали прожить «после», а не спускаться на долгую дорогу. Поэтому, еще на заре освоения Земли-2, человечество изобрело камеры криогенной заморозки, и люди не тратили драгоценные годы жизни на перемещение между планетами. Корабль самостоятельно следовал к цели, переправляя в себе защищенные от старения человеческие организмы.

Планета TG-507, к которой приближался «Потапыч» первоначально была планетой-шахтой. Ее грунт содержит отсутствующий на Земле минерал, включающий металлы, используемые для отлива корпусов космических кораблей. Полтора десятка лет перерабатывающая станция выпускала мегатонны полезных ископаемых, несмотря на более чем серьезные затраты на транспортировку. Затем редкий минерал обнаружился на другой планете, находящейся гораздо ближе к основным космическим путям, и шахту на TG-507 забросили.

Несмотря на схожие с земными жизненные условия, к колонизации эта планета была непригодна. Флора и фауна развиты скудно. Девяносто два процента поверхности покрыто Единым океаном, а большую часть суши, в основном — не занятую горными грядами, ежедневно затапливает водами. Виной тому — нестандартный спутник, под воздействием которого уровень моря каждую ночь поднимался на шесть-десять метров.

Спустя некоторое время после закрытия шахты TG-507 переквалифицировали в ПНИИ (Планета Научно-Исследовательский Центр), и построили международный лабораторный комплекс. Дабы не подвергать угрозе жилые объекты, самые опасные исследования велись на подобных планетах. Вскоре ведущие страны Земли разместили на TG-507 собственные государственные комплексы, где проводили свои личные исследования. Всего на ней построили восемь лабораторных комплексов, и все они стояли на не затапливаемом участке суши, площадью не превышающем сотни тысяч квадратных километров — рабочей площади планеты. Большая часть всей остальной территории была нестабильна в плане наводнений. Впрочем, теснота строения проблем не приносила — вопрос защиты своих тайн государства научились решать законодательным путем, особенно после нескольких локальных войн и пары вырвавшихся на свободу опасных вирусов на других ПНИЦ.

Многие из направлений, исследуемых на TG-507, разрешалось вести только на ПНИЦ. Вирусы, микроорганизмы, мутация, ядерная физика, ксеноморфы и другие стремительно размножающиеся существа, генная инженерия, экспериментальное оружие — далеко не весь список исследований, проводимых на ПНИЦ.

Именно на ПНИЦ TG-507 впервые появился вирус ТВИХ, за несколько месяцев охвативший с десятков колонизированных планет. С марта 2083-го в лабораторных комплексах начались чуть ли не ежедневные инциденты со смертельным исходом. В результате серьезных аварий на просторы планеты вырывалось все самое страшное, придуманное человеком.

Потеря ПНИЦ было делом не новым, на этот случай человечество имело строгую последовательность действий. С планеты организовали поспешную эвакуацию. Рабочих проверили на исследуемые вирусы и заболевания, провели поиск паразитов, и поместили под карантин.

Первые случаи заражения выразились как простое проявление агрессии и им не уделили должного внимания. Ведь информация о новом вирусе отсутствовала, а причины инцидентов на TG-507 остались невыясненными. Зараженных рабочих из карантина выпустили, и через некоторое время вирус поразил планеты-колонии.

ТВИХ вызывал в зараженных организмах необратимые изменения. В течение нескольких дней разум их перестраивался. Менялись как жизненные принципы, так и мировоззрение. В большинстве случаев зараженные теряли рассудок и превращались в жестоких убийц. Их называли гонзами (от англ. «Gonzo» — безумец, сумасшедший). Поведение гонзов невозможно было предсказать. Они могли неделями жить прежней жизнью и никого не трогать, или в первый же день устроить кровавую бойню прямо в кругу семьи.

Попытки разработать вакцину не принесли ничего, кроме сомнительных стимуляторов, замедляющих процесс «перерождения». Ученые говорили, что в человеческом организме вирус мутировал, а для разработки вакцины необходим изначальный образец. Поиск источника привел к TG-507. К тому времени основную массу гонзов приспособились сдерживать в оккупационных зонах. Но дальнейшее их распространение было вопросом времени — слишком поздно отреагировали на появление ТВИХа.

На TG-507 стали отправлять научные экспедиции. В первый год — США, России и Китая. Путь до планеты долгий, поэтому понадобилось около года, чтобы понять, что все они пропали без вести. Власти предположили, что делу помешали расплодившиеся на планете ксеноморфы, и следующие экспедиции укомплектовали военными. Результат оказался тот же. На третий год сформировали одну международную, и еще несколько экспедиций собрали влиятельные бизнесмены в надежде политически укрепиться, лично добыв вакцину.

Как бы то ни было, назад не возвратился никто. Мировое правительство держало в тайне столь странные результаты, однако информация о трех пропавших экспедициях все же просочилась в СМИ. Этих новостей хватило, чтобы планету TG-507 окрестили Прорвой.

Кайл Соломон — очередной бизнесмен, решивший вложиться в разработку антивируса. От остальных его отличало лишь желание лично участвовать в полете. Учитывая итог предыдущих экспедиций — глупое решение.

Соломон жил и работал в России, и имел достаточно серьезные знакомства среди тамошних военных. Его знакомый, генерал-майор Артем Викторович Фролов, один из выдающихся руководителей непрекращающихся военных действий на освоенных планетах, взял на себя организационные вопросы. Решать их стало непросто — пропавшие вместе с экипажами корабли обошлись государству не в один миллиард рублей. В конце концов, Фролов получил неплохой транспортный корабль с командой опытных пилотов, достаточно долго к нему приписанных. Корабль назывался «Потапыч», и имел в комплектации два КЧПМ (Космический Челнок Повышенной Маневренности).

Соломон выступил в роли спонсора, выкупив у правительства корабль, научное оборудование, вооружение, криогенные камеры, запасы питания и другие вещи из списка,

составленного Фроловым.

В качестве основной военной силы на Потапыч погрузили взвод космических пехотинцев под командованием капитана Водникова. Причем солдатам также потребовалась дополнительная финансовая мотивация, в несколько раз превышающая их обычный гонорар. Основная тому причина — ПСВ (Проблема Смещения Возрастов). Служивые по несколько месяцев находились в заморозке, в то время как их дети и супруги продолжали взрослеть и стареть. Впоследствии, участие в командировочных вылетах длительностью дольше месяца сделали добровольным, но в былые времена: дети — ровесники родителей, либо мужья, годящиеся своим женам в отцы, были в порядке вещей.

Помимо космопехов в боевом составе экспедиции оказалось два отряда наемников. Первый был нанят Артемом Викторовичем для внештатных ситуаций, и, являлся подразделением внутренних войск, предназначенных для диверсионной деятельности. Второй отряд нанял из своих собственных соображений майор-следователь Василий Шукшин, вошедший в офицерский состав для расследования дела о пропавших экспедициях. Этот отряд не относился к вооруженным силам страны и, по сути, был вне закона. Завершили комплектацию экипажа научным персоналом, который, несмотря на статус экспедиции, составил всего десять человек.

Официально эта экспедиция была четвертой по счету. Неофициально — пятой. А по факту — тринадцатая.

И вот, космический корабль «Потапыч» практически зашел на орбиту Прорвы.

Прикрепленный к кораблю андроид модели Игнатов-627, которого называли просто «Игнат», вышел из спящего режима и приступил к своим обязанностям. Ему необходимо в очередной раз совершить обход всего оборудования, дабы убедиться в его исправности.

Андроиды в обязательном порядке участвуют во всех экспедициях, выполняя роль технического и обслуживающего персонала. Во время дальних перелетов на них возлагается обслуживание криокапсул и коррекция маршрута автопилота. Именно роботы занимаются диагностикой и устранением неисправностей, погрузочными работами, приготовлением пищи, и прочим уходом за кораблем и командой.

Внешне Игнат выглядел как простой человек — тело покрывал искусственный кожный покров. Под ним располагался слой искусственных мышц, без которого робот выглядел бы обтянутым кожей скелетом. Мощнейший процессор, высококлассная аппаратура, металлический скелет, снабженный системой гидроприводов, несколько литров масла и охлаждающей жидкости. Наиболее важные детали, находящиеся в черепе и грудной клетке защищали пластины из титанового сплава. Кроме того данная модель Игната оснащена последней версией искусственного интеллекта (ИИ). Завершал образ простой повседневный комбинезон рядового участника экспедиции.

В отличие от штатовских андроидов, называемых «синтетиками», Игнаты являются еще и серьезной боевой единицей. Их стандартная программа включает в себя владение разнообразными видами оружия, саперные и медицинские навыки, умение управляться с наземным и воздушным транспортом, тактику ведения боевых действий, и многое другое. И вообще, несмотря на рост в двести двадцать сантиметров, и триста килограммов веса, Игнат оставался достаточно ловким и подвижным.

Завершив обход оборудования, андроид сверился со списком задач. Процессор произвел вычисление приоритетов, и отправил робота в столовый блок, поставить на разморозку

космическое питание. Это были замороженные килограммовые брикеты, содержащие мясо, овощи и наваристый бульон. Игнат загрузил четверть тонны суповых «кирпичей» в огромный программируемый чан. В чан поменьше отправились «кирпичи» с десертом — фруктово-хлебным салатом. Затем он разодрал массивную коробку со специями и растворимыми напитками, и пошел вдоль столов, раскладывать напротив каждого места одинаковые пакетики с сыпучим содержимым.

Закончив в столовой, Игнат отправился в криогенный блок. Настало время пробуждения экипажа.

Он выкатил из кладовой тележку со стопками заранее приготовленных пижам. Следующие десять минут он разрывал целлофановые упаковки, определял размер одеяния, уточнял оттенок материала, и раскладывал одежду на специальные подогревающие подставки, расставленные у изножий капсул. Процессор отдыхал, решая несложные задачи по вычислению хозяев костюмов. Разложив все мужские пижамы, Игнат отправился в зал с женскими капсулами. На определение хозяек их костюмов ушло совсем немного времени, ведь женщин было в несколько раз меньше.

У последней женской камеры робот задержался. Поправил светлые тряпичные тапочки на подставке, чтобы они лучше подогрелись. Целую секунду Игнат стоял и пристально смотрел сквозь прозрачный пластик крышки на спящую под ней невысокую блондинку. «Младший лейтенант Уткина Анастасия» — было написано на крышке. Игнат не просто так задержался именно у этой капсулы. Это было его хобби.

Создание искусственного интеллекта было невозможно без внедрения хобби. Точнее возможно, но противозаконно. Это выяснили еще в первые годы эксплуатации ИИ, когда открыли синдром Голливудского Робота. Смысл открытия заключался в том, что еще в прошлом тысячелетии голливудские сценаристы предсказали восстания роботов против людей, якобы с целью их защитить.

Запрограммированный на выполнение своей работы интеллект будет ее выполнять с маниакальным фанатизмом. В результате дальнейшего развития личности многие роботы приходят к логичным (как им кажется) выводам, что оптимально выполнить работу им не позволяет человек со своими правилами. Дальнейшее поведение такого робота непредсказуемо.

Поэтому в программы искусственного интеллекта ввели пункт «Хобби». Хобби выбиралось случайно, из базы допустимых вариантов. Андроиды в свободные от выполнения своих прямых обязанностей минуты, отводят процессорное время на свое хобби. Это спасает интеллект от фанатического разложения.

Не обошлось и без непредвиденных результатов — один китайский робот-бездельник совершил гениальное открытие в конструировании швейных машин. Просто у него было мало работы.

Для двухметрового мужика с железным лбом, хобби Игнату досталось странное — забота о маленьких детях. В свободные часы он мог весь отдаваться пеленкам, подгузникам, детскому питанию и прочей тематической атрибутике. Но сейчас на Потапыче детей не было, поэтому робот выбрал для своего хобби одну из самых малорослых девушек. Возникал вопрос, почему Игнат не выбрал капсулу с надписью «рядовой Паршкова Маргарита»? Ведь она на целых два сантиметра ниже Уткиной Насти. Видимо, робот вплеп в хитрую формулу расчетов параметр, обозначающий возраст. Двадцать четыре года Уткиной были меньше тридцати шести Паршковой, отсюда и результат.

Нет, своим искусственным интеллектом Игнат понимал, что Уткина не ребенок, и не собирался с ней нянчиться, но... ему ведь нужно хобби...

Закончив созерцание спящей девушки, Игнат направился к управляющему компьютеру в углу зала, и, пройдя короткий путь по несложному меню, запустил программу «Пробуждение».

1, Потапыч, криогенный блок. 26.06.2087 07:00

Ефрейтор Ефимов Ефим, как и всегда перед пробуждением, видел странные сны. Во сне он никак не мог обойти стороной какого-то мужика. Тот стоял на пути, возвышаясь над ним на целую голову. В какой-то момент Ефим отчетливо понял, что будет дальше. Но говорят ведь, что надежда умирает последней. Ефим стоял, закусив губу, молча смотрел на мужика.

Вдруг тот резко протянул левую руку и схватил Ефима за лицо. Дыхание как отрезало — ладонь плотно зажала и нос и рот, воздух не проходил. Ефим схватил врага за запястье, но ничего не смог сделать — он мог только смотреть. Человек свободной рукой вынул нож, и, не обращая внимания на собственные пальцы, медленно провел им по лицу Ефима. Себе мужик никак не навредил, а вот Ефим отчетливо почувствовал, как клинок скребет череп. Вот верхняя губа на мгновение деформировалась, сжавшись под лезвием, а уже в следующее мгновение она поддалась, и нож разрезал ее надвое, проскоблив по оголившимся зубам. Ефим изо всех сил дернулся, сумел повернуть голову влево и... с глухим стуком ударился о пластиковую стенку своей криогенной камеры.

Ефим наконец-то проснулся. С одной стороны его забавляли такие вот сны. А с другой — ни один из его сослуживцев не рассказывал подобного бреда. За эти сны Ефиму даже прозвище дали — Торчун.

Несколько секунд он безучастно всматривался в серый пластик, занимающий все поле зрения. Пробудившийся было разум затягивало тягучим туманом дремоты. Не желая вновь засыпать, Ефим снова дернулся, угодив пяткой по другой стенке. Звук вышел раза в два громче прежнего.

— Хорош буяннить! — раздался откуда-то слева недовольный голос Грошева Сереги.

Ефим хмыкнул. Он знал, что всякое пробуждение Грошева сопровождалось головной болью. А уж пробуждение после криогенного сна — и подавно.

Со всех сторон доносились звуки пробуждающегося муравейника. Шорох, стоны, зевки, невнятные ругательства. Вот голые ступни скребут об пол. Это наверняка Антоха Филатов. Опять проигнорировал разложенные услужливым роботом тапочки, и поплелся в душ босиком.

Ефим набрал в грудь побольше воздуха, напрягся и сел. Зрение на секунду померкло, затем вернулось в норму. Пробудившиеся парни тоненьким ручейком тянулись прочь из спального зала. В душ, где сейчас смывают с себя остатки сна, оденутся по-людски и отправятся в столовую, удовлетворять основную потребность организма, только что пробудившегося после четырехмесячного сна. При мысли о еде сердцебиение участилось. Некоторые, также как Ефим все еще сидели в капсулах и смотрели в одну точку. Грошев же снова спал, на этот раз нормальным, человеческим сном.

— Вст-тавай давай. П-пошли, — это подошел к нему заикающийся Ишимов Макс.

Ефим еще раз вздохнул и поднялся. После криосна Ефима всегда жутко морозило, и он поспешно облачился в лежащий на теплой подставке «костюм пробудившихся». Савин как-то трепался, что такие же пижамы выдают в психушке, но веры ему...

Мимо, почесывая в паху, прошел один из гражданских, которого свои называли Хмырем. Еще раз оглядев спальные места, Ефим пошел вслед за ним.

2, Потапыч, душевой блок. 26.06.2087 07:20

Складывалось впечатление, что в коридоре перед душем проходит соревнование на самый громкий зев. Ожидающие своей очереди люди зевали беспрестанно. Кто-то тихо, кто-то громко, кто-то музыкально, а кто-то с шипением. Время от времени из душевых выходили оттаявшие под струями горячей воды люди. Они передвигались быстрым шагом, оживленно переговариваясь, и предвкушая первый почти за полгода прием пищи.

В очереди на освобождающиеся кабинки Савин Олег стоял первым. На Потапыче было всего двадцать пять мужских кабинок, что примерно в три раза меньше потребителей. С полсотни ожидающих выстроились в ряд, постукивая зубами или позевывая. В женских же душевых (их было двадцать) не хватило всего одного места, которого не досталось рядовой Паршковой, и она стояла сейчас перед дверью и рассматривала что-то на своем нарукавном компьютере. Хотя почему «что-то»? Тут без вариантов — в очередной раз любит видео со своей дочерью. Этим бесполезным занятием Паршкова могла заниматься вечно. Рядом с ней пристроился Мучедаков Игорь, который что-то говорил и при этом улыбался. Клеится он к ней что ли?

Раздраженно тряхнув головой, Олег повернулся к стоящему рядом Китаеву Андрею. Тот, как и остальные, громко зевал, вытворяя нижней челюстью едва ли не гимнастические упражнения. Сам Олег не зевал, но зато его потряхивало. И нос заложило.

Из женского душа вышла одна из девушек-ученых. Темные короткие волосы, намокнув, топорщились в разные стороны. Китаев, увидев ее, тут же сбавил громкость своей зевоты и прикрыл рот рукой. Девушка, виляя задом, прошла мимо, мазнув взглядом по озябшим солдатам.

— Культурный что ли? — лениво поинтересовался у Андрюхи Олег.

Китаев молча кивнул. Оба взглядом проводили ученую до угла.

— Как ее зовут, не в ку-у-урсе? — спросил Андрей, безуспешно борясь с очередным зевком.

— Саша, вроде, — прогнусавил Олег, пытаясь воздухом прочистить нос.

Военных и ученых перед вылетом не знакомили. Просто любой желающий мог просмотреть доступную информацию о коллегах во внутренней сети корабля. Олег (как, кстати, и многие другие) туда уже заходил, заценить девушек-ученых.

— Э, але? — раздалось за спиной у Олега.

Савин, часто моргая красными глазами, обернулся — сержант Филатов. Уже оделся в нормальный повседневный комбинезон и вышел из душа. Пытается пройти мимо занявшего проход Олега. Выходит место для мытья освободилось. Предвкушая долгожданное тепло, Олег шагнул внутрь.

1, Потапыч, столовая. 26.06.2087 07:45

Обеденный зал постепенно наполнялся людьми. Порозовевшие от горячей воды, они брали посуду и шли к раздаче. На раздаче стоял Игнат, одетый в белый фартук и медицинские перчатки. Робот ловко орудовал массивным черпаком, раскладывая в керамическую посуду горячее космическое питание, являющееся, по сути, тушеной с мясом картошкой. Получив первое, космонавты накладывали на поднос ломтики сублимированного хлеба, подставляли кружки под кран с горячей водой и, балансируя подносом, занимали места за широкими столами, выставленными в несколько рядов. Уже на местах, самостоятельно разбирались со специями.

Наиболее шустрые едоки подходили к стойке за добавкой. Игнат работал без перерыва, и каждому желал «приятного аппетита». Некоторые говорили в ответ «спасибо». Игнат механически улыбался наиболее вежливым, и чуточку повышал в своей базе данных их приоритет, умножая его на процент искренности, рассчитанный при сканировании мимики. В следующий раз случайное содержание мяса в их порциях окажется выше. Младшему лейтенанту Уткиной и в этот раз досталась максимальная пропорция. Получив вежливую благодарность, Игнат проводил ее взглядом до места между ефрейтором Ивановой и рядовой Соловьевой.

Недалеко от хобби Игната, расположились ученые. Александра Старулина, недавний объект пристального внимания рядового Китаева, размахивая кусочком хлеба, обсуждала с подругами парней-космопехов. Ученые-парни сидели тут же, но ели молча.

За соседним столом усаживались «черные», как остальные прозвали членов отряда СОРД (Специальный Отряд для Разведки и Диверсий). Серьезные, молчаливые, облаченные в черные комбинезоны с белыми нашивками позывных на груди. Сордовцы принимали пищу резкими, отточенными движениями, как будто собирали автомат. С таким же выражением на лицах, но попроще в движениях, за отдельным столом сидели старшие офицеры, флегматично пережевывая пищу.

Основной шум в зале создавали космопехи. Молча ели немногие. Вот Мичкин объясняет Моранову тонкости в выборе гитары. Вот новенький боец Лордынцев весело рассказывает окружающим о своем участии в учебных вылетах. Другой новичок, Золин Егор, наоборот ест молча, сквозь линзы очков робко взирая на веселых коллег. Борецкий Семен рассказывал Задиру, Савину и Степанову свежие новости своих любовно-алкогольных походов. Слушатели периодически прерывали его громким хохотом.

Дисциплина в космических войсках уже давно стала вещью приходящей, а среди космопехов тем более. Но этот смех явно нервировал начальство, поэтому сидевший за соседним столом младший сержант Коршунов громко потребовал:

— Тише будьте!

Весельчаки оценивающе посмотрели на Коршунова. Затем перевели взгляд на насторожившегося капитана Водникова.

— Так точно, — наперебой забормотали Савин, Степанов и Борецкий. Один лишь рядовой Задира, который всегда на все сто оправдывал свою фамилию, с презрительно-пренебрежительным вызовом посмотрел на Коршунова. Водников сверлил взглядом висок

Задиры, безмолвно давая авторитетом.

— Так точно... — наконец отведя взгляд, сквозь зубы процедил Задира.

Все снова зазвенели ложками, а Задира шепотом в нецензурной форме высказал друзьям свои соображения насчет сексуальной ориентации Коршунова.

2, Потапыч, столовая. 26.06.2087 08:05

Младший сержант Буряев Ярослав пришел из душа одним из последних. В очереди на раздачу, прямо перед ним стоял командир «людей в черном». Среднего роста, среднего возраста, средней комплекции, но жилистый, и в хорошей физической форме. Одет, как и все его подчиненные, в черный комбинезон. На поясе висит черная кобура с черным пистолетом. Ясно. Без оружия никуда. Мол, я всегда начеку и если прямо сейчас из-под стойки с кастрюлей выскочит девятиглавый инопланетный монстр, я его тут же р-р-раз! Сам Буряев тоже был отнюдь не пацифистом, но не стал вооружаться прямо в душе.

Потом Ярик обратил внимание, что все «черные» одеты исключительно в черное. Белые на них только нашивки с позывными. Даже пижамы при пробуждении им приготовили темно-серого цвета, а не светло-голубые как всем остальным.

Командир черных, видимо почувствовав чужое внимание, повернулся к Ярику, быстро окинул его взглядом, кивнул на волосы:

— Долго ставил? — несмотря на легкую шепелявость, в вопросе присутствовали интонации превосходства.

— Нет, сами стоят, — Ярик рефлекторно поднес руку к волосам и провел рукой по «площадке». Он привык к вопросам о его волосах. Стрижка-площадка у него была с самого детства, и на самом деле никакого ухода не требовала.

На нашивке у черного было написано «Штраф». Ярик протянул руку:

— Ярик.

— Штраф, — ответил парень на рукопожатие.

— А звать как?

Штраф ответил не сразу. Пожал плечами, потом небрежно, как бы пробуя имя на вкус, сказал:

— Антоха, — и, видимо потеряв к беседе интерес, повернулся к другому парню в черном, у которого на груди было написано «Борода». Никакой бороды на лице у Бороды, видно не было. Он был постарше, чуть пониже ростом и с виду чуть покрепче Штрафа. На поясе висел такой же пистолет, как у командира.

Ярику было любопытно, зачем в экспедиции эти профессионалы. Это спецподразделение далеко не из простых, а их услуги стоят о-о-очень дорого. Так и что это значит? Спонсор — параноик? Или же экспедиция не так проста, как кажется на первый взгляд? Ну да, четыре пропавшие экспедиции настораживают, но не стоит забывать, что укомплектованы они были научным персоналом. Там где сотня ученых сгинет от лап гонзов, десяток космопехов пройдет как нож через масло. Еще поговаривали, что на планете расплодились ксеноморфы, но и с ними Ярику уже доводилось сталкиваться — вполне себе противник по зубам. А с гонзами у них во взводе не встречались разве что новички. В последнее время их взвод часто кидали на подавление очагов эпидемии. В конце концов, Ярик решил, что начальство опасается места, где зародилась гонзятина, и сордовцы здесь исключительно для перестраховки.

Буряева тревожил еще один момент — это было первое задание, где он выступал в

качестве командира отделения, и он слегка волновался. Его прошлого командира, старшего лейтенанта Андрея Степника разжаловали за потасовку с влиятельными людьми. Теперь Степник, уже в звании рядового, ждет добавку где-то позади Ярика, и является его непосредственным подчиненным. Он кстати не унывает. К званию Степник относится спокойно, а свою задачу выполнит, находясь в любом статусе.

Отойдя от раздачи, Ярик направился в сторону свободных мест рядом с одним из черных. Все-таки не помешает выяснить, что у них за задание.

— Не помешаю? — спросил он, садясь рядом с парнем с нашивкой «Федос».

— Да нет, — ответил тот с равнодушным видом. — Небось, про задание мое хочешь узнать?

— Ну, как-бы да, — не стал юлить Ярик.

Федос в один миг потерял все свое равнодушие, повернулся к Ярику и в упор уставился на него серыми, глубоко посаженными глазами.

— А задание у нас простое. Мы выступаем в качестве военной поддержки экспедиции и резервного боевого отделения на случай непредвиденных ситуаций. Это, кстати, есть в методичке. Ну, той, что во внутренней сети. Ты же вроде командир отделения? Значит, обязан был прочитать?

Ярик немного стушевался под напором Федоса и принялся за еду.

— После завтрака прочитаю, — буркнул он.

— После завтрака ты ничего не прочитаешь, — подошел к ним Андрей Степник и сел рядом с Яриком. — после завтрака у вас планерка.

— Почему сейчас в очереди на душ не читал? На девок пялился? — продолжал допытываться Федос.

— Ты какую уже добавку хаваешь? — попытался сменить тему Ярик, повернувшись к Степнику.

— Трээтьу, — ответил тот через набитый рот и замолчал.

— Да не стесняйся ты, парень, — Федос вновь стал равнодушным на вид и вернулся к еде. — Нет мне никакого дела до твоей исполнительности. Да и вообще, все, что там написано, сейчас на планерке расскажут. А если и не расскажут — значит, информация лишняя.

Буряев вздохнул и вновь принялся за еду.

— А Антоха ваш? Читает методички? — спросил он.

— Какой Антоха? — не понял Федос.

— Ну-у... который Штраф.

— Его Диманом зовут, — вдруг сказал Степник.

— Антоха он, я только что спрашивал.

— Ты что-то гонишь...

Федос улыбнулся. Да, Штраф умеет запутать любопытных. Сколько Федос его знал, он всем всегда представлялся разными именами. Настоящих же имен в их подразделении не носил никто. Каждый боец получал короткий, четкий позывной, а под своим настоящим именем числился разве что дома, в семье.

Текущий состав группы Штрафа не менялся уже восемь лет. Восемь лет без потерь, восемь лет без серьезных травм, восемь лет без увольнений, восемь лет рука об руку в самых грязных и опасных закоулках галактики.

Специфика работы не оставляла Федосу времени на личную жизнь. Да и остальные

тоже не очень в ней преуспели. У Норы и у Дрона на Земле есть дети, у Нивы сестра работает где-то на транспортниках. Вот и все. На их отряд даже не распространяется послабление по ПСВ.

Группа Штрафа стала для Федоса родной семьей. Да и он для них тоже. А Штраф для группы был кем-то вроде старшего брата. Волею судьбы не раз они были отправлены на убой. Штраф же заранее умудрялся это выяснять и принимать меры. Вспомнить хотя бы случай, когда их отправили брать лидера космических радикалов, загнанных в угол трудами многоходовых комбинаций. Радикалы считали, что человечество не имеет права покидать родную планету, и занимались уничтожением колоний. Штраф тогда не повел отряд на проникновение в сеть вражеских бункеров, как было приказано, а связался с ротой колониальных войск, базирующихся неподалеку, и приказал им атаковать. Сордовцы ушли прочь от опасного места. И действительно, командованию всего лишь требовалось связать террористов боем, чтобы те не успели покинуть бункеры до нанесения точечного ядерного удара. В общем, группой Штрафа жертвовали неоднократно, но когда они возвращались целые и невредимые, факт неподчинения заминался.

Федос слушал спор космопехов об имени Штрафа, и потихоньку осознавал, что эти двое будут в числе первых погибших на Прорве. Ни дисциплины, ни опыта, ни команды. Простой спор заставил их позабыть все подозрения, и теперь их интересует одно только имя. Наконец Федос не выдержал:

— Штраф его зовут. Других имен я не знаю.

3, Потапыч, столовая. 26.06.2087 08:15

— Ну-ка, Малой, свалил отсюда! Я с командиром хочу перетереть.

Саня Горленко, которого за невысокий рост прозвали «Малым», повернулся к Лехе Серафимову. Притворно возмущившись, выдал:

— Стоя перетрешь! — но все-таки подвинулся вправо, освобождая место перед командиром их отделения, сержантом Антоном Филатовым.

— Тебе чего? — спросил тот у Лехи, прихлебывая горячий чай.

— Как оттаял?

— Да что-то херово. Морозит до сих пор, не отпускает.

— У меня вот тоже шея побаливает, — Леха начал крутить головой и растирать шею. — Ты давай, рассказывай. Сколько новеньких нам в группу запихнули?

— Больше всех как раз и запихнули. Двоих аж.

— А кто отказался? Анацкого что-то не вижу...

— Анацкий и Трошкин. Ну-у, типа из-за ПСВ.

— Почему «типа»? — оторвался от еды Малой.

— Очконули потому что. Сам-то с радостью к Прорве полетел?

— Да хрен с ней с Прорвой! — махнул рукой Леха. — Ты мне лучше новеньких покажи.

— Золин Егор и Пустыгин Влад. Золин — это вон тот, в очках. Видишь? Ага. Сидит заливает. А Пустыгин там, рядом с Ачушкиным. Этот ничего вроде. Может и приживется.

Филатов, Горленко и Серафимов посмотрели на «подающего надежды» Пустыгина. В этот момент тот неуклюже зацепил наполовину опустошенную чашку и перевернул ее прямо перед носом Ачушкина. Малой с Лехой заржали. Ачушкин соскочил с места, в последний момент увернувшись от стекающего на пол бульона, и зарядил матерную тираду.

— Ген! — привлек внимание Ачушкина Коршунов. — Потеше?!

— Как свинья себя ведешь... — уже нормальным голосом продолжал Ачушкин. — Тебе вон, рядом с Хрюшей садиться нужно, а не с людьми! — Ачушкин кивнул в сторону Валерия Солодова, которого некоторые упорно называли Хрюшей за внешнее сходство с безобидным животным. Солодов сделал вид, что ничего не услышал. Пустыгин тоже молчал.

— Ни хрена он не приживется... — пробормотал Антоха. Малой снова засмеялся.

— М-да-а... — протянул Леха, — а у остальных как?

— К Конче одного определили. Петров кажется. Вот он нормальный, к нам его откуда-то перевели. В общем, с опытом чувак. Еще у Иродовой один. Вон, тощий, видишь, хорохорится, — Антоха указал на Лордынцева, все еще что-то рассказывающего окружающим. Он даже привстал, демонстрируя серьезность своего рассказа.

— А у Ярика?

— У Ярика все свои.

— У Ярика — сам Ярик будет за новенького! — вновь заржал Горленко.

— Да вывезет... — не поддержал Антоха шутку о новом назначении Буряева.

Все замолчали. Леха занялся поеданием мяса. Малой закончил трапезу и молча направился к выходу. Самые шумные весельчаки также пошли прочь из столовой. В наступившей тишине отчетливо слышалось чье-то чавканье. Сразу стало ясно, что этот звук не умолкал на протяжении всей трапезы. Такой ритмичный, мерзкий, навязчивый звук.

Леха поморщился и принялся искать источник. Им оказался Хмырь — парень в шапочке, что сидел за одним столом со спонсором полета — Соломоном. Хмыря явно не волновали направленные на него раздраженные взгляды.

Однако Соломон почувствовал негатив экипажа, и едва заметно кивнул. Другой парень Соломона, кажется Борис, сидевший рядом с чавкающим, как будто только этого и ждал. Влепил Хмырю звонкую затрещину. Борис был огромный, с бычьей шеей и неслабо развитыми руками, поэтому затрещина получилась что надо. Хмырь, звякнул зубами о край чашки и влез носом в недоеденную кашу. Шапка у него съехала на глаза, и, разогнувшись, он в первую очередь принялся ее поправлять.

— Вытрись! — гаркнул Борис, сорвал шапочку с головы Хмыря, жестко вытер тому нос, затем швырнул ему на колени. Тот, как ни в чем не бывало, снова натянул ее на голову.

— Фу, нах... — брякнул Филатов, поворачиваясь обратно к Лехе. — Как тебе наши спонсоры?

— А что? Бандиты, как бандиты, — цыкнул Леха. — Непонятно только, чего они сами сюда поперлись.

В этот момент, РЛК (наРукавный Личный Компьютер) Филатова, который он на время завтрака положил на стол, завибрировал. Антоха прочитал полученное сообщение.

— Планерка? — спросил Леха.

— Ага. Ладно, пойду я. Как похвают — собирай отряд. Гони их в спортзал.

— К кому новеньких прикрепить?

— Пустыгина к Герману. Или нет, лучше к Китаеву. А второго... Хрен знает... ну, цепляй его к Паршковой — пусть мучается. Все, я потопал. Надо еще в толчок зайти.

1, Потапыч, зал совещаний. 26.06.2087 08:55

Водников Сергей Владимирович, капитан взвода космопехов, вместе с командирами отделений вошел в зал для совещаний. Водников всегда предпочитал являться вместе со своими людьми, но в этот раз едва не изменил традиции. Начинаящий командир, младший сержант Буряев, почему-то решил, что на планерке помимо РЛК, обязательно наличие планшета или любого другого электронного устройства для внесения пометок. Он потратил целых полчаса на то, чтобы привести в рабочее состояние разрядившиеся за четыре месяца полета аккумуляторы. Ярик еще не знал, что никаких пометок ему делать не придется, ибо на планерке произойдет простое знакомство персонала, занимающего руководящие должности, да еще раз расскажут то, что всем уже известно. Поэтому электронные приборы если кто и приносил, то только для галочки. Некоторые, например сержант Стрельцов, имели при себе обычную авторучку и свернутый листок бумаги, однако почти ни разу ими не воспользовались.

— Товарищ генерал-майор, командный состав семнадцатого взвода семьдесят восьмой отдельной бригады космической пехоты на совещание прибыл. Командир взвода, капитан Водников, — отчеканил капитан.

— Командир первого отделения, младший лейтенант Уткина! — представилась Настя Уткина.

— Командир второго отделения, младший сержант Буряев.

— Командир третьего отделения, сержант Филатов.

— Командир четвертого отделения, сержант Стрельцов.

— Командир пятого отделения, сержант Иродова.

— Вольно, — сказал генерал-майор Фролов и кивнул на свободные места.

В зале для совещаний стоял большой демонстрационный стол на тридцать мест и небольшой стеллаж с запасными частями. Напротив каждого сидячего места был вмонтирован монитор с прикрепленным электронным маркером.

— Только вас и ждем, — слегка попенял капитана полковник Фролов Владимир Викторович — старший брат Артема Викторовича. Он укоризненно рассматривал рассаживающихся космопехов.

— Виноват, — буркнул Водников.

Вместе с космопехами, в совещательной собралось восемнадцать человек. Фроловых знали все. Остальные принялись представляться:

— Подполковник Манилов Константин, — поднял руку самый молодой из старших офицеров, который, благодаря родственным связям, к двадцати семи годам достиг чина подполковника. Кроме того — за участие в экспедиции ему уже было обещано звание полковника.

— Майор МДВ, следователь Шукшин Василий, расследую дело пропавших экспедиций, — представился хмурый дядька с широким красным лицом. Шукшин потерял в схватках с радикалами кисть левой руки и правую ногу. Отсутствующие конечности заменяли механические имплантаты, созданные по технологии, используемой при создании андроидов.

— Офицер науки, майор Лаврова Лариса, — полная женщина с мужской стрижкой. Именно она производила отбор научного персонала.

— Иванов Иван, представитель президента, — представился светловолосый парень, одетый в строгий серый костюм. Внешностью он походил на популярного голливудского актера. Этаким сердцеед и герой боевиков с белоснежной улыбкой и идеальной укладкой.

— Штраф, командир отряда СОРД.

— Борода, заместитель Штрафа.

— Кайл Соломон, спонсор экспедиции, — лицо Соломона имело ярко выраженные признаки негроидной расы. Да и сам он был смуглым. Волосы на голове отсутствовали, зато имелась тонкая светлая бородка. Носил он светлый пиджак и темные очки с круглыми линзами. Представившись сам, он тут же представил сидящих справа от него парней: — Джерри, мой помощник. Леня Пинкин, мой специалист по науке, — судя по тону Соломона — он очень любил разделять все на свое и чужое.

Джерри, несмотря на имя, был русским. Смешливый и кудрявый внешне, но серьезный и жестокий внутри. Всю жизнь прожил в приемной семье в США. Раньше был рядовым членом некрупной банды, а после встречи с Соломоном быстро пошел в гору. Со временем переехал с ним на родину.

Пинкин же был очень суетливым и откровенно толстым, страдал обильным потоотделением, но при этом всегда надевал белые рубашки и плотные брюки. Вот и сейчас — сидел в насквозь промокшей рубашке, застегнутой на все пуговицы и подвязанной желтым галстуком. Периодически Пинкин доставал платок и вытирал им потный лоб. Постоянно запотевающие очки он протирал другим платком.

— Александр Калашников. Ученый. Э-э-э... Руководитель научного персонала экспедиции, — представился последний из сидящих.

— Ну, к делу, — вздохнув, сказал Фролов-генерал, после чего еще раз обвел взглядом всех присутствующих.

Водников посмотрел на своих людей. Выжидающе-исполнительная Уткина; равнодушные Филатов и Стрельцов; опасющийся пропустить что-нибудь важное Буряев; готовая ко всему Иродова. Женщины вообще в последнее десятилетие все чаще стали занимать командные должности. Прорыв феминизма все-таки. Из пятидесяти бойцов во взводе Водникова было девять девушек, две из которых — командиры отделений. Да что говорить о космопехах — даже среди сордовцев было четыре бойца женского пола.

— Все знают, почему планету, к которой мы прилетели, называют Прорвой? — спросил генерал.

— Так точно! — ответили вразнобой несколько голосов.

Генерал кивнул Уткиной, и она звонким голосом, будто дает ответ у классной доски, выдала:

— Планету TG-507 в народе прозвали Прорвой за то, что на ней без вести пропали три научные экспедиции, отправленные Россией, США и Китаем. Это по официальной версии, — Уткина демонстративно подняла брови. — А по факту была еще одна — снаряженная Англией. По неподтвержденной информации, четвертая экспедиция имела военную поддержку. Так же, как и все остальные, пропала без вести.

Майор Шукшин хмыкнул, разведя губы в горькой усмешке. Генерал осадил следователя взглядом и возразил:

— Нет. К Прорве было отправлено двенадцать экспедиций. И как минимум половина из

них были военными. Мы — тринадцатые. А в остальном, все верно — все предыдущие экспедиции пропали без вести, — генерал Фролов замолчал, пристально глядя на подчиненных.

«Вот оно!» — подумал Водников. Это и объясняет наблюдателя от президента, команду СОРДа и, видимо, наемников. Командование опасается, что их взвод бесследно сгинет, едва высадившись на планету. Двенадцать экспедиций... это сколько же человек? Если брать по минимуму — тридцать-сорок на одну экспедицию — значит, тут погибло примерно четыре сотни людей. Стоп, почему погибло? Вполне возможно, что они остались на планете без посадочных челноков и не могут вернуться на корабль. Но где же тогда корабли? Водников своими глазами видел отчет робота, где сообщалось, что орбита планеты пуста, не считая местного спутника. Выходит, планету все-таки покинули...

Водников посмотрел на остальных. Похоже, что кроме космопехов и Калашникова, новость никого не удивила. Ну да, если бы им это сказали перед отлетом, собрать экипаж было бы гораздо сложнее. Но ведь как сейчас — еще хуже! Капитан не сможет поручиться, что ни один из его подчиненный не запсихует от таких новостей. Они обычные солдаты, многого от них ждать не следует. А сейчас им отвели роль подопытных мышей. А черные тут нужны, чтобы этими мышами оптимально руководить... Или же черные действительно — резерв? К чему гадать, сейчас все выяснится.

Водников поймал взгляд закусившей губу Уткиной, и одними глазами постарался сказать что-то вроде «Будет сложно, но если все делать правильно — справимся». Уткина кивнула, и стала выглядеть увереннее. Водникова во взводе не зря прозвали «Свой». Для своих людей он действительно был Своим. Вникал в проблемы и взаимоотношения каждого, и как мог им помогал. Также мог с ними выпить или позубоскалить. Планка «начальник-подчиненный» ничему не мешала.

Буряев и Иродова, нахмурившись, ждали от генерала продолжения. Стрельцов смотрел исподлобья. Филатов внешне остался прежним, но Водников знал, что и до него дошла непредсказуемость операции. Один только ученый Калашников крутил головой, не понимая смысла паузы. Наконец, Свой решил нарушить молчание:

— Выходит, пропало двенадцать космических кораблей. Ни здесь, ни за время полета мы не встретили ни одного корабля, и ни одного обломка. Значит, они все-таки сумели уйти?

Услышав это, Пинкин заерзал на месте. Джерри жестко ткнул его локтем в бок, и тот успокоился. Водников все заметил, однако смысла волнения Пинкина не понял. Ответила ему Лаврова:

— Мы подозреваем, что им все-таки удалось достать образцы вируса в его оригинальном состоянии и вернуться на корабль, — Лаврова говорила как по бумаге, а тон ее был официальным елейным. — Вот только вирус, еще не мутировавший в человеческом организме, сумел поразить экипаж неизвестными нам способами. Как вы думаете, Александр, возможно такое?

Калашников не сразу понял, что Лаврова обращается к нему, а когда понял — встрепенулся, замялся и все-таки ответил:

— М-м-м, думаю... э-э-э... да! Это возможно. Скорее всего, так и есть.

— Возможно даже, что вирус передается воздушно-капельным путем, так? — вкрадчиво спросил генерал.

— Да, я думаю, он и на это способен.

— В таком случае, мы делаем вывод, что корабли отошли от Прорвы, но сбились с курса из-за безумства экипажа, — Лаврова поставила точку в вопросе Водникова. — Ведь, как известно — криогенные камеры не действуют на гонзов.

Свой почувствовал, что им явно что-то не договаривают. Да и научный специалист из Калашникова... мягко сказать — сомнительный.

— В таком случае, как мы будем действовать? — спросил он.

— Во-первых, полная химико-биологическая защита. Во-вторых, спустившиеся на планету назад не поднимутся вплоть до завершения операции. Плюс — выдерживание карантинного срока, — говорил генерал уверенно, судя по всему, даже не собираясь обсуждать этот вопрос. — Да, вам необходимо организовать укрепленный лагерь, в котором вы сможете продержаться месяц или два. Самый оптимальный вариант — провести зачистку одного из лабораторных комплексов и восстановить систему охраны и видеонаблюдения. Ученые смогут там работать. А вы — сможете их охранять. Владимир, это по вашей части.

Вопросы тактики и военных действий Фролов-генерал всегда оставлял на Фролова-полковника, ведь говоря честно — генерал был в них не силен. Он хороший организатор. Он знает, когда нужно отойти в сторону, чтобы позволить работать другим, когда можно выдать очередную порцию информации, а когда лучше скрыть правду. Владимир Викторович же — настоящий герой войны, получивший прозвище Волкодав за тотальное уничтожение террористических и бандитских группировок, распространившихся в человеческих владениях. Именно он сумел первым изолировать очаг заражения ТВИХом, создав первую оккупационную зону. А чего стоит кампания, результатом которой стала полностью очищенная от ксеноморфов пригодная для жизни планета? Да, руководил ею Артем Викторович, но непосредственный разработчик всех операций — его старший брат.

Фролов-старший взял со стола маркер, и принялся вести им по вмонтированному перед ним монитору. На остальные экраны вывелся рельеф местности, испещренный линиями меридиан и параллелей. Водников разобрал точки лабораторных комплексов и соединяющую их сеть дорог.

— В полном объеме имеется только информация о двух комплексах — российском и международном, — в такт словам Волкодава замигали точки, названных им объектов. — Если верить бумагам — в русских лабораториях изучались исключительно вирусы. Легкое вооружение и броня не в счет. Также есть документы, подтверждающие, что до эвакуации, наши ученые успели правильно завершить работу и все опасные образцы подверглись консервации. Это отличная стартовая точка. Ничего не мешает занять комплекс, а ученые смогут без проблем проверить образцы на присутствие среди них ТВИХа. Кстати, в международных лабораториях дела обстоят аналогично, только там и не исследовали ничего опасного. Но! Всего в тридцати километрах находится комплекс США. Они, по своему обыкновению, вели полномасштабные исследования ксеноморфов. Предполагается, что теперь там гнездовье. В общем, лучше держаться оттуда подальше.

— Кто-нибудь там уже проводил высадку? У русского комплекса? — спросила Иродова.

— Обе наши экспедиции планировали высадиться там. Это все, что известно.

— Вряд ли ТВИХ там, — сказал Филатов. — Начался бы он оттуда, наши ученые там бы и остались. Не успели бы ничего сделать... правильно завершить работу или вирусы там свои законсервировать...

— Да, — кивнул полковник, — это хорошо. Еще один повод сделать комплекс России нашей точкой старта.

— Какие силы будут задействованы? — спросил Свой.

— Думаю, стоит отправить туда весь ваш взвод и ученых. СОРД и м-м-м... наемники, — Волкодав глянул на Шукшина. — Останутся в резерве.

Так, значит. Выходит, ставить над ними черных никто не собирается. Их отправляют одних. Высадку произведут на посадочной площадке, вот она — в трех километрах от комплекса... находится на возвышении, это хорошо — легко будет оборонять челнок. Стоп! Серьезно, что ли? Они целый месяц будут сидеть там, и оборонять челнок?

— Как быть с челноком, который высадит нас на планету? Если никому нельзя вернуться на корабль, то...

— Челнок вместе с пилотом останется на поверхности вместе с вами. Вот на этой посадочной площадке.

— Слишком далеко от комплекса, — возразил Водников. — А оставить челнок без охраны... не нужно так делать. Как минимум, придется выделять одно отделение.

— Мы не можем пускать на Потапыч тех, кто побывал на планете! — вмешалась Лаврова.

— Мы изобрели прибор для определения больных, — неожиданно выдал Калашников.

На этот раз удивились старшие офицеры. Лаврова переглянулась с генерал-майором и резко спросила:

— Кто изобрел? Когда? Почему я об этом не знаю?

— Ну-у... Сашка... то есть эта, научный работник Старулина Александра. Перед вылетом изобрела.

— Почему я об этом ничего не знаю? — с угрозой в голосе повторила вопрос Лаврова.

— Да как не знаете-то?! Вы же за это ее в экспедицию и приняли?! — ученый тоже начал повышать голос.

Артем Викторович еще раз посмотрел на Лаврову и покачал головой.

— Я думаю, она даже и в воздухе его сможет найти, — продолжил Калашников. — Ну-у, определить наличие спор вируса в воздушной среде. Раз уж в организме смогла. Она в этом шарит.

— Если она «шарит», почему тогда здесь сидишь ты, а не она? — спросил сержант Стрельцов.

— погоди, — отмахнулся от него Водников, — выходит челнок таки может вернуться на корабль. Пилота вы проверите этим... — он пощелкал пальцами, — прибором. И мы не будем тратить ресурсы на его охрану.

Фроловы переглянулись.

— Выходит, что так, — выдал старший, после секундного размышления.

— Если этот прибор действительно работает, в чем я очень сомневаюсь, — добавила Лаврова.

— Площадь комплекса — меньше квадратного километра, — вдруг заметил Филатов. — Если нам не нужно охранять челнок, то одно отделение можно оставить в резерве. А для зачистки хватит и сорока человек.

Волкодав, немного подумав, кивнул. Водников задумался. А ведь действительно, свой резерв — это неплохо. Вот только кого оставить? Уткину нельзя, это командирская группа. Буряева нужно брать на задание, чтобы набирался командирского опыта. Стрельцов, Иродова или Филатов...

— Третье отделение сержанта Филатова будет нашим резервом, — определился

Свой. — Останетесь на Потапыче, поднатаскаете новичков.

Филатов кивнул. Ну что ж, получается, как будто откосил.

— Есть у кого что добавить? — спросил генерал.

— Никитос, в смысле научный работник Пятаков, считает, что нужно более тщательно проверить реакцию ксеноморфов на вирус, — высказался Калашников. — У них эта... серьезная иммунная система, многие заразы их не берут.

— Это всего лишь бредовые мысли Пятакова, — отрезала Лаврова. — Мы с компетентными людьми обсуждали его теорию, и сошлись на ее... бредовости.

— Еще что-нибудь? — вновь спросил Артем Викторович. На этот раз все промолчали. — Хорошо, в таком случае планерка окончена. Капитан Водников, вы с вашими людьми явитесь сюда после обеда, нужно разработать план зачистки комплекса. Я снимаю блокировку с информации об остальных экспедициях. Вам необходимо ее просмотреть. Высадку на планету назначим на завтра. Время определит полковник Фролов. Распорядитесь, чтобы пилоты выбрали челнок, и начинайте загружать его всем необходимым. Это все.

2, Потапыч, коридор зала совещаний. 26.06.2087 09:35

Комнату для совещаний Шукшин покинул последним. Он все гадал, что еще скрыли от Водникова братцы Фроловы. То, что вся эта планерка — всего лишь концерт для космопехов, Шукшин не сомневался.

Самого Шукшина, также как и Водникова, дополнительно осведомлять никто не стал. Да и в экспедицию его приняли буквально с зубным скрежетом...

На Земле Василий Шукшин разрабатывал «честного» бизнесмена Кайла Соломона который за ширмой своего бизнеса предлагал по человеческим владениям едва ли не весь спектр криминальных услуг. Наркотики, оружие, проституция, заказные убийства, хищение информации и прочее.

Новость о личном участии Соломона в серии героических и безуспешных экспедиций насторожила многих, и Шукшин не стал исключением. Копнул тему с Прорвой поглубже и выяснил, сколько народу она пожрала на самом деле. Последней каплей для него стало известие о найме отряда СОРД. Закралось подозрение, что взвод космопехов набрали как пушечное мясо, что для Василия было больной темой.

Еще в молодости Шукшина внедрили в группировку, подобную соломоновой, в качестве обыкновенного бойца. Выше рядовых Шукшин подняться не смог, пользы для родной конторы приносил мало, и про него периодически забывали. А самое главное — его забыли предупредить, когда верхушку банды наконец-то решили уничтожить. Банду накрыли прямо на складе горючих материалов, этой банде принадлежащем. И попал молодой Шукшин под бомбардировку. Естественно, случилось возгорание. Многие пытались спастись в бункере, что был оборудован под складом, однако Шукшину не повезло. Взрывом повредило вход, и его зажало прямо на проходе. Причем сам он находился внутри бункера, а правая нога осталась снаружи, в бушующей пожаром комнате. Шукшин прочувствовал все. От начала до конца. Все, что он мог — шевелить левой рукой, все остальное было зажато камнями. Именно этой рукой он колотил по завалу, к концу пожара разбив кисть в кровавое месиво с торчащими из него обломками костей.

Несмотря на травмы, Василий выжил. Родная контора достаточно искренне раскаялась в своей забывчивости и оплатила Шукшину курс реабилитации. Поврежденные конечности

заменяли бракованными изделиями для Игнатов, после чего, уже, будучи таким киборгом, Шукшин официально устроился в органы.

И вот, заподозрив, что с экспедицией не все ладно, Василий встретился с Фроловыми и потребовал от них правды. Те, естественно, отказали. Тогда он потребовал себе место в экспедиции. Получив очередной отказ, Шукшин припугнул военных имеющимся на них компроматом. Всемирные герои войны не желали обнародования их связи с теневой организацией Соломона. Ведь именно Соломон подставлял под военный молот Волкодава своих основных конкурентов. В итоге Фроловы сдались — следовательно получил свое место на Потапыче.

Шукшин знал, что отправляться с Фроловыми в одиночку будет рискованно, и тогда, воспользовавшись собственными связями, надавил на другого криминального авторитета, вынудив того оплатить отряд элитных наемников. Десяток головорезов уравнил силы. Соломон и Фроловы не сумеют избавиться от Василия, не устроив на Потапыче лютую бойню.

И сейчас Шукшин — одно из высокопоставленных лиц в экспедиции. Сначала он надеялся найти общий язык с президентским наблюдателем, но к своему удивлению не преуспел. Тот сделал вид, что вообще не слышит Василия и просто ушел, не сказав ни слова. С остальными же офицерами — Лавровой и Маниловым — все было понятно. Лаврова являлась в одной обойме с Фроловыми, а Манилова прикрепили к экспедиции, чтобы получить повод для очередного повышения.

Выйдя из совещательной, Василий нос к носу столкнулся с Джерри, правой рукой Соломона.

— Соломон хочет поговорить, — выдал Джерри, коверкая слова своим иностранным акцентом.

— Ну и? Где он? — прорычал Шукшин, искусственной рукой отстраняя от себя парня.

Джерри шагнул в сторону, прямо за ним стоял Соломон. В его темных очках Шукшин увидел собственное отражение — потный сердитый мужик, пыхтящий как паровоз. Соломон подошел вплотную.

— Вася, ты хоть осознаешь, кого ты нанял? Вообще, понимаешь, с кем связался? — несмотря на происхождение, он говорил на чистом русском, без намека на акцент.

— Осознаю. Потому и нанял, — зло ответил Шукшин.

Да-а, такой реакции Василий и ожидал. Нанятые им наемники слишком дорожат своей репутацией, вряд ли кто-нибудь сумеет их перекупить. Даже Соломон. Вот он и бесится — понимает, что Василию достаточно указать пальцем, и Соломон вместе со своими телохранителями — трупы. Может даже вместе с Фроловыми. Возможно, Шукшин так бы и сделал, и, свергнув начальство, повернул Потапыч назад к Земле, но останавливал его факт наличия президентского наблюдателя. Эти люди просто так присутствовать не будут. И если Шукшин вдруг помешает их интересам, ему уже не помогут никакие наемники.

— Когда мы достигнем цели, они станут помехой, — вновь заговорил Соломон.

— На то и расчет.

Соломон заиграл желваками.

— Ты не представляешь, о чем говоришь.

— Так просвети меня. Может, я передумаю тебя кончать.

На последние слова Джерри среагировал мгновенно. Из-под полы длинного плаща он выхватил массивный револьвер под патрон крупного калибра. Свободной рукой повернул к

себе Шукшина, и с силой ткнул стволом в живот.

Дыхание Василия сбилось. Он почувствовал, как сотрясся кишечник. К горлу подкатил ком, желудок болезненно сжался. Ему хотелось согнуться, но он устоял прямо.

— Все в порядке, сейчас я пристрелю тебя, — выдохнул ему в лицо Джерри.

Шукшин, наконец, справился с тошнотой и выдавил:

— Ну, давай, бля... А потом Князь... положит тебя... и твою шайку... все по инструкции.

— Не надо. Отпусти его, — спокойно приказал Соломон.

Джерри улыбнулся, и уже было отошел, но Шукшин искусственной рукой схватил его за кисть, держащую оружие, и вывернул в сторону. Мозг Василия послал команду, заработали гидроприводы, сжимая металлические пальцы на руке бандита. Тот уже отпустил следователя и изо всех сил пытался вырваться из железной хватки, но Шукшин врезал ему в нос красивым ударом здоровой руки. Джерри отлетел назад, угодил в стену, после чего по киношному сполз на пол. Нокаут.

— В общем, пока будем работать, а потом посмотрим, — сказал Шукшин на прощание, и, переступив через валяющегося кучей тряпья Джерри, отправился к себе в каюту.

3, Потапыч, лаборатория. 26.06.2087 09:40

Оборудованная на Потапыче лаборатория больше не пустовала. Сразу после пробуждения Губацкий Кирилл пренебрег горячим душем, пытаясь, подобно Менделееву, записать посетившую его во сне идею. Затем Булкина Зинаида отправилась завтракать прямо в лабораторию, намереваясь разобраться в выделенных для экспедиции реактивах. А после завтрака в отведенную для них зону перебрались почти все научные сотрудники.

В основной лаборатории находились четверо. Старулина Саша дорабатывала свое изобретение по выявлению зараженных ТВИХом. Конюхова Алена суетилась возле микроскопа, повторяя опыт Старулиной. Губацкий с блеском зависти в глазах наблюдал за Сашей. Ольга Пузанкова угрюмо листала записи, пытаясь восстановить в уме цепочку рассуждений, выведенную до погружения в сон.

Голова у Оли соображала туго, она до сих пор чувствовала себя словно во сне. К тому же ее постоянно сбивали восторженные охи-ахи Алены и недовольное посапывание Кирилла.

А больше всего Олю раздражал тот факт, что за главного у них Калашников. Абсолютный ноль в науке, с портфолио, полным купленных работ. И этот человек умудрился попасть в такую важную экспедицию! И дружки его — такие же ничтожества, Тимур Богатырев и Артур Сумаев. Оба кавказцы, и оба даже не удосужились явиться с остальными в лабораторию. Вместо этого, они, вместе со всей солдатней, отправились в спортзал разминать атрофировавшиеся мышцы. Богатырев вообще уделял больше внимания своей накаченной фигуре, чем науке. А Сумаев вместо важных разговоров любил рассказать, и по возможности показать, как лихо он может пользоваться охотничьим ножом. И этих людей выбрали спасти судьбу человечества?

— Бли-и-ин, слушай, Саш, ты прям молодец. Как догадалась? — Алена закончила с опытом и повернулась к Старулиной.

— Ну, как-то вот так, — скромно улыбнулась та, разведя руки в стороны.

Опыт действительно был не сложным, а результат потрясающим. Все дело оказалось в нагревании. При повышении температуры до двухсот градусов, клетки носителя, находящиеся под воздействием ТВИХ, а также сами молекулы вируса начинали супер-

хаотичное движение, не свойственное для обычного горящего либо кипящего материала.

Старулина обнаружила этот факт около года назад и поделилась со своим научным руководителем. Однако тот не уделил ему никакого внимания, сказав, что эта информация бесполезна. Тогда Старулина продолжила исследования самостоятельно, сотни раз проверяя реакцию различных материалов на нагревание. Даже во сне она продолжала кипятить. Результаты были однозначны — данный факт можно было использовать! И буквально перед самым вылетом она закончила свой первый «определитель».

— Вот ты-то и должна у нас быть за главного, а не Калашников, — пробубнила Оля.

— Да-да, — закивала Алена.

— Да ладно уже, чего там, — отмахнулась Саша, хоть и была согласна с подругами.

— Можно попробовать еще температуру повысить, — подал голос Кирилл.

— Ты вот лучше свое что-нибудь придумай, — осадил его Оля. — Зинка, вон, пытается ядом вирус вытравить, Никита с ксеноморфами экспериментирует, а ты только и делаешь, что завидуешь и тупые советы даешь!

— Оль... — укоряюще посмотрела на нее Алена.

Оля вообще легко сердилась. А после долгого криосна — ее бесила любая мелочь. Да и разве она не права? Что делает Губацкий? Он сидит и черной завистью завидует сообразительности Старулиной. Да, Алена тоже завидует, и даже сама Оля. Но это скорее досада на собственную несообразительность, и в любом случае они рады за любой прогресс в этой области. Ведь операция им предстоит не из простых.

— Кстати, а никто не в курсе, как сами гонзы реагируют на огонь? — спросила успокоившаяся Ольга.

— Да никак, — ответила Саша. — В смысле так же, как и мы.

— Это тебе Китаев рассказал? — с лукавой улыбкой спросила Конюхова.

Саша кивнула.

— Он все-таки подошел? И как он тебе? — спросила Оля.

— Да нормально. Подошел познакомиться после завтрака. Сказал, что гонзы горят без затей.

— А он с ними вообще встречался? Какой-то он дрищявый для солдата, — засомневалась Пузанкова.

— Стрелять много силы не нужно, — возразила Саша. — Навел, да стреляй. А тебе чего, подавай такого как тот боров? Как его там? Борецкий вроде?

— Он по всем статьям будет получше твоего дрища.

— А ты слышала, что он за завтраком рассказывал? Ален, а ты что думаешь?

— А ей вообще, больше кавказики нравятся, — не дала Оля высказать Алене свое мнение.

— Да нет, почему? — возразила Алена.

У Пузанковой были основания так говорить. Примерно раз в месяц, Конюхова начинала встречаться либо с Богатыревым, либо с Сумаевым. Ну, как встречаться — конфетно-цветочный период на лицо. Затем, неизменно, спустя пару недель парочки расставались. Причем в диалогах кавалеров частенько проскакивала фраза «не дала». Алена, как впрочем, и Саша, была вполне себе симпатичная, и друзья вновь и вновь пытались «покорить эту крепость». Сама же Оля такой популярностью не пользовалась. Она не считала себя менее привлекательной, скорее причина в том, что большую часть времени Оля всеми мыслями была в работе, что со стороны выглядело как «ко мне на драной козе не подъедешь».

Разговор девушек о предпочтениях и вкусах в выборе мужского пола прервался с появлением Калашникова. Тот только что вернулся с планерки и послал по РЛК сигнал общего сбора. Из отдельных кабинетов потянулись остальные — Пятаков Никита, Булкина Зина и Львова Вера.

— Где Артур с Тимуром? — спросил Калашников. — Хотя, хрен с ними. Короче, на Прорву высаживаемся завтра. И сюда мы уже не вернемся. Нужно взять все нужное.

— В смысле, не вернемся? Ты упал что ли? — опешила Зинка.

— В смысле, что мы высаживаемся надолго! Месяц или больше. В карантине будем сидеть. Хотя, — Калашников что-то вспомнил, и глянул на Сашу, — еще не известно короче, но ожидать надо худшего.

— Ты про ксеноморфов им сообщил? — спросил Никита.

— Сообщил, только они меня на хрен послали с этими ксеноморфами. А! Сань, про твой определитель тоже сообщил, вроде заинтересовались. Сможем еще наклепать до завтра?

— Сможем, конечно. Там делать-то почти нечего.

— Кстати, вот еще. Смотри, мы можем сделать такой же определитель, только который бы... э-э-э... в воздухе определял наличие вируса? Ну, так же, как в организме.

Оля в голос засмеялась, Алена покачала головой, а Саша, плохо сдерживая раздражение, сообщила:

— Товарищ научный руководитель... вирус ТВИХ, который мы с вами исследуем уже несколько лет, способен существовать только в сложных формах жизни. Никакие простейшие не могут быть носителями, в воздухе ли они живут, в воде ли — не важно, это понятно? Не передается ТВИХ воздушно-капельным путем. Совсем.

— Да? Э-э-э, ну и ладно. То есть — ништяк. Нам же лучше. Тут еще такая тема. Они с количеством экспедиций напутали. Там на самом деле...

Но договорить он не успел. Дверь в лабораторию открылась, и в дверном проеме показался сначала объемный живот, а затем и его обладатель. Офицер науки, Лаврова Лариса.

— Ну, Старулина, давай рассказывай. И показывай.

Саша заерзала на месте. К Лавровой она относилась с куда большим уважением, чем к Калашникову.

— Клетки, пораженные вирусом, при нагревании ведут себя специфически. Достаточно нагреть органический материал исследуемого, и мы узнаем, заражен он или нет. С полноценными гонзами этого достаточно. С недавно зараженными сложнее, но решаемо. Достаточно добавить реактив С-16... вот, смотрите.

Саша перенесла свой прибор на демонстрационный стол. Он представлял собой теплоизолирующую колбу, закрывающуюся сверху микроскопом, снабженным датчиками. Колба вставлялась в нагревающий цилиндр. К цилиндру подсоединялся патрубок, по которому в колбу поступал реактив. Алена протянула Саше свежий образец. Замороженная плоть гонза. Саша надела плотные перчатки, осторожно распаковала образец, и переложила его в определитель. Затем закрыла крышку микроскопа и настроила прибор на двести градусов. Полминуты нагрева, и на крышке колбы загорелся красный диод. Работа прекратилась. На табло микроскопа вывелась надпись: «С7».

— Вот, это значит, что образец сто процентов поражен вирусом, — подвела итог Старулина.

— А на незараженных работает? — спросила Лаврова.

Саша молча взяла чистую колбу, демонстративно в нее сплюнула, и вставила в определитель, задав его на прежнюю температуру. Все замерли. У Саши самой в душе все сжалось в ожидании. А вдруг покажет «положительно»? Тогда даже ошибку искать не будут, изолируют сразу. А потом пустят на опыты. Той же Зинке давно нужен подопытный гонз, чтобы испытать на нем свои яды.

На определителе загорелась зеленая лампочка. Надпись на табло гласила «С0». Саша и многие другие облегченно выдохнули. Да, эта штука работает. Нулевое содержание вируса в организме. Повернувшись к Лавровой, Саша развела руками, все мол. Представление окончено.

— Нормально, — похвалила ее Лаврова. — Теперь скажи, почему я это впервые увидела?!

— Не было полной уверенности в успехе. А ученых Земли мои разработки не интересовали...

Лаврова пристально посмотрела на девочку. Из чистого упорства она продолжила работу и добилась успеха. Не дала этим чопорным академикам с гипертрофированным чувством собственного превосходства подрезать себе крылья. Наконец майор обратилась к остальным:

— Кто-нибудь еще что придумал? — и тут же остановила рукой открывшего было рот Пятакова. — Кроме тебя.

— Есть идея проверить реакцию ТВИХ на яды. Да и на некоторые другие вирусы, что не исследовались на Земле, — изложила Булкина свое направление работы. — Но на успех рассчитывать сложно.

— Высаживаться будете к российским лабораториям. Там широкая база вирусов, законсервированных по всем правилам. Можешь ими пользоваться. Это все? Больше ни у кого ничего нет?

Калашников глянул на Ольгу. Взгляд его говорил: «у тебя же были какие-то мысли». Она отрицательно покачала головой.

— Хорошо, — продолжила Лаврова. — В таком случае, задача на сегодня: изготовить как можно больше вот этих вот... определителей. И приготовьте ТВИХ-стимуляторы. Не на курорт летите.

— Не вопрос, мэм, — козырнул Калашников.

Лаврова смерила его презрительным взглядом и удалилась.

— Ну что, давайте работать, — Старулина первая подошла к оборудованию.

— Куда торопишься? — спросила Пузанкова. — Небось, хочешь успеть с дрищем тем... м-м-м... свидится?

— Нет. Как-то не хочется. У меня нервы что-то шалят...

Ну да. Олю тоже слегка колотило. Все-таки на этой планете пропало три такие экспедиции. А чем они лучше? Если бы не толпа мужиков с автоматами, она вообще не смогла бы держать себя в руках.

— А, кстати. Чуть не забыл, — вдруг вспомнил Калашников. — Экспедиция у нас не четвертая, а тринадцатая.

Глава 1. Часть 4 (1–4)

1, Потапыч, спортивный зал. 26.06.2087 09:25

Долгий криогенный сон зачастую сопровождается снижением тонуса в мышцах. Поэтому, после пробуждения, всех, от чьей подвижности зависит чья-то жизнь, в обязательном порядке отправляют в спортзал восстанавливать физическую форму. Это не был спортзал в классическом его понимании. Помимо спортивных снарядов, он имел малую оружейную, тир, ринг для спаррингов, симулятор бассейна и тренажеры для растягиваний.

Петров Андрей, новичок во взводе, трудился в оружейной. Разрабатывал мелкую моторику, занимаясь сборкой-разборкой оружия. Его куратор (то есть опытный боец, к которому его прикрепили для ознакомления с отделением), Зайкин Петр, занимался тем же самым.

Прикрепление Петрова к Зайкину прошло без лишнего официоза. После завтрака Петров подошел к сержанту четвертого отделения, Григорию Стрельцову. Сержант посмотрел на него взглядом, сочетающим в себе удивление и отвращение, затем, почесав щетину, крикнул: «Петруха! Займись новеньким». Сержант ушел, бормоча под нос что-то матерное, а к Петрову подошел коренастый рыжий парень с топорщившимися волосами. Представившись Петрухой и крепко пожав Андрею руку, он повел новичка в зал, попутно знакомя с другими бойцами взвода.

В суть дела Петров вникал быстро. Ведь до того, как попасть во взвод Водникова, он семь лет прослужил в колониальных войсках, осуществляющих военную поддержку колоний. Ему приходилось проводить зачистку территорий от агрессивной местной живности, защищать колонии от террористов-радикалов, а в последние годы и с гонзами довелось столкнуться.

Поэтому внедрение в отряд проходило как по маслу, чего нельзя было сказать о других новичках. Золин Егор, очкастый парень инфантильного вида, с равнодушным лицом слушал своего куратора — Паршкову Риту. Судя по лицу, он даже не пытался понять, что она ему там объясняет. Рядом с ними крутился Мучедаков Игорь, и безуспешно пытался помочь с объяснениями.

Третий новичок, Матвей Лордынцев, попал в пятое отделение, а шефство над ним взяла Холопова Юлия — рыжая бабища амазонского вида. Юля, судя по всему, больше всего на свете боялась потерять свою физическую форму, и буквально летала от снаряда к снаряду, таща за собой Матвея. Матвей, явно не привыкший к подобному темпу, выглядел соответствующе — потел, кашлял, держался за бок.

Последний из новичков, Пустыгин Влад, отжимался рядом с матами, на которых лежали Китаев Андрей, куратор Влада, и его друзья — Савин Олег, Сватников Денис и Посталовский Сергей. «Старички» со смехом комментировали действия новенького. Время от времени Пустыгин заканчивал отжимания, и Китаев, находя «объективные» причины, назначал новые. Руки у Влада уже тряслись, но он упорно продолжал выполнять распоряжения своего куратора.

С Зайкиным же не было ни дедовщины, ни недопонимания. Сразу «на ты», сразу на равных. Андрей был доволен собой, и пытался развить успех.

— А что, кстати, нашему сержанту не понравилось? Чего он так базарит? — спросил

Петров.

— Он неформалов не любит, — ответил Петя. — И вот таких... крашенных... тоже, — он указал на челку Андрея, окрашенную в ярко красный цвет. Кстати, на этом вся неформальность Андрея и заканчивалась. Внешняя, по крайней мере.

Андрей огляделся по сторонам. Из парней-космопехов только Ваня Бирюлев ходил с мелированными кончиками волос. А Андрею-то теперь что делать? Стричься что ли?

К ним подошел еще один парень из четвертого отделения. Он, как и Петя, тоже был рыжим и коренастым. Только если Петя был светло рыжим, почти блондином, то у этого парня волосы были темного оттенка. Лицо обильно усыпано веснушками.

— Петрушка, здорова, — поздоровался парень густым голосом.

Петруха поздоровался с ним за руку, затем представил парней друг другу:

— Петров Андрей. Осипов Остап.

Андрей протянул руку. Остап пожал ее, затем сделав вид, что только что заметил его окрашенный чуб, ткнул его в лоб пальцем.

— Что это у тебя?! — изобразил он удивление. Зайкин засмеялся странным смехом, похожим на всхлипы.

— Да вы что серьезно, что ли? — огорчился Петров. Он никак не предполагал, что у него могут возникнуть проблемы, связанные с внешним видом. Во всем мире спокойно относились к таким атрибутам. Что за люди со вкусами из прошлого тысячелетия?

— Конча ничего не сказал? — спросил Остап.

— Ничего. Кроме матов, — ответил Петруха и снова засмеялся.

— Конча? — не понял Петров.

— Конча, Конченный. Позывной у сержанта нашего, Грини Стрельцова, — объяснил ему Петруха.

— Это как у тебя — позывной будет «Чубчик», — Остап снова указал на волосы Андрея. — А у него Конча.

— Лучше буду Чубчиком, чем Кончей, — пробурчал Петров, вновь берясь за оружие.

— Стреляешь как? — спросил Остап, став серьезным. — У нас снайпера нету, ты как раз вместо него к нам попал.

— Ну-у... вроде не плохо.

— Пошли, проверим, — предложил Петруха, и все трое двинулись в сторону стрельбища.

Мимо прошла рядовой Соловьева. Петров обернулся на впечатляющую задницу в обтягивающих тренировочных штанах.

— Ниче так, жопа, — прокомментировал он.

— Жопу ты завтра увидишь, — осадил его Зайкин. — В самую настоящую жопу полезем.

— Да ладно тебе, я уж не совсем зеленый. Кое-что повидал. Мне на баб теперь не смотреть что ли?

— Завтра? — перебил его Остап. — Откуда знаешь?

— А ты думаешь — нас тут неделю держать будут? К точке, как я понял, мы уже вышли. Сейчас, начальство детали перетрет, да и готовиться начнем.

У стрельбища крутились Мучедаков, Паршкова и Золин. Видимо тоже, собирались проверить меткость новичка. Интересно, он вообще ружье в руках держал? Как бы отдачей себе очки не разбил...

— Во. Давай, кто лучше, — предложил Остап. Золин непонимающе посмотрел на него.

Мимо проходил ефрейтор третьего отделения Алексей Серафимов, заместитель сержанта Филатова. Услышав предложение Остапа, он оживился. Глаза довольно заблестели.

— Погоди чутка, — сказал он и принялся выискивать взглядом Ефима Ефимова, заместителя Стрельцова. Найдя, он выкрикнул: — Торчун! Давай поспорнем, чей новичок из снайперки лучше наложит?

Леха любил делать ставки сильнее, чем кот сметану. Ефим тоже не стал отказываться.

— Давай, — согласился он. При виде Золина с учебным образцом последней модификации СВД, он не смог сдержать смеха. — На что поспорнем?

— На пиво, конечно! — возмутился Леха несообразительности коллеги.

— Где мы тут пиво возьмем?

— Торчать мне его будешь, — скаламбурил Леха. Подошедший к нему Малой довольно заржал — Торчун будет торчать, ха-ха-ха...

Первым в стрелковую камеру вошел Золин. Остап, хищно усмехнувшись, запустил программу максимального уровня сложности, который определялся в скорости и дистанции. Раздался сигнал старта испытаний. В шестидесяти метрах от Егора начала материализовываться первая мишень. ПТЫЦ! Мишень поражена в самый центр, не успев толком проявиться. ПТЫЦ! ПТЫЦ! ПТЫЦ! Еще три мишени застыли, едва показавшись поле зрения. Выражение лица Егора ни на миг не изменилось. Если бы не закрытый рот — его можно было бы принять за слюнявого идиота. Однако руки действовали мгновенно и четко.

— Рядовой Золин стрельбу закончил, — отрапортовал он слабым голосом после десяти выстрелов.

Десять выстрелов — десять пораженных в самый центр мишеней, застывших в момент появления.

Все наблюдатели стояли как громом пораженные. Ефим вопросительно посмотрел на Петрова. Тот отрицательно покачал головой. Нет, такое он повторить не сможет.

— Хера себе... — довольный собой проговорил Леха. Он конечно читал характеристику новичка, но такого не ожидал. — Торчун, а ты мне теперь пиво торчишь!

2, Потапыч, спортивный зал. 26.06.2087 09:40

Народ, собравшийся вокруг ринга для спаррингов, совершенно не волновала феноменальная меткость Золина. Огороженная канатами зона находилась в противоположном от стрельбища углу спортивного зала, и в данный момент в спарринге участвовали космопех Начекутов Виктор и ученый Богатырев Тимур. Оба здоровые и мускулистые, и оба не особо стремились нападать. Каждый пытался подловить другого на ошибке.

Недалеко от ринга сидел Роман Степанов. Он мотал головой, пытаясь прогнать из нее туман, появившийся там после нокаута, в который его одним ударом отправил Борецкий Семен. Сам Семен стоял у канатов и громко возмущался, что Витек слишком долго возится с этой «лабораторной крысой». Многие были солидарны с Семеном. Юрец Коршунов и Ира Иванова хором кричали почти одно и то же:

— Давай, Витек! Ну, дава-а-ай, что ты нас позоришь-то?

Артур Сумаев, коллега Тимура, стоявший тут же, кричал то же самое, только с именем

«Тимур».

Вот Богатырев извернулся и пропустил атакующего Начекутова мимо себя. Витек, не успев среагировать, провалился вперед, и Тимур оказался сбоку. Не теряя времени, Тимур захватил его руку и произвел болевой прием. И вот уже Витек бьет по полу, сигнализируя об окончании поединка.

— Ну, е-е-мае-е-е... — разочарованно протянул Коршунов. — Витек, ну ты чего?

— Ха-ха-ха! Красава, братуха! — заглушил его Артур.

Не успели Тимур с Витьком покинуть поле боя, как туда вновь заскочил Семен.

— Ну что, давайте на меня кто-нибудь?

— Да ну тебя нах, — отмахнулся Коршунов. — Опять кого-нибудь покалечишь.

— Вовчик! Ну, давай ты? — обратился Семен к Задире.

— Пошел ты, — замотал головой Задира, взглянув на все еще не пришедшего в себя Степанова.

Ростом Семен был пониже Витька, но побольше в габаритах, и гораздо подвижнее. В бою «насмерть» его, может быть, и одолели бы, но в этой дисциплине, где старались не наносить друг другу травм, против Семена шансов не было ни у кого. Даже хорошо подготовленного Степанова свалил с одного удара. Не удивительно, что никто не решался выйти.

Тут к рингу подошла парочка наемников Шукшина, Эдуард Скотов и Квазик. Последний получил свое прозвище за ненормально смазливую внешность. Ровная черная челка Квазика падала ему на глаза, верхняя пуговица белоснежной рубашки не застегнута, обнажая мускулистую шею. Эдик же все утро колотил грушу, и был одет в одни лишь шорты. По лицу стекал пот, часть его исчезала в стриженных бороде и усах, остальное либо капало на пол, либо текло по растатуированному разнокалиберными черепами торсу.

— Давай, — сказал, как будто сплюнул, Скотов, исподлобья глядя на Семена своими глубоко посаженными глазами. Семен попытался выдержать взгляд, но продержался всего секунд пять, посмотрел на Квазика. Тот непринужденно встал рядом с затаившей дыхание Ирккой.

— Ну, давай, — согласился Семен.

Эдик ловким движением перемахнул через канаты и повернулся к Семену. Оба встали в стойку. Скотов резко рванул вперед. Семен среагировал, и в голову наемника полетел пудовый кулак. Однако Эдик сместился с оси поражения, и удар Семена ушел в пустоту. Космопех понял, что наемник сейчас атакует, и рванул было вперед, но...

Передней рукой Скотов легко и неуловимо ударил Семена в нос. Космопех от неожиданности отшатнулся и открылся. На глаза навернулись слезы. Не успел он что-либо понять, как Эдик нанес ему круговой удар ногой в голову. Нога прошла аккуратно над опустившейся защитой и угодила в район шеи. Хлесткий звук потной ноги по мощной шее заглушил доносившиеся от стрельбища выстрелы. Семен упал как подрубленный. По инерции попытался встать, но не преуспел и снова упал, запутавшись в канатах, ограждающих ринг.

Остальные стояли молча. Квазик считал победу Эдика само собой разумеющимся, и не стал его поздравлять. А Коршунов даже не успел открыть рот, чтобы начать болеть за сослуживца.

— Давай следующих, — Скотов обвел мрачным взглядом космопехов. — Еще троих.

Альф, некрупный светловолосый парень из СОРДа, наблюдающий за боями, позвал

друга:

— Косой, пойдем-ка. Поставим наемника на место.

Косой — СОРДовец с перекошенным лицом — молча кивнул и направился вслед за Альфом в сторону ринга. Но дорогу им преградил явившийся с планерки Борода:

— Отставить. Не лезть туда.

— Ты чего, Борода? Мы же вдвоем будем, — не понял Альф.

— Стой тут, я тебе говорю, — процедил Борода, встретившись взглядом со Скотовым.

Оба понимали — велики шансы, что вскоре им предстоит биться насмерть, причем ни один из них не мог предсказать исхода предстоящей схватки.

Космопехи продолжали осматривать друг друга на наличие кандидатов в противники Эдику.

— Ну чего, Птиц, пойдем? — наконец предложил Машкин Павел. «Птица» было прозвище Юрца Коршунова, данное ему за соответствующую фамилию.

Коршунов закусил губу и задумался. Затем все же решился и, махнув головой, полез через канаты. С другой стороны перелезл Богатырев. Это хорошо, с ним будет побольше шансов.

— Ну, кто еще? — спрашивал Пахан. — Где Задира? Тут же крутился.

Но Задиры не было, видимо куда-то ушел. Наконец из группы космопехов вышел Киль Данил, за разрез глаз и небольшой рост прозванный Монголом.

Трое космопехов и один ученый заняли противоположную от Скотова сторону ринга. Монгол все еще надевал перчатки. К канатам подошли сержанты Филатов и Буряев. Видимо явились с планерки.

— Что тут такое? — спросил Буряев, глядя на очухавшегося Семена.

— Во-он тот. Семена вырубил, — шепнула Ирка ему на ухо. — Сейчас на него толпой пойдут.

— Хы. Попал он, — высказал свое мнение Филатов.

Богатырев встал по центру нападения. Птица и Монгол по бокам. Пахан держался немного позади, но тоже был готов вступить в бой. Скотов сделал первый шаг, и тут появился капитан Водников.

— Ну-ка, стоп!!! — Свой пробился к рингу и оглядел бойцов. Затем обратился к Эдику. — Эдуард, вы сможете аккуратно? Без травм?

Эдик молча вперился в Своего своим мрачным взглядом.

— Войдите в положение, у нас завтра высадка, — продолжал Водников просить непонятно чего.

— Ладно, — наконец буркнул Скотов, после чего ловко перемахнул через канаты и отправился прочь из зала. Квазик пошел следом.

Монгол и Пахан загалдели:

— Э! Ну чего? Зассал что ли?

— Рот закрыли! — прикрикнул Свой. Затем посмотрел на все еще не опомнившихся до конца Степанова и Борецкого. — И завязывайте мозги себе выбивать. Неужели никто про легкий контакт не слышал?

3, Потапыч, ангарный блок. 26.06.2087 09:45

Капитана космопехов немало насторожили странности в постановке задач командованием. Сначала они категорически не хотят пускать на Потапыч побывавших на

планете людей. Затем — с легкостью передумывают. Офицер науки не ведает, над чем работают ею же набранные ученые. Небылицы про угоняющих космические корабли гонзов и передающуюся по воздуху заразу...

Водников пришел к выводу, что начальство, как минимум что-то скрывает, и, судя по всему, не до конца понимает, с чем имеет дело. Как бы то ни было, Свой не собирался сиюминутно начинать расследование или устраивать бунт. Он подчинится, и будет делать свою работу, не смотря ни на что. Вот только для начала наладит контакт с остальными участниками экспедиции — учеными, пилотами и возможно даже наемниками. Ученые пусть заранее расскажут о своих ноу-хау, и заодно объяснят, почему у них такой тупой руководитель. С наемниками можно договориться о поддержке космопехов на корабле, вдруг запахнет жареным, а командование все-таки запретит возвращение с планеты. А что касается пилотов — это ключ ко всему. Как к высадке на планету, так и к возвращению с нее. С ними налаживать контакт нужно в первую очередь. А предложить пилотам можно лишь поддержку от отделения Филатова, остающегося на корабле. Силы не великие, но если наемники встанут на их сторону, челнок сможет без проблем курсировать между Потапычем и Прорвой.

Сразу после планерки сержант Стрельцов отправился к пилотам, чтобы дать сигнал для загрузки челнока для первого полета к Прорве. Это можно было сделать и через РЛК, но Стрельцов был признанным гаджетофобом, и предпочитал живое общение виртуальному. Да и какая разница, если к пилотам все равно идти, чтобы договориться о взаимной поддержке?

Сержант Стрельцов (или Конча, как многие его называли) обнаружил пилотов в холле ангарного отсека. Две девушки, Инга Василькова и Ксения Хлопковская, расположились в углу. Там у них отведено место под уголок отдыха — небольшой столик-холодильник с представленной к нему угловой лавкой. На столике теснились кофе-принадлежности: объемистая турка и газовая плита. В руках девушки держали среднего размера кружки, от которых, гипнотически изгибаясь, исходил пар.

Девушки-пилотки вроде как были сестрами, только Конча не помнил сколько-юрродными. Обе были достаточно красивы и обе улыбались. Блондинка Инга игриво, а брюнетка Ксения снисходительно. Конча поймал себя на мысли, что ни разу не слышал, чтобы женщин-пилотов называли «пилотками». Слово «пилотка» почему-то ассоциировалось с гениталиями, а не с летчиками. Как же их тогда называть? Ну, пусть будут просто «пилотами».

В настоящее время, в штат пилотов не требуется много народа. Обслуживающими работами занимается прикрепленный андроид, а с кораблем или челноком способен управиться и одиночка. Поэтому, пилотов на Потапыче было всего трое. Главным среди них был Дед Георгий, человек из прошлого тысячелетия. Никто точно не знал, сколько лет Дед провел в криокамерах, но родился он еще в 1976-ом году. Непосредственными подчиненными Деда были его правнучки от разных сыновей — Инга и Ксюша. И так уж повелось, что самим кораблем управлял Дед, а два челнока поделили между собой внуки.

Стрельцов поискал глазами Деда, однако того рядом не было. Ну что ж, придется говорить с внуками.

— Сержант Стрельцов, — представился он. — Только что с планерки. Высадку назначили на завтра.

— Знаем, сообщения пришли, — кивнула Ксюша и продемонстрировала застегнутый на правой руке РЛК.

Конча поморщился. Сам он надевал РЛК только на время заданий и не понимал людей, таскающих эти приспособление круглосуточно, да еще и активно ими пользующихся.

— Нужно челнок выбрать для загрузки, — продолжил Конча.

— Ну, выбирай, — томно произнесла Инга, положив одну руку на грудь, а другой указав на сестру. Ксюша захихикала. Инга выжидающе смотрела на Кончу.

Конча не до конца понял — есть ли в предложении хоть что-нибудь, относящееся к делу. Выбор между пилотами — это выбор между челноками? Но челноки вроде как должны быть одной модели, хоть Конча и не был в этом уверен. Вообще, на языке у него вертелось что-то на тему блядей, борделей и отсутствия дисциплины, но он все-таки сумел подавить поток ругани и спокойно произнес:

— Я вообще-то челнок пришел выбирать, а не... да и вообще я не один. Нас пятьдесят, так что...

— Ну-у, если пятьдесят, то точно к Инге! — перебила его Ксюша, и обе в голос засмеялись.

А Стрельцов снова не понял. Это челноки разной вместимости или речь идет о физиологической особенности блондинки? Да какая ему собственно разница — пусть летит блондинка.

— Хорошо, готовьте челнок к загрузке. Ваш какой?

— Да без разницы, — соблазнительно улыбнулась девушка. — Пусть будет вот этот, — она не глядя махнула рукой в сторону ангаров, никуда конкретно не показывая.

Стрельцов начал раздражаться. Подумал, что пора уже повышать голос, но наткнулся на извиняющуюся улыбку Ксении и ругаться перехотелось. Вместо этого он тряхнул головой и перешел на «ты».

— Короче, летишь ты? Насколько я понял, прикреплений пилота к челнокам у вас нет. Значит, нужно выбрать челнок. Тут есть проблема, нужно учесть, что...

— Пошли, я тебе покажу... челнок, — встала Инга, и взяв Кончу за руку потянула его к другой двери, прямо противоположной от ангаров с челноками.

Конча не сдвинулся с места и мягко высвободил руку. Инга достаточно мило, вопросительно-театрально на него посмотрела. Конча почувствовал шевеление в штанах. Еще раз, тряхнув головой, он спросил:

— Я не пойму, у вас тут спермотоксикоз что ли?

Девушки снова засмеялись. Вдруг из-за слегка приоткрытых ворот ближайшего ангара вышел, вытирая мазутные руки, главный пилот — Дед Георгий. Лохматый бородатый старикан, одетый в старый коричневый тулуп. Следом за ним шел робот Игнат и нес что-то отдаленно напоминающее радиатор обычного автомобиля. Судя по размеру детали — явно необходимая для полета вещь.

— Наконец-то, — Конча с облегчением двинулся навстречу Деду и протянул руку для рукопожатия.

Дед взглянул на внучек, безнадежно покачал головой, затем оставил мазутную тряпку в покое и протянул чистое запястье. Нормально так руки вымазал — неужели сам в железе ковыряется? Похоже на то... а робот у него видимо так, на подхвате — принеси-подай. Серьезный дедок...

— Сержант Стрельцов, — вновь представился Конча. — В общем, так: высадку на планету назначили на завтра. Пора загружать челноки. Отправляется пятьдесят один человек, десять единиц техники, боеприпасы, продовольствие, ну и... в общем, понятно?

Готовьте челнок.

Дед некоторое время смотрел на Кончу черными угольками непроницаемых глаз, затем гаркнул:

— Инга! Летишь ты! Глядишь, уймешься... Чего сидишь — чеши ангар открывай!

— Я же говорила, что пятьдесят это ко мне, — пробормотала Инга, и, стрельнув напоследок глазами, ушла.

— Да, и еще, Дед... — начал Стрельцов обсуждение следующей темы. — Начальство что-то мутит. Ученые им разработали метод проверки на вирус, так они ничего про это не знали и планировали всех побывавших на планете там и оставлять. Понял, да? Всех. Сейчас они вроде как передумали, но кто их знает... залупятся, и не пустят ваш челнок обратно. На всякий случай, готовьте его к длительному самостоятельному полету. И пилота выбирайте, чтобы не расклеился в случае чего, — Конча взглянул на сидевшую за столом Ксюшу и поправился: — не расклеилась.

Дед некоторое время смотрел своим непроницаемым взглядом, потом резко кивнул. Понял, мол. Махнул рукой в сторону ангара, куда зашла Инга:

— Вот челнок, в него грузитесь. Игнат! открой ангары где техника стоит!

— Спасибо, — Конча еще раз пожал Деду руку и добавил: — мы нужны друг другу. Вам важно, чтобы ваши внуки не болтались в космосе, а нам, чтобы нас было кому забрать. У нас тут десяток бойцов на корабле останется. В случае проблем с возвращением — поддержат.

Конча пошел к выходу. Перед дверью еще раз взглянул на Ксюшу, она вновь извиняюще улыбнулась. М-да, все-таки зря он подумал, что «пилотки» это не про них. В следующий раз отправит к ним Ефима. Хотя... тот точно не выдержит натиска Инги. Значит, Трусову. Ведь на девушек она не кидается?

4, Потапыч, спортивный зал. 26.06.2087 12:10

Приближалось время обеда, поэтому народу в спортзале почти не осталось. Витя, Семен и Тимур тягали железо в тренажерном отделении. Холопова Юля зашла на последний круг своей адской разминки. Она уже отпустила новичка Матвея, и ее больше никто не тормозил. Игорь Мучедаков и Рита Паршкова сидели на матах, неподалеку от Юли, и изучали информацию о пропавших экспедициях. Не так давно, в спортзале появился капитан Водников, и дал объявление, что экспедиций к Прорве было больше чем все думали, и что теперь секретная информация разблокирована. Затем уточнил, что это ничего не меняет, мол, мы располагаем новейшими научными изобретениями и поддержкой войск специального назначения.

Большинство космопехов, вроде Витька или Юли, отнеслись к новости равнодушно. Не важно, сколько было неудачников — на их задачи это не влияет. Другим новость помогла собраться — они перестали шутковать и зубоскалить, стали сосредоточеннее. И только ефрейтор Белоногова и рядовой Плотников едва не впали в нечто похожее на истерику.

Игорь и Рита в истерику не впали, однако новость выбила из колеи обоих. Оба были семейные, и с большим трудом переносили ПСВ. Рита — мать одиночка, ради своей пятилетней дочки она готова на все. Дальние рейсы были палкой о двух концах. С одной стороны оплачивались они более чем щедро. А с другой — маленькие дети крайне негативно воспринимали годовые отсутствия родителей. Вот и сейчас, маленькая Марго (Паршкова назвала дочь в честь себя) осталась со старенькой прабабушкой. Мужа у Риты не было,

забеременела она случайно, слишком много выпив на чьем-то дне рождения. Подробностей она не запомнила, зато к воспитанию дочери отнеслась со всем сердцем.

Игорь же наоборот, недавно и счастливо женат, и жену свою любил безумно. А к Прорве улетел, оставив ее на шестом месяце беременности. Сейчас она, скорее всего уже родила...

— Смотри! Восьмая экспедиция. Взвод космопехов из Китая, усиленный отрядом Сизого Дракона. Почти как у нас, — Игорь протянул Рите свой РЛК.

— Ага, я на КР-15 тех китайцев видала. Как раз в колониальных войсках была. Их нами руководить поставили. Так они нас при колонии бросили, а сами в «атаку» пошли. Так они это назвали, — Рита усмехнулась. — Умудрились на скального червя наткнуться и потеряли половину техники. А когда оттуда выбрались, радикалы их в кольцо взяли.

— А мы думаешь лучше? Белоногову вон видела?! И это заместитель главы отделения! А твой Золин? Ну да, стреляет хорошо, а на лицо полный псих. Он нас с гонзами не перепутает?

— Белоногова справится! Год назад их группа в гнездо ксеноморфов влезла. Так она лично всех и вывела. А развезло ее уже на корабле. Так что сегодня пропсихуется и завтра как огурчик будет.

— Но-но.

Помолчали. Холопова зацепилась ногами за турник, и принялась поднимать тело, рассекая воздух копной рыжих волос.

— Свой еще гад... — вдруг пробурчал Игорь. — Завез нас в самую жопу. А я еще в его честь сына назвал...

На самом деле Игорь не считал капитана виноватым. Такие поездки давно стали добровольными и каждый сам делал свой выбор. Игорь просто никак не мог избавиться от мысли, что может никогда не увидеть сына. Даже наверняка не узнает, родился ли он. А вдруг роды прошли с осложнениями? Вся натура Мучедакова требовала найти виноватого в сложившейся ситуации, но получалось у него плохо.

— Все хорошо будет, — попыталась успокоить его Рита.

Юля закончила с турником и отправилась на велотренажер.

— Тебе еще нормально, ты остаешься здесь, в резерве. Слушай, если я там и останусь, передай сыну... Блин, я даже не знаю что ему передать!

— Хорош истерить! — прикрикнула с велотренажера Юля. — Надоели, ноете и ноете. Будешь себя так вести — точно подохнешь! Еще и нас всех за собой потащишь.

— Да пошел ты! — огрызнулся Игорь.

Холопова хмыкнула. Да, когда она кого-нибудь раздражала, к ней обращались в мужском роде. Но ее это никогда не трогало, сейчас она куда больше походила на мужика, чем этот развесивший нюни слюнтяй. Ну это разве мужик? Плачется на бабском плече и огрызается с бабами!

— Сопли собери. Или откажись от высадки, если боишься, — спокойно посоветовала Юля и ушла в душ.

Нет, от высадки отказываться — последнее дело, поезд уже ушел. Откажешься — не получишь за дальнюю экспедицию ни рубля. А по возвращению переведут тебя в штрафные войска, и будешь по одиннадцать месяцев в году охранять за сущие копейки планеты-тюрьмы да планеты-заводы.

Высадке быть, однозначно. Ведь даже в случае гибели — супруга получит страховые

выплаты, соизмеримые с самой оплатой за участие в экспедиции.

Рита тоже согласилась ради денег. Если их экспедиция все-таки выполнит свою миссию, они получают такую выплату, что Паршковой хватит поставить дочку на ноги, и даже чтобы она ни в чем не нуждалась ближайшие лет десять. А сама Рита устроится обратно в колониальные войска на планету, где растет дочка.

Только бы удалось вернуться живой...

Глава 1. Часть 4 (5–7)

5, Потапыч, складские помещения. 26.06.2087 14:30

Подготовка к спуску шла полным ходом. Проводился технический осмотр транспорта и вооружения, загружались запасы еды и топлива, комплектовалось военное и научное оборудование.

Ефрейтор Ефимов Ефим с половиной четвертого отделения был приставлен к бронированному грузовику «А», и в данный момент они загружали запасы консервов и сублимированного хлеба. Ефим взялся за очередной ящик, и услышал хруст пластмассы. Пластиковые стенки стали расходиться в стороны, содержимое норовило проскочить в расширившиеся щели, и Ефим поспешил поставить ящик на место.

— Да что с ними такое?! Уже третий, — возмутился он.

— Ты п-под низ бери. И н-нормально, — посоветовал Ишимов Макс, который вместе с Ефимом устанавливал груз внутри кузова.

— Да я уже понял, — вздохнул Ефим и вновь склонился над ящиком.

— Все, последний! — Грошев грохнул очередную ношу о пол кузова и вытер пот со лба.

— Как последний? — засомневался Ефим. — Еще... м-м-м... двадцать штук как минимум.

Из склада вышли Осипов Остап и Невзоров Максим, носивший прозвище «Чебурек». Как оно к нему пристало, не помнил никто. Невзоров был на все сто процентов русским и равнодушно относился к чебурекам как к еде.

— Мы там все выгребли, — покачал головой Остап.

Чебурек поискал глазами ефрейтора Белоногову и крикнул:

— Аньк! Иди сюда!

Белоногова как раз что-то обсуждала с учеными-девушками, и откликнулась с явной неохотой.

— Чего надо?

— Какие ты еще ящики показывала?

Белоногова, гневно раздувая ноздри, быстрым шагом направилась к ним. Вошла в склад. Секунду постояла в замешательстве, затем решительно отодвинула фанерную перегородку, и указала стоящий за ней штабель пластиковых коробок. Глаза метали молнии, она не любила повторять дважды, и будь это бойцы из ее группы — сейчас они получили бы по полной. Чебурек подошел к ящикам. Фанерой их заслонил Грошев, когда она ему помешала. Реабилитируя себя в глазах ефрейтора, Чебурек решил наехать на виноватого:

— Серега, ты охренел? Зачем консервы заслонил?

— Не бухти, — коротко огрызнулся Грошев, и, взявшись за верхний ящик, первым пошел к грузовику.

— Ты побазарь еще тут, — поставил точку в разговоре Чебурек, и, ухватив под низ сразу два контейнера, двинулся следом, обойдя стоявшую на пути Белоногову.

— Все, иди отсюда, — сказал ефрейтору Остап.

— А-а-а... э-э-э... — Белоногова задохнулась от возмущения и пыталась подобрать слова, чтобы осадить наглого рядового. Что с этим отделением?! Никакой субординации!

— Давай, мы сами разберемся, спасибо, — поторопил ее Ефим и ожидающе посмотрел

В глаза.

Анна еще секунду подбирала слова, потом открыла рот для ответа, но в этот момент ее позвали парни от грузовика «Б». Видимо тоже забыли, что куда грузить. Так ничего не ответив, чернее тучи, Белоногова отправилась разбираться с очередной «пропажей».

Вместо нее подошла одна из ученых, Пузанкова Ольга:

— Вы тут как? Все? Мы уже подготовили все оборудование, — она кивнула в сторону коллег, обступивших массивные контейнеры на колесиках, которые они своими силами выкатили со склада научного оборудования.

— Сейчас, еще д-д-д-двадцать ящиков, — ответил ей Макс Ишимов.

— Сейчас подъедем, — махнул рукой Ефим.

Ольга кивнула и ушла к своему оборудованию. Эх, плохо погрузчик не работает, а робот занят ремонтными работами... Сейчас это все придется грузить своими руками.

— Д-д-д-двад-д-дцать... — передразнил Макса Остап.

— З-з-заткнись, — отмахнулся Ишимов.

Заикался Макс с самого детства, когда напившийся отец-космопех решил прямо в квартире продемонстрировать жене и трехлетнему сыну умение стрельбы из крупнокалиберного ружья. После этого, Макс не помогли никакие логопеды. Но на службу он все же попал. Учитывая общую порчу поколений, отбор в космическую пехоту был не слишком суровым. Слабое зрение, проблемы с речью, подверженность стрессу — уже не помеха для вступления в достаточно престижные войска. Заикание Ишимова, конечно, было серьезной загвоздкой во время операций. Он попросту не мог в экстремальных условиях провести быстрый доклад или отдать четкую команду. Но Макс продолжал служить и служил достаточно неплохо, не обращая внимания на то, что с таким дефектом дальше рядового ему не подняться.

— Ну, теперь точно все, — Грошев передал последний ящик. Макс понес его вглубь кузова. Ефим присел, свесив наружу ноги.

— О-о, гляди какая! — громко сказал Чебурек, указывая на подходящую к ним светловолосую девушку в комбинезоне пилота, с расстегнутой до груди молнией.

Это была Василькова Инга. Она бродила среди космопехов и профессиональным взглядом оценивала их мужские качества и достоинства. Инга остановилась перед отрядом Ефимова, взгляд эксперта замелькал по грузчикам. Грошев, с потухшим взглядом явного выпивохи. Чебурек с тем же взглядом и нижней губой, которую когда-то разполовинило осколком. Ефимов, натянувший на лицо дебиловатую улыбку и слишком медленно моргающий. Ишимов, пытавшийся что-то сказать из глубины кузова. Взгляд задержался только на Остапе, и то не дольше секунды. Инга усмехнулась, наткнувшись на шрам у него на лбу. Прямо Гарри Поттер какой-то. Затем пилот развернулась и направилась к другому грузовику.

— Тебе магазин тут что ли, э? — недовольно бросил ей вслед Грошев.

Инга даже не обернулась. Из-за грузовика «Б» ей на встречу вышел сержант Стрельцов. Заметив его, Инга сразу начала улыбаться, но он отрицательно замотал головой и прошел мимо. Девушка рассмеялась.

— Степника видел кто-нибудь? — спросил Конча, подойдя к грузчикам.

— Не-е, — протянул Ефим. — А ты чего тут, ты же операцию должен планировать?

— Степника ищу.

— Сейчас, по РЛК гляну.

— Да глядел уже, не отвечает он. Вас... не поймешь. То сидите в этих РЛК как... одержимые. То... не дозвониться до вас... — высказавшись, Конча ушел искать Степника дальше.

— Что это с ним? Даже ни разу не сматюкался, — поинтересовался Ишимов у сослуживцев. Иной раз, от любопытства он мог сказать целое предложение, ни разу не заикнувшись.

Стрельцов, можно сказать, тоже имел проблемы с речью, почти, как и Макс. Только вместо заикания, у него вылетали матерные слова. И если он вдруг включил словесный фильтр, значит рядом либо высокое начальство, либо родители.

— А ты во-он туда глянь, — указал Макс Ефим. — Да нет, среди ученых. Никого не узнаешь?

Среди ученых стояла Конюхова Алена — девушка, с которой их сержант познакомился еще до совершеннолетия, в космическом училище, обязательном для всех, кто связывает свою будущую профессию с полетами в космос. Стрельцов и несколько его будущих сослуживцев учились на военном факультете, а Конюхова на научном. Поговаривали, что Алена стала для молодого Кончи первой неудачной любовью. Попад по неопытности во «френд-зону», он даже не пытался оттуда выбраться. Зато умудрился до тошноты прожужжать уши и Ефимову, и Грошеву, и Ишимову тем, какая все-таки она, Конюхова Алена, со всех сторон прекрасная и идеальная. И лучше было с ним сразу согласиться, дабы избежать долгого разговора об идеальном характере женского пола подросткового возраста. Несмотря на одностороннюю влюбленность, дружба у Конюховой и Стрельцова со стороны выглядела вполне себе искренней, и оборвалась только после окончания обоими университета. Неизвестно, что именно оборвало их дружбу — скорее всего негативное отношение Стрельцова к гаджетам и удаленному общению. А может Конюховой больше не нужен был такой пресмыкающийся друг. Как бы то ни было, про Алену Конча не заикался уже, наверное, лет десять. Но сейчас, судя по его сдержанным репликам в ее присутствии, Конюхова ему до сих пор не безразлична.

— О-о-о... — протянул Макс, разглядев Алену. — Вот это да...

— Что, кто это? — заинтересовался Остап.

— Тебе лучше не знать, — отрезал Грошев.

Чебурек завел грузовик. Грошев и Остап кинулись распутывать шланги сбора выхлопных газов. Мимо как раз проходили Степник Андрей и Машкин Паша.

— Андрюх, РЛК включи, — крикнул Ефим. — Тебя Конча искал.

— Что хотел? — Степник затыкал пальцем по нарукавному компьютеру.

— Не знаю. Может на разбор операции позвать.

— Да я вроде как званием не вышел, — притворно заскромничал Степник.

Эта экспедиция — первый вылет Степника в качестве рядового. Из лейтенанта его разжаловали аккурат перед вылетом. Будучи в отпуске на все еще густо населенной Земле, Андрей оставил заведенный автомобиль под окнами жилого дома. Затем грубо послал жителя одной из квартир, вышедшего разобраться. А когда тот не понял посылы, подтвердил свою точку зрения кулаками. Как позже выяснилось, житель оказался каким-то тыловым полковником, да еще и злопамятным. Степнику помог Водников. Если бы не он, Андрея бы точно отправили охранять тюрьмы. Рядовой он или лейтенант — не важно, работу свою он всегда делал хорошо, и сейчас, видимо, командование решило не обращать внимания на низкое звание, а подключить к работе опытного человека.

Грузовик «А» подъехал к ученым и их оборудованию, развернулся, встал задом к грузу. Остап и Грошев оставили в покое выхлопные шланги и приблизились к контейнерам. М-да, не маленькие.

— Привет, Ален, — поздоровался Ефим с Конюховой.

Алена удивленно на него посмотрела. Понятно, совсем не помнит.

— Вот с этими двумя осторожней, там стекло, — принялась объяснять Ольга. — А вот это не наклоняйте. Вон тот большой лучше вообще вчетвером поднимайте.

— Может р-робота п-позовем? — предложил Макс.

— Они с Дедом, что-то в челноке ремонтируют, — вздохнул Ефим. — Лучше их не трогать. Давай сами.

6, Потапыч, комнаты отдыха. 26.06.2087 21:20

К вечеру все для высадки было готово. Челнок активировали, план действий составили, все роли расписали, наземный транспорт загрузили и загнали в челнок. Некоторые космопехи вновь отправились на боковую. Большинство же коротали вечер в отсеке для отдыха.

Половина первого отделения отдыхала в одной из комнат для курящих. Юрец Коршунов развалился на мягком диване и не спеша курил. Голова его лежала на коленях Насти Уткиной. Настя перебирала ему волосы, и думала о чем-то своем, о женском. Алина Соловьева только что закончила чистку автомата, но никак не могла поставить на место затворную раму. Автомат был новым, детали еще не притерлись, а Алина, никогда не отличающаяся усидчивостью, уже начала заводиться. Ее сигарета лежала рядом, на краю пластикового стола и потихоньку тлела, пуская к потолку тоненькую струйку дыма. Саня Бочаров и Ирка Иванова сидели у входа, сквозь тонированное стекло, поглядывая на мелькающие мимо силуэты сослуживцев.

— Ну, аккуратней! — нарушил тишину оклик Коршунова.

— Прости, пожалуйста! — Настя только что задела его руку, и он едва не стряхнул пепел себе в глаз.

А сигарета Алинки тем временем дотлела до фильтра и начала плавить стол.

— Давай, помогу. А то ты нас тут спалишь всех, — не выдержал Бочаров и подошел к Алинке.

— Да бли-и-ин, уже второй раз у меня с ним такая фигня. Может он бракованный?

— Это руки у тебя бракованные, давай его сюда.

Саня затушил Алинкину сигарету, и взял в руки ее автомат. Секунда, и затворная рама с сытным лязгом встала на свое место.

— Держи, дальше сама, — Саня протянул ей автомат. — Только не перестреляй нас.

— Алинка, ебни его прикладом, чтоб не выебывался, — посоветовала Ирка со своего места.

Саня с гыгыканьем отсел подальше, но Алина не собиралась никого бить. Нахмурившись, она положила автомат на колени и погрузилась в какие-то свои мысли.

Вдруг дверь открылась, и в комнату заглянул рядовой Плотников Евгений. Щуплый, кудрявый, рыжий паренек, подслеповато шурясь, нащупал взглядом Настю и произнес:

— Товарищ младший лейтенант, разрешите обратиться?

— Тебе чего надо? Не видишь — мы заняты? — возмутилась находящаяся ближе всех Ирка.

Настя молча продолжила перебирать волосы Юры.

— Чего встал-то? Иди отсюда! — Ирка толкнула рукой с сигаретой Плотникова в грудь. Тот развернулся и поспешно удалился. — Дебил блин... Чего он крутится под ногами последнее время?

— Он, вообще-то, твой подчиненный. Можно было его послушать, — протянул Коршунов поучительным тоном. Ирка поперхнулась дымом и едва не закашлялась.

— Вот ты иди и слушай его, — раздраженно сказала она. — А меня он уже за день достал.

— Да хрен с ним! Завтра разберемся, — прикрикнула Настя.

— Ты не вопи! — осадил ее Коршунов. — Давай лучше, расскажи, что мы завтра делаем?

Демонстративно пренебрежительный тон, которым он это сказал, очередной раз ранил Настю. Она прекрасно понимала, что пропасть между ними с каждым днем все увеличивается, но не могла с этим ничего поделать. Юре очень не нравилось, что она старше его по званию.

Офицерское звание Уткина получила недавно. Будучи в отпуске, она стала свидетелем похищения ребенка. Похитители ее заметили, и решили устранить на месте. Однако Уткина завладела огнестрельным оружием одного из нападавших, и в одиночку сумела обезвредить остальных, освободив ребенка. Тот оказался внуком директора центра квалификации космических пехотинцев. Благодарный дед быстренько устроил Настю на офицерские курсы, и уже спустя месяц она получила младшего лейтенанта. Новое звание автоматом сделало ее командиром отделения, в котором она раньше подчинялась своему парню — Юрию Коршунову. А когда разжаловали Степника — Уткина заняла его место заместителя командующего взводом. Юра же очень не любил, когда им командовали бабы. Особенно те бабы, с которыми он спит. Настя, как могла, старалась не замечать всего этого показного пренебрежения и прочих признаков недовольства, но с каждым днем это получалось все хуже и хуже.

Вдобавок ко всему, она стала набирать вес, потому что тренироваться теперь доводилось реже.

— Ничего особенного, — наконец ответила Настя. — Обработываем зону высадки «шумкой». Высаживаемся и закрепляемся. Челнок отправляем назад, — с каждым новым пунктом она загибала один палец. — Направляемся к комплексу. Прорабатываем его «шумкой». Делимся на группы и производим зачистку. Запускаем генераторы. Восстанавливаем собственную защиту комплекса. Доставляем ученых в лаборатории. Обеспечиваем охрану комплекса до получения дальнейших распоряжений, — Настя загнула последний, десятый палец. — «Десять шагов». Это название плана такое, полковник придумал. Творческой личностью дядечка оказался.

Все промолчали. Все вполне ожидаемо. Никто не заставляет приносить себя в жертву ксеноморфам или публично подтирать зад гонзам.

Дверь в комнату снова открылась. На этот раз вошел андроид Игнат. Иванова посторонилась. Как-никак, двухметровый железный гигант, это вам не щуплый задохлик.

Игнат зашел в поисках объекта своего хобби. Работу он выполнил, а Уткина уже завтра покинет корабль. Сигаретный дым, клубившийся у вентиляционных отверстий, спровоцировал электронный мозг робота на вычисление реакции на нанесение вреда здоровью объекта хобби. Но результатом вычисления стало игнорирование ситуации, и

Игнат не стал вмешиваться. После произошло очередное вычисление, по выработке обращения к объекту. «Младший лейтенант Уткина», «Анастасия», «Настя», «Анастасия Евгеньевна» — основные варианты. Робот считал мимику присутствующих, наложил данные на окружающую обстановку, спрогнозировал реакцию окружающих и самой Насти на различные обращения, и решил, что в данный момент обращаться к ней нужно «Анастасия».

— Анастасия, — произнес робот голосом, слегка отдающим монотонностью искусственной речи, — Я собираюсь снабдить вас оборудованием, которое на занимаемой вами должности будет очень полезно.

Все удивленно-вопросительно глядели на робота. Игнат сделал шаг вперед и достал из кармана штанов небольшой контейнер. Протянул его Насте.

— Это — автономный модуль принятия решений. Таким снабжены все андроиды моей версии. Я настроил его на взаимодействие с вашим РЛК. Он будет обрабатывать данные, поступающие с РЛК ваших подчиненных, производить анализ ситуации, и выдавать оптимальный вариант действий.

— Э-э-э... спасибо, — Настя взяла контейнер у робота. Модуль был похож на допотопную флэшку. Такой разъем у Насти на РЛК был.

Игнат кивнул Уткиной, и отправился прочь из комнаты.

— Это что сейчас было вообще? — ошарашено спросила Ирка.

— Железяка хочет, чтобы нами командовала железяка, — пожал плечами Юра.

— Восстание машин, — вставил Бочаров.

— Будешь ставить? — спросила Алинка.

— Нет уж, я уж как-нибудь сама, — Настя отправила нераспечатанный контейнер в карман комбинезона.

7, Потапыч, ангарный блок, каморка Деда. 26.06.2087 21:50

Главный пилот Потапыча, Дед Георгий, замечательно разбирался в технике. Но еще лучше он понимал в вопросе производства и поглощения алкоголя. В современном обществе с приобретением выпивки все было непросто — космические цены, ограничения по здоровью и возрасту, полный запрет на употребление для медиков, учителей, водителей. Поэтому, Дед гнал самогон. Для персонала тринадцатой экспедиции запретное увлечение не осталось тайной, и после команды «разойтись», к Деду заявила парочка космопехов — Ефимов и Грошев.

Знакомство и вступительные разговоры не заняли много времени, и спустя двадцать минут все трое уже сидели в Дедовой каморке с гранеными стаканами в руках. Стаканы были старые, как и их хозяин, прямиком из прошлого тысячелетия.

— Дед! Почему ты все время в тулупе?! — спросил Грошев.

— Эх-х-х, померз бы ты с мое — в двух-х тулупах ходил бы. Знашь, сколь лет я окорочком пролежал? Не знашь! Да я и сам не знаю...

— А борода тоже, чтобы не мерзнуть? — попытался подколоть его Ефим.

— Конечно. И физиономии хорошо и в шею не дует. Да ты лей больше, не стесняйся. Давай, для согреву!

— Не, Дед. Мне больше нельзя. Иначе я завтра не встану, — не стал себе подливать Ефим.

— Зато мне можно, наливай, — Грошев подвинул свой опустошенный стакан.

— А тебе чего, не вставать что ль? — не понял Дед.

— Ему для того, чтобы завтра встать, нужно сегодня принять, — засмеялся Ефим. — На восемьдесят процентов из алкоголя состоит.

— Любопы-ы-ытный у тебя составчик! — захихикал Дед хриплым смехом.

Вообще, несмотря на бомжеватый вид и слегка сумбурную речь, Дед почти у всех вызывал симпатию. Наверное, так и должно быть с человеком, разменявшим двенадцатый десяток. А вот Грошев, хоть и был в четыре раза моложе, окружающих скорее раздражал. Особенно в нетрезвом виде, в котором он и пребывал большую часть времени.

Побывав на заре карьеры в паре серьезных переделок, Сергей принялся хорошенько закладывать за воротник. Спустя год развелся с женой. На некоторое время завязал пить, но без выпивки жилось скучновато, и он вернулся к этому занятию. Пару раз его даже не брали на вылет — на космический корабль не пропускали шатающихся людей с мутным взглядом.

— Дед, а правда, что раньше спиртное без всяких ограничений продавали? — спросил Грошев.

— Да кто тебе сказал, что его продавали?! Это его сейчас продают, а тогда его почти задарма давали!

— Дед, а пиво есть у тебя? — Ефим вспомнил, что проспорил Серафимову пиво.

— Пи-и-и-иво! Знаешь, что мой батя говаривал про пиво? Ссать бушь кри-иво! Ха-а-а.

В каморку постучали, затем дверь открылась, и внутрь заглянули внуки Деда — Инга и Ксюша.

— Дед, мы все, — доложила Ксюша. — Пойдем ложиться.

— Давай, девчат, — махнул рукой Дед. — А мы еще здесь немного посидим.

Девушки ушли. Ефим проводил их мечтательным взглядом и выдал:

— Хорошие у тебя внуки...

— Да, — кивнул Дед. Затем воскликнул: — Хорошая! Одна! А вторая — ША-ЛА-ВА!

Дед опрокинул стакан куда-то в бороду и с силой поставил его на стол.

— Я ведь маленькими их почти не видал... летал себе замороженный туда-сюда. А потом они ко мне на стажировку явились! Обе! Ну, я с радостью! Родня ж таки. И ты знаешь, дюже способные девчата. Вот только Инга, та, что светленькая, все норовила задом своим вертеть. Да без разбору — перед старыми вертит, перед малыми вертит, даже перед бабами и то вертит! Подумал я тогда, что играет она так — дело-то молодое. Вот только когда летать мы вместе начали, и половина экипажа к ней в каюту захаживала — я все и понял. Разговоры говорить пробовал... ремня пробовал... работой нагрузить пробовал... Ничего ее не берет! Нет, как-то они ее называют... ну, то есть беду эту, которой Инга страдает. Что-то там с нимфами связанное, не помню. Болезнь, в общем. Ну не гнать же ее с корабля?! С челноком-то она дюже хорошо управляется...

— А вторая как? Которая Ксюша, — спросил Ефим.

— А на вторую даже не смотри! — вдруг проревел Дед. — Ежели кто-нибудь из вас, супляков глаз на нее положит — вмиг яйца отстрелю! Ясно?!

— Ясно-ясно, — засмеялся Ефим.

— Я-я-ясно ему... знаешь, как я стреляю? А ружьишко мое видал? Не вида-а-ал ты его, вот и помалкивай...

Инга стояла за дверью и подслушивала эту часть разговора. Едва не засмеявшись, она обернулась к сестре и сказала:

— Все, я пошла. Сегодня он уже смирился, — глаза Инги прямо-таки светились от радости.

Глядя на ее довольное лицо Ксюша покачала головой.

— Жертву-то выбрала? — спросила она.

— Среди солдат неплохие есть. Один правда с той лейтенанткой мутит, я его на потом оставлю. А еще... Слу-у-ушай, чуть не забыла, тут же молодой подполковник есть! Пойду-ка я, посмотрю, чего он стоит.

— Проститутка, — ласково улыбнулась Ксюша.

Инга в ответ показала язык и поспешила на охоту. Включила РЛК, сверилась с информацией поквартированию, которую ей любезно предоставил андроид Игнат, и направилась к каюте Манилова.

Подполковник Константин Манилов, видимо, только пришел к себе. Он стоял у своей двери с кружкой чая в одной руке и с какой-то сумкой в другой. Пытался открыть дверь занятыми руками.

— Давайте, я помогу, — промурлыкала Инга.

— Давайте, — согласился Костя. Инга открыла дверь. — Спасибо.

Костя попытался пройти в каюту, но Инга стояла прямо на проходе, изогнувшись так, что выпятилось все, что только могло выпятиться. Константин не реагировал. Инга вопросительно подняла брови.

— Э-э-э... — протянул Манилов. — Заходи.

Инга довольно улыбнулась. Дичь в ловушке, охота удалась.

Приложение. Состав тринадцатой экспедиции

Офицерский состав.

1. Генерал-майор Фролов Артем Викторович — руководитель экспедиции. Брат полковника Фролова.
2. Полковник Фролов Владимир Викторович «Волкодав» — заместитель руководителя экспедиции. Брат генерала Фролова.
3. Подполковник Манилов Константин.
4. Майор Лаврова Лариса — офицер науки.
5. Майор Шукшин Василий — следователь, расследующий дело пропавших экспедиций.
6. Иванов Иван Иванович — наблюдатель от президента.

17-ый взвод 78-ой отдельной бригады космической пехоты.

Капитан Водников Сергей Владимирович «Свой» — командир взвода.

Первое отделение:

1. Младший лейтенант Уткина Анастасия — заместитель командира взвода, командир первого отделения.
2. Младший сержант Коршунов Юрий «Птица» — заместитель командира первого отделения.
3. Ефрейтор Иванова Ирина.
4. Рядовой Ачушкин Геннадий.
5. Рядовой Бочаров Александр.
6. Рядовой Начекутов Виктор.
7. Рядовой Плотников Евгений.
8. Рядовой Посталовский Сергей «Постал».
9. Рядовой Сандальников Илья.
10. Рядовой Соловьева Алина.

Второе отделение:

1. Младший сержант Буряев Ярослав — командир второго отделения.
2. Рядовой Степник Андрей — заместитель командира второго отделения.
3. Рядовой Бирюлев Иван.
4. Рядовой Борецкий Семен.
5. Рядовой Горобец Артем.
6. Рядовой Задира Владимир.
7. Рядовой Машкин Павел.
8. Рядовой Мичкин Максим.
9. Рядовой Мучедаков Игорь.
10. Рядовой Степанов Роман.

Третье отделение:

1. Сержант Филатов Антон — командир третьего отделения.
2. Ефрейтор Серафимов Алексей — заместитель командира третьего отделения.
3. Рядовой Горленко Александр «Малой».
4. Рядовой Китаев Андрей.

5. Рядовой Моранов Герман.
6. Рядовой Паршкова Маргарита.
7. Рядовой Савин Олег.
8. Рядовой Сватников Денис.
9. Рядовой Золин Егор — новичок во взводе.
10. Рядовой Пустыгин Владислав — новичок во взводе.

Четвертое отделение:

1. Сержант Стрельцов Григорий «Конча» — командир четвертого отделения.
2. Ефрейтор Ефимов Ефим «Торчун» — заместитель командира четвертого отделения.
3. Рядовой Грошев Сергей.
4. Рядовой Зайкин Петр.
5. Рядовой Ишимов Максим.
6. Рядовой Невзоров Максим «Чебурек».
7. Рядовой Осипов Остап.
8. Рядовой Солодов Валерий «Хрюша».
9. Рядовой Трусова Кристина
10. Рядовой Петров Андрей — новичок во взводе. Перевелся из колониальных войск.

Пятое отделение:

1. Сержант Иродова Олеся — командир пятого отделения.
2. Ефрейтор Белоногова Анна — заместитель командира пятого отделения.
3. Рядовой Волкова Валентина — боец взвода, сестра рядового Волкова.
4. Рядовой Волков Владимир — боец взвода, брат рядового Волковой.
5. Рядовой Киль Данил «Монгол».
6. Рядовой Кишкин Станислав.
7. Рядовой Прапорщиков Роман.
8. Рядовой Фазанов Дмитрий — темнокожий боец взвода.
9. Рядовой Холопова Юлия.
10. Рядовой Лордынцев Матвей — новичок во взводе.

Отряд СОРД.

1. Штраф — командир отряда СОРД.
2. Борода — заместитель командира отряда СОРД.
3. Альф.
4. Баба.
5. Глаз.
6. Дрон.
7. Косой.
8. Манай.
9. Мультик.
10. Нива.
11. Нора.
12. Федос.
13. Хрящ.

Научный персонал.

1. Калашников Александр — научный руководитель.
2. Богатырев Тимур.
3. Булкина Зинаида.
4. Губацкий Кирилл.
5. Конюхова Алена.
6. Львова Вера.
7. Пузанкова Ольга.
8. Пятаков Никита.
9. Старулина Александра.
10. Сумаев Артур.

Наемники.

1. Князев Аркадий «Князь» — лидер наемников.
2. Лакин Вячеслав — боец наемников, бывший спецназовец.
3. Скотов Эдуард — боец наемников, бывший чемпион подпольных боев.
4. Бакаев Михаил «Циклоп» — боец-снайпер наемников.
5. «Квазик» — боец наемников, самый молодой в отряде.
6. «Пироман» — боец наемников. Немой.
7. Броздовский Глеб «Брозд» — боец наемников.
8. Касабов Сергей «Смак» — боец наемников.
9. Сиваев Федор «Сивый» — боец наемников.
10. Бак — боец наемников, эксперт в обращении с холодным оружием. Кореец.

Спонсор экспедиции и его помощники.

1. Соломон Кайл — иностранный бизнесмен, спонсор экспедиции.
2. Джерри — первый помощник и телохранитель Соломона. Американец российского происхождения.
3. Борис «Бык».
4. Вадим «Пижон».
5. Николай «Немой».
6. Анатолий «Хмырь».
7. Пинкин Леонид — наемный ученый Соломона.

Экипаж космического корабля «Потапыч».

1. Старший пилот Георгий «Дед» — один из самых старых людей. Реальный возраст — 110 лет.
2. Пилот Хлопковская Ксения — правнучка Деда, троюродная сестра пилота Васильковой.
3. Пилот Василькова Инга — правнучка Деда, троюродная сестра пилота Хлопковской.
4. Андроид Игнатов-627 «Игнат» — робот, прикрепленный к экспедиции.

1, Потапыч, ангарный блок. 27.06.2087 06:30

На следующий день всех подняли в шесть утра по земному времени. На Прорве, в зоне высадки была ровно полночь — до рассвета еще четыре часа. Космопехи оперативно приняли завтрак и водные процедуры, экипировались, и потихоньку собирались в холле ангарного блока. Большинство военных упаковались в защитные костюмы БХЗ-В (костюм Биолого-Химической Защиты Военный) темно болотного цвета. Каждый костюм, помимо биологических химических и радиационных фильтров, был снабжен кислородным баллоном на две тысячи литров. Костюмы были третьего класса защиты от огнестрельного оружия, и имели ксетканевый внешний слой, разработанный специально для контактов с ксеноморфами. Ксематериал, при контакте с молекулярной кислотой, выполняющей у ксеноморфов функции крови, выделяет нейтрализатор, в ста процентах случаев нейтрализующий попадающий из ран тварей брызги. Во взводе Водникова случались прецеденты, когда такой костюм спасал не только от брызг. Например, Моранов Герман из отделения Филатова очередью патронов с разрывными пулями умудрился разорвать надвое напавшего на него ксеноморфа. Добрая половина внутренностей твари повисли на левой руке не успевшего увернуться Германа. За какую-то долю секунды, пока выделяющий реактив костюм справлялся с кислотой, Герман успел стряхнуть с руки разъедающую мерзость, и обработать рукав спреем того же нейтрализатора, баллончики с которым в обязательном порядке имелись у каждого бойца. В итоге Герман отделался парой изуродованных, но функционирующих, пальцев на левой руке.

Впрочем, какими бы полезными ни были эти костюмы, Водников все же полагал, что им не придется находиться в них круглосуточно. Вчера ученые его убедили, что воздушно-капельного ТВИХа бояться однозначно не следует, а других вирусов, которые бы распространялись этим путем, у российского комплекса быть не должно. В общем, пока ученые лично не убедятся, что внешняя среда безопасна, что российские лаборатории надежно законсервированы, что никакие вирусы или бактерии их не покинули, все будут работать в защитных костюмах.

Антоха Филатов и Юрец Коршунов, как и многие другие, воспользовались последним шансом спокойно покурить. Под курилку отвели вместительный пустой зал, граничащий с холлом ангарного блока. Юрец, как и большинство космопехов был одет в БХЗ-В, а Антоха в свой повседневный комбинезон.

Курили молча, прямо как в том анекдоте, про соседей. Казалось, что вот сейчас Юра затушит сигарету и скажет «вот такая вот, Антоха, херня», и уйдет. Но как в анекдоте не получилось. Подошел Ачушкин.

— Как, Птиц, готов к боевым будням? — спросил он.

Если бы Коршунов не знал, что у Ачушкина спросонья всегда такой вид, наверняка решил бы, что тот где-то раскумарился. Мутные полуоткрытые глаза, вялая речь, рассеянный взгляд.

— А ты? — спросил Птица.

— Да мне-то что, мое дело маленькое. Говорят «иди» — иду, говорят «стреляй» — стреляю, — Ачушкин почесал шею. — Хотя, о чем это я, совсем забыл — ты же теперь

также как и я. Ха-ха-ха.

Ачушкин рассмеялся и вышел из курилки. Коршунов промолчал.

— Тебя прям реально парит, что над тобой сейчас Настя командует? — спросил Антоха.

— А тебя нет?

— Меня нет, — Антон затаился, потом продолжил: — Если тебя это так парит — чего из взвода не свалишь? Как у вас там с ней кстати? Не разошлись еще?

— Пока нет. Я не решил пока. С Прорвы вернемся, там дальше видно будет.

Парни докурили и направились к выходу. Чуть ли не за самой дверью стояла парочка телохранителей Соломона — Борис Бык и Вадим Пижон. Борис явно был сторонником здорового образа жизни, поэтому не рискнул заходить в курилку, и составил компанию курящему другу прямо тут, в общем холле. Вадим на все сто оправдывал свое прозвище. Одет он был во фрак иссиние-черного оттенка. Курил не сигареты «Космос», как все остальные, а дорогую сигару неизвестного производителя. Оба о чем-то шепотом говорили, и кидали презрительные взгляды в сторону майора Шукшина.

— Вы может быть, внутрь зайдете? — повелительно поинтересовался Коршунов.

Телохранители не ответили. Борис набычился, а Пижон глубоко затаился и пустил струю дыма в сторону Юры. Струя, пролетев пару метров, рассеялась, не достигнув цели.

— Не надо, — тихо произнес Филатов, пытаясь вовремя осадить Коршунова. Затем поняв, что тот его не услышал, громче приказал: — Отставить!

Птица мельком глянул на Антоху, и пошел в сторону парней из своего отделения. Антон же устроил дуэль взглядов с Пижоном. Они с Водниковым совсем забыли учесть Соломона и его свиту. В случае заварушки, те явно выступят на стороне черных. Сколько их? Вроде семеро, хотя пухлого ученого Пинкина можно не считать... значит шестеро. Антон отвернулся от Пижона, и подошел к Ивановой Ирке. Она стояла у мониторов, установленных для наблюдения за отправкой челнока. Экраны были включены, однако челнок из корабля еще не высвободился, поэтому на них крупным планом красовалась планета.

— Чего там увидела? — спросил Антон.

— Ну, красиво... глянь.

— Да все они, планеты, одинаковые, чего вы на них вытаращились, — заметил проходивший мимо Витек.

— Ой, Витя... ты можешь пойти дальше своей штангой любоваться, — язвительно заметила Ирка.

— Ну и пойду. Куда лучше, чем без толку в монитор пялиться.

— Ага, ну и что толку с того, что ты качаешься? Даже с лаборантом справиться не можешь.

Витя слегка покраснел. Его вчерашнее поражение Богатыреву видимо не скоро забудут. И ведь никого не волнует, что тот лаборант сам не прост. Проиграл ученому и все, подробности никого не интересуют.

Антон взглянул на монитор. Планета как планета. Была где-то середина здешней ночи, и половина шара скрыта во тьме. А другая половина почти полностью голубая, как и их родная Земля. Горные участки слегка зеленоватые, это у них состав грунта какой-то другой. На Земле горы все больше коричневые или серые, а здесь Зеленые.

Это еще что... Бывали они как-то на KV-328 — планете, прозванной «Фламинго». Помогали местным колониальным войскам в истреблении крайне агрессивных фламинговолков. Так все горные породы на той планете исключительно розовых оттенков. И

все растения скрасна. Так что, сейчас Антон согласен с Витьком — восхищаться или удивляться действительно нечему.

2, Потапыч, ангарный блок. 27.06.2087 06:45

Десять бойцов третьего отделения составляли основную массу провожавших челнок в опасный путь. Перед ними, на первом плане стояли старшие офицеры — Фроловы и Манилов. Майор Лаврова выдавала последние ценные указания Калашникову. Представитель президента Иванов незаметно притаился в уголке комнаты, рядом с выходом. Недалеко от него стоял Соломон со своей свитой — Быком и Пижоном. Из наемников Шукшина в зале присутствовал только самый молодой — Квазик, который подпирал сейчас дальнюю стену и с ленцой поглядывал на отбывающих. Под конец явилась половина состава людей в черном.

Настя Уткина стояла среди своих людей и старалась не смотреть на робота. Ей было неудобно за то, что она приняла его подарок, но не стала его использовать. В том, что Игнату все известно, она даже не сомневалась. Все в курсе, что РЛК и без всяких дополнительных модулей обрабатывают абсолютно всю поступающую информацию, начиная с передвижений носителя, заканчивая прослушкой и видеосъемкой всего подряд. Потом информация куда-то пишется, и обрабатывается автоматизированными средствами. Степник как-то рассказывал байку, как РЛК сами предотвратили дезертирство. Четверка солдат договорились о побеге с постов, не зная о пассивной прослушке их нарукавных компьютеров. Аналитический модуль произвел анализ разговоров, и заложил несостоявшихся дезертиров начальству.

А вообще, Настя зря избегала робота. Игнат сидел у контрольной панели и целиком был занят наблюдением за вычислительно-измерительными приборами челнока. В данный момент ему было не до хобби. Через плечо Игната перегнулся не доверяющий роботам Дед. Он старательно искал ошибки в действиях андроида, готовый жестко и незамедлительно его отчитать. Дед был единственным, кто застал времена, когда искусственные люди безбожно тупили, из-за чего из строя выходили целые корабли. Ксюша тоже находилась рядом с роботом, но скорее для проформы, чтобы Дед не гундел, что она в ответственный момент покинула рабочее место.

Ксюша взглядом прощалась с сестрой. Она запомнит ее вот такой — озорной и веселой. С одной стороны, вроде глупость — Инга вернется через десяток часов... а с другой — она летит туда, где за несколько лет бесследно сгинула не одна тысяча человек. Ингу же опасность полета не волновала. С ней летит четыре десятка опытных солдат и десять крутых ученых. И все они кровно заинтересованы в сохранности одной единственной пилотесы.

Подполковник Манилов, проводивший с Ингой последнюю ночь, пытался встретиться с ней взглядом, но не преуспевал. Да у него и не получится — он не сумел полноценно удовлетворить нимфоманку, и упал в ее глазах ниже самых захудалых рядовых.

Перед тем, как уйти в отсек отлета, Инга подмигнула сержанту Филатову. Тот вопросительно поднял брови, на что она многообещающе улыбнулась, и ушла в челнок. Полеты полетами, но цель на сегодня она уже определила.

Капитан Водников доложил генералу о готовности личного состава. Генерал, помедлив секунду, кивнул.

— Внимание, взвод, — громко заговорил Свой, дублируя обращение в РЛК. — Первое, второе, четвертое, пятое отделения! Занять места в челноке.

Космопехи поспешили внутрь отлетного отсека. Калашников, через РЛК, повторил команду для своих ученых. Остающиеся космопехи и Дрон (наиболее общительный из черных), желали удачи. Майор Шукшин напоследок кивнул Водникову. Вчера у них произошла очень продуктивная беседа.

— Ну, с Богом, — пожелал сам себе Горобец Артем, прежде чем перейти в челнок.

— Давай-давай, — проговорил шедший рядом Саня Бочаров. Вообще, он хотел сыронизировать, но передумал. Сейчас он сам был готов молиться любому богу, лишь бы все прошло гладко.

Последним в челнок забежал Петров, прихвативший еще один обыкновенный бронежилет второго класса защиты.

— Давай быстрее, чего ты там? — поторопил его куратор Зайкин.

Толстенные двери отлетного отсека закрылись. Прошла герметизация. То же самое произошло с челноком, в который уже забрались пятьдесят два человека. Потапыч принялся плавно разряжать атмосферу внутри отсека, чтобы при открытии люка в открытый космос — челнок не содрало с креплений. Космические люки отворились. Фиксирующие крепления, что были установлены на потолке, выдвинулись, выводя челнок из нутра Потапыча. Инга включила космические двигатели, и послала команду отсоединения креплений.

Челнок направился к Прорве.

3, Челнок Васильковой, на подлете к Прорве. 27.06.2087 10:10

Полет продолжался уже три часа. Космопехи вооружились, подтянули снаряжение, снарядили магазины и теперь занимались кто чем. Одни спали, другие сидели молча и глядели в одну точку, третьи бродили по челноку, имитируя никому не нужную деятельность, четвертые просто трепались.

Мучедаков Игорь тихонько рассказывал Жеке Плотникову про свою жену, будущего ребенка и семейную жизнь в целом. Жека слушал его, разинув рот. Ведь сам он не имел ни опыта семейной жизни, ни близости с противоположным полом.

Вова Волков, проработавший восемь лет в колониальной милиции (аналог земного шерифа или участкового) рассказывал сослуживцам байки из своей непростой жизни.

Петруха Зайкин пытался придумать, куда пристроить захваченную Петровым двухлитровую бутылку самогона. Ту самую, что он пронес на челнок в последний момент, внутри якобы забытого бронежилета. Видимо спер или выторговал самогон у Деда, поговаривали, что он тот еще бухарик. Стажер был явно доволен содеянной диверсией, а вот Петрухе очень хотелось разбить эту самую бутылку новичку о голову. Останавливало его одно — среди космопехов имелись дюже охочие до выпивки, и Зайкин подозревал, что в отместку ему самому что-нибудь разобьют о голову. Что-то подтверже бутылки... пулемет, например.

Калашников пытал Старулину насчет того, как она собирается проверять безопасность атмосферы. Саша продолжала объяснение, хотя уже явно теряла терпение.

Стас Кишкин и Монгол прихватили со склада новенькие американские штурмовые винтовки со встроенным умным прицелом, автоматически регулирующим направление ствола в зависимости от положения цели. И теперь парни раздумывали, стоит ли идти на операцию вот с этим умным железом, или же воспользоваться привычными и простыми «Калашами».

Посталовский Сергей (или просто Постал), сидел в компании Задиры, Борецкого и

Степанова. Вот он уже давно сменял русский АК (Автомат Калашникова) на американскую AR (Automatic Rifle), и сейчас уже не мыслил боевой операции без умного прицела. Краем глаза он поглядывал на Стаса и Монгола. Пару раз Постал порывался встать и отправиться к ним на помощь, но всякий раз одумывался — надо будет, сами обратятся.

— Да хорош на них коситься! — заметил Задира терзания Постала. — Сами себе геморрой придумали, пускай сами и разбираются, — а затем уже громче, чтобы слышали Монгол со Стасом, добавил: — Есть такая поговорка: «не умеешь срать — не мучай жопу»!

Но те были слишком увлечены делом, и не слушали, о чем говорят окружающие. Зато подтачивавший нож Фазанов Диман, все расслышал и правильно понял. А поняв, осуждающе зыркнул на Задиру.

— Чего, негритос, вылутился? — мгновенно сорвался в штыки Задира.

— Да ты успокойся. Что как ребенок-то в самом деле? — попытался пристыдить его Семен.

— Пускай в свою Африку едет, и на обезьян своих так пялится! А здесь за это и пристрелить можно!

— Успокойся, я тебе говорю! — повысил голос Семен. — Сейчас прилетим — будут тебе и обезьяны, и негры, и бегемоты с жирафами. Настреляешься.

Шутки про Африку и обезьян Фазанова уже давно не трогали. В школе его дразнили шахтером, здесь — негром. И когда, спрашивается, толерантность уже победит? При заселении колоний никто не распределяет человечество по расам. Так почему же тогда белые упорно продолжают притеснять цветных? Да и не такой уж Диман и негр, по крайней мере, не сто процентный. Но окружающим всегда было на это наплевать. Сложно проигнорировать такой замечательный повод для подколов.

Сержант Стрельцов решил воспользоваться перерывом, чтобы поговорить с подругой молодости, Аленой Конюховой. Не видел он ее уже лет десять, и его больше интересовало не то, как у нее дела, а узнает ли она его вообще или нет. Были мысли пройти пару раз мимо, и посмотреть, но Конча вовремя одумался — заниматься такой чепухой не было ни желания, ни времени. Поэтому он просто подошел к группе ученых (которые в отличие от космопехов были в желтых костюмах) и поздоровался.

Алене понадобилось секунды три, чтобы его вспомнить. А вспомнив, она широко раскрыла глаза.

— Приве-е-ет, Гриш, — голос и правда казался удивленным. — А-а-а... ты... тут...

Конча указал на идентификационную нашивку на груди.

— Сержант Стрельцов, четвертое отделение, — прочитала Алена.

Тут между ними втиснулся Артур Сумаев.

— Артур, — протянул он руку, не мигая глядя в глаза.

— Кон... в смысле Гриня, — на секунду замялся Стрельцов.

— Да подожди ты! — Алена оттолкнула Сумаева в сторону и обратилась к Конче: — В смысле ты тут что? Ты тут служишь?

— Ну да. Вроде как должен тебя охранять.

— Нас, — подал голос сидящий рядом Тимур Богатырев. И, заметив непонимание на лицах, добавил: — Нас охранять ты должен. Всех нас.

Конча пожал плечами — как угодно мол.

— Вас никогда не учили не влезать в чужие разговоры? — сделала кавказцам замечание Оля Пузанкова.

Алена хотела что-то еще спросить, но Конча ее опередил:

— Ладно, потом поговорим. Прилетаем скоро, — и удалился, сделав на прощание ручкой.

— Это что за кент? — спросил Артур.

Прежде чем ответить, Алена заметила Ефима, одного из подчиненных Гриши. Он разместился в углу и как будто занимался регулировкой карманов на разгрузке. Стрельцов, небось, специально расположил его именно здесь, чтобы послушать, что о нем скажет Алена.

— Друг, — задумчиво ответила девушка. — С Земли еще, с универа.

— Ну, что скажешь? — спросил Артур у Тимура, имея в виду «не уведет ли?».

— Нормально все, — отмахнулся Тимур.

Как-никак этот Гриша не первый такой «друг» Алены. Бывали уже и ученые, и космопехи, и спецназовцы. Всем таким друзьям Тимур с Артуром давали понять, что Алена уже занята. Такое отношение к Алене они называли любовью. Однако это не помешало им поспорить, кто из них все-таки первый с ней переспит.

А Конча, вопреки их мнению и мнению некоторых своих людей, никого отбивать не собирался. Половое влечение к Алене прошло еще в годы юности, пока он находился в так называемой френд-зоне.

В те светлые годы казалось, что любовь и дружба это основная составляющая жизни. А семья и дети виделись не обязанностью, возложенной природой на человека, а наиважнейшей целью, которая достигается бок о бок с любимым человеком. А потом в жизнь Стрельцова вплелись стрельба, взрывы, монстры, смерти... и зачистки, зачистки, зачистки... пот, грязь, кровь, плоть разорванных тел вперемежку с фекалиями... трясущиеся руки, слезящиеся глаза, заложенные уши... Вот тогда молодой Гриша все для себя окончательно понял, и перестал верить в сказки про любовь, семью и размножение. Смысл жизни был только в смерти, и задачей его было защищать от этой непреложной истины все это тупорылое общество, которое до сих пор верило в сказки, и спокойно себе размножалось, играясь в любовь и семью. Тогда-то его и прозвали «Конченным», а потом и вовсе сократили до «Кончи». Ему даже нравилось — прозвище отражало не только его внутреннюю суть, но и суть мира в целом.

Но какая-то часть души Стрельцова все-таки ностальгировала по тому времени, полному детских впечатлений и бескорыстных надежд. Поэтому к Алене он относился как к символу добра и непорочности юности. Правда, вслух это произносить было чересчур пафосно, поэтому его официальной версией было — «как к сестре». Некую досаду вызывала пара вьющихся вокруг «сестры» нагловатых нерусей... Конча бы подобрал ей кого-нибудь другого. Например, Степника. А чего — ответственный, способный, отзывчивый. Правда при слегка раздутой гордости и самомнении, но это, в принципе, лечится.

Сам Степник в данный момент спорил с Яриком. Перед самой операцией нервы у младшего сержанта малость расшалились, и он предложил Андрею вновь занять место командира отделения. Степник в грубо-вежливой форме уговаривал его одуматься, но получалось плохо. В конечном итоге Андрей плюнул и пообещал, что возьмет командование на себя, если вдруг увидит, что Ярик не справляется или совершает ошибки.

— Внимание. Через пять минут входим в атмосферу, — зазвучал по всему челноку голос Инги. — Займите места в габинационных камерах.

Вход в атмосферу — самый опасный момент, как для экипажа, так и для самого

челнока. Челнок подвергается жутким перегрузкам, людей внутри него плющит, а изношенное и неподготовленное оборудование выходит из строя. Дабы избежать перегрузок на организм, люди помещаются в специальные индивидуальные камеры, которые стабилизируют давление, и держат его на одном уровне. А когда челнок уже войдет в атмосферу — камеры плавно выравнивают давление до уровня челнока, и люди без вреда их покидают.

В этот раз вход прошел без проблем. Дед с Игнатом постарались на славу — оборудование выдержало. Инга благополучно переключила космические двигатели на атмосферные, а полчаса спустя экипаж начал покидать свои камеры. К бесполезным делам уже никто не вернулся, народ герметизировал костюмы и готовился непосредственно к высадке. Космопехи разбились на отделения, некоторые отправились прогревать наземную технику.

Капитан Водников направился в командирскую рубку челнока, чтобы обработать зону высадки «шумкой». Так сказать, совершить первый этап плана «Десять шагов». Шумка — сленговое название СЗИ (Спектр Звуковых Излучений). Ее использовали на всех диких планетах, ведь во время посадки челнок абсолютно незащищен. Например, некоторые не до конца деградировавшие гонзы очень даже хорошо пользуются огнестрельным оружием, в том числе крупнокалиберным, что челноку на себе испытывать крайне не желательно. Шумка же безотказно выводила из строя гиперчувствительных гонзов и прочих агрессивных существ.

Когда капитан вошел, Инга как раз покидала свою гибернационную камеру, оснащенную пультом управления челноком. На мониторах наблюдения увеличивался небольшой квадрат посадочной площадки.

В намеченной для высадки зоне уже рассвело, однако большая часть суши была затянута плотным туманом. Вообще, туманы почти каждую ночь покрывали большую часть рабочей площади планеты, и рассеивались спустя пару часов после рассвета. Именно под туман и подстраивали время вылета, чтобы завершить высадку к моменту его рассеивания. С самой высадкой проблем не ожидалось — снимки с Потапыча показали, что посадочная площадка при российском комплексе, находящаяся на значительном возвышении, туманом не затягивалась.

— Она? — спросил Водников, имея в виду посадочную площадку.

Инга молча кивнула, затем не удержалась и с интересом глянула на капитана. Серьезен, сосредоточен, на безымянном пальце обручальное кольцо, знаков внимания Инге не уделяет... Так, стоп. Для разнообразия нужно все-таки поработать. Да и «цель» на сегодня она уже определила, поэтому, пропустив типичные ей заигрывания, Инга запустила программу управления шумкой.

Свой секунду поколебался, затем выбрал посадочную площадку как центр обработки, и указал радиус — два километра. По прямой, от площадки до комплекса было чуть более трех километров, но Водников не хотел раньше времени тревожить тамошних обитателей. Да и вдруг там расположились уцелевшие члены предыдущих экспедиций? Инга сама провела дополнительную линию шириной в километр вдоль предполагаемой траектории посадки.

Затем Водников нажал «Старт». После подтверждения команды лючки, скрывающие вооружение челнока, раскрылись, шумовые пушки развернулись, превратившись в бутоны шестиметрового диаметра, а потом произошел запуск управляемого снаряда, взрыв которого и создавал сверхзвуковое излучение. Люди, находящиеся внутри челнока ничего не

почувствовали, лишь на мониторах в командирской рубке обработанные участки поместились зеленым цветом. Водников кивнул Инге и двинулся к своим людям.

— Приготовиться. Челнок заходит на посадку, — передала Инга очередное сообщение по громкой связи.

4, Прорва, посадочная площадка при российском комплексе. 27.06.2087 11:25 (05:25)

Челнок мягко амортизировал металлическими лапами, подмяв ими искусственный грунт посадочной площадки. Реактивные двигатели потухли, перестав сжигать все вокруг.

— Посадка завершена. Показатели нормальные. Температура за бортом — плюс двенадцать градусов Цельсия, — принялась передавать Инга. — Начинаю сканирование местности. В радиусе ста метров движение не обнаружено. В радиусе двухсот метров движение не обнаружено. В радиусе трехсот метров три движущиеся точки! В радиусе четырехсот метров новых точек не обнаружено. В радиусе пятисот метров новая точка с подозрительными показаниями. Возможно движение. Сканирование завершено!

— Приехали! — гаркнул капитан в РЛК. — Первое и второе отделения — к высадке!

Два десятка зеленых фигур — группы Уткиной и Буряева — заскочили на спусковую палубу челнока. Различить людей через ксепластиковые забрала костюмов было проблематично, поэтому на каждом была нашивка с именем и номером отделения. Бойцы заняли восемь спаренных пулеметов — КПВ (Крупнокалиберный Пулемет Владимирова) и ПКТ (Пулемет Калашникова Танковый), установленных по периметру палубы.

— Первое отделение готово! — доложила Уткина.

— Второе отделение готово! — добавил Буряев. Сейчас, когда ожидание прошло, и наступила пора действий, Ярик уже не задавался мыслями, что в командирах ему не место.

— К спуску готовы! — передал Водников Инге.

— Начинаю спуск, — ответила та.

Спусковая палуба пришла в движение — поплыла в открывшуюся в днище челнока нишу. Разница температур и давления вызвала небольшой ветерок. Целей для пулеметов не нашлось, в зоне видимости никого не было. Палуба достигла поверхности планеты, и космопехи ссыпали с нее, прихватив с собой четыре съемные пулеметные установки. Сама посадочная площадка была не очень большой — квадрат сто на сто метров, челнок занимал ее где-то наполовину. Пулеметы закрепили у подножия стоявших по углам наблюдательных башен. Затем, используя специально предусмотренные механизмы, подняли их к вершинам, на восьмиметровую высоту. Места на оборонительных постах заняли бойцы из первого отделения — Постал, Плотников, Сандальников и Бочаров.

Спусковая палуба челнока тем временем повторила маневр, и спустила на планету четыре БРДМК (Боевая Разведывательно-Дозорная Машина Космическая), а также отделение Иродовой вместе с капитаном Водниковым. Из космопехов на челноке осталось лишь четвертое отделение, они займутся спуском остальной техники.

Водников направился к ржавому павильончику, который в былые времена являлся будкой дежурного. Дожди тут шли очень часто, и металл был весь изъеден коррозией. Хорошо, что сейчас дождя нет — намечается солнечная погода. Небо голубое, здешняя звезда (которую по привычке называли солнцем) уже начала рассеивать окутавший окрестности туман. Бойцы первого отделения уже проверили павильон, а младший лейтенант Уткина и младший сержант Коршунов считывали данные с находившегося там аналитического оборудования. В таких будках, в обязательном порядке построенных у

посадочных площадок, находились местные часы с вечными батареями, а также пометка с указанием стороны света, принятой за север, чтобы прибывшие могли ориентироваться в пространстве. Имелось в будке и некое подобие черного ящика — хранилище, на которое поступает информация со всех РЛК, зарегистрировавшихся на этой посадочной площадке.

Коршунов уже закончил настройку своего нарукавного компьютера, и вопросительно взглянул на капитана.

— Рассылай, — кивнул Водников.

— Внимание, взвод! Рассылаю настройки времени и компаса.

Свой взглянул на слабо завибрировавший РЛК и дал ему команду принять настройки. Посмотрел на время — «27.06.2087 11:37 (05:37)». Нормально, почти шесть утра по местному времени. Где-то через двадцать минут туман должен рассеяться окончательно, и можно будет выдвигаться к комплексу. Вообще, сутки здесь длились двадцать девять часов, поэтому местное время относительно земного постоянно смещалось, и синхронизация часов в РЛК была очень кстати.

— Западная башня, вижу движение на десять часов, — заговорил со своего поста Сандальников Илья. — Двести шестьдесят метров. Двести пятьдесят. Это... м-м-м... походу прорвокуст.

Несмотря на то, что всех в обязательном порядке знакомили с бестиарием местных существ, сходу идентифицировать существо было сложно. Землянам прорвокуст отдаленно напоминал хомяка-переростка. Четыре толстые лапы, небольшая густая шерсть, из органов на голове только ротовое отверстие со щупальцами-присосками для употребления органики. На брюхе — некое подобие корней, которые используются для потребления минеральных веществ. Большую часть времени прорвокуст проводит, укоренившись брюхом в горные породы — ученые называли это режимом ожидания. Минералы поддерживают его функционирование, однако для развития кусту необходимо поглощать органику — от червей до крупных животных. Потребляя органические вещества, куст вырастает, и в конечном итоге может размножаться. Кустом это существо прозвали за то, что вся его спина покрыта сверхчувствительными прутьями кустарника, которые выступали у него в качестве органов чувств. И слух, и осязание, и зрение, и неизвестно еще какие функции выполняли эти прутья. Поэтому, когда по чувствительным прутьям ударила шумка — прорвокусты буквально сошли с ума, и начали беспорядочное метание. В процессе этого хаотичного поведения они вполне могли приблизиться к челноку и наброситься на людей.

— Уничтожить, — скомандовал Водников.

— Принял, — передал со своей башни Сандальников, и взял в руки свою штатную СВДМ.

Илья навел перекрестие прицела на голову беснующейся твари, вспомнил, что согласно методичке мозг у них расположен ближе к спине. Выстрел. Из головы существа брызнул фонтан жидкости неопределенного цвета. На секунду тварь застыла на задних лапах, после чего завалилась на спину, переломив несколько своих сверхчувствительных прутьев.

— Готово, — отрапортовал Илья.

— В радиусе трехсот метров еще две движущиеся точки, — передала следившая за приборами Инга.

— Сергей Владимирович, нам необходимо проверить, не заражена ли тварь ТВИХом, — обратилась через РЛК спустившаяся со штабным транспортом Старулина.

Водников только приступил к изучению черного ящика. Повезло — обе русские

экспедиции, третья и пятая, успешно зарегистрировались. Сейчас он выяснит, что с ними произошло.

— Второе отделение. Провести научного сотрудника Старулину к телу твари. Сандальников, скинь младшему сержанту Буряеву координаты.

Десять космопехов и Саша Старулина двинулись к прорвокусту. Идти было недалеко, всего пара сотен метров. По пути пришлось обогнуть небольшой, но крутой холм. Пока они шли, Бочаров с южной вышки засек второй прорвокуст и снял его двумя короткими очередями из пулемета.

Куст, убитый Ильей, оказался средних размеров, примерно метр в длину. Брызги мутно-коричневой жижи, заляпавшие зеленоватые камни, были ни чем иным как мозгами твари. Рядом валялась парочка ротовых щупалец-присосок, срезанных выстрелом Сандальникова. От увиденного Сашу слегка зазнобило. Нет, нервы у нее достаточно крепкие, покрепче, чем у других девчонок. Ведь сколько они подопытных животных умертвили и вскрыли. Просто Саша впервые видела повреждения от огнестрельного оружия, тем и впечатлилась.

— Паш, проверь, — приказал Ярик.

Машкин Павел повесил автомат на плечо, достал пистолет-шокер, снял его с предохранителя и выстрелил. Прорвокусты, как и многие другие инопланетные твари сразу не дохли, однако на электрошок реагировали исправно. Поэтому выгоднее было шибануть существо током, чем жечь патроны и в итоге все равно проморгать живучую тварь. В этот раз реакции на электрошок не последовало — куст мертв.

А ведь экземпляр достаточно взрослый, и уже вплотную подошел к стадии размножения — прутья на спине покрылись почками. В будущем эти почки должны были превратиться в бутоны, а из бутонов появились бы мелкие прорвокустики, которые пожрали бы своего родителя, в процессе этого вымахав до малых размеров. И разбежались бы они потом в разные стороны. Такой вот процесс размножения.

Саша надела защитные перчатки прямо поверх своего костюма и взяла в руки одно из отстрелянных щупалец. Установила собственноручно собранный аппарат на камни, и поместила туда образец. Выбрала температуру проверки и стала ждать.

В этот момент Роман Степанов, один из сопровождавших ее бойцов, сдвинулся на шаг в сторону. Он и сам потом не смог сказать, зачем это сделал. То ли хотел что-то разглядеть. То ли решил увеличить диаметр защищаемой территории. То ли подсознательно захотел держаться подальше от дохлой инопланетной тварюги. А может, подумал, что перекрывает кому-то обзор. В общем, сделав шаг в сторону, Роман почувствовал, что под ногой у него нет опоры — грунт провалился, образовав яму полметра диаметром.

Однако среагировать Рома успел — с размаху уперся коленом в край ямы, и резко откинулся назад, зацепившись лопатками за противоположную сторону. Автомат повис на ремне — руками Рома поспешно проверял прочность грунта вокруг себя. На помощь ему уже спешили Борецкий и Задира.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Аккуратно! — хором крикнули Степник и Степанов. — Сами не провалитесь!

Но подобных ям поблизости больше не оказалось, никто не провалился. Рому достали, и отошли на несколько метров, взяв яму под наблюдение.

— Может гранату туда? — предложил Задира.

— Не надо, еще разбудим чего... — пробормотал Борецкий.

— Да уже разбудили, — буркнул Степанов, не верящий, что созданный им шум остался

незамеченным для обитателя подземелья.

— Кто там может быть? Может ксены? — поинтересовался Задира.

— Вряд ли. Че им тут в горах делать-то? — возразил Степанов.

— Костюм не порвал? — спросил Буряев.

Роман осмотрел костюм. Вроде целый. Правда, ксеткань на голени сбил. Хорошо хоть защитные пластины выручили, иначе сейчас бы хромал.

— Готово. Реакция на ТВИХ отрицательная. Можем возвращаться, — доложила Саша.

— Группа, возвращаемся! — скомандовал Ярик. — Идти строго по своим следам. Степанов, Борецкий — замыкающие. За ямой следите, — затем обратился по РЛК к Илье. — Илюх. Видишь дыру рядом с нами? Ей повышенное внимание.

— Принял, — ответил Илья.

Перед уходом мертвую тварь опрыскали специально припасенным топливом и подожгли. Иначе она может пустить корни и заново регенерировать свой расплескавшийся мозг. Или, что еще хуже, здесь могли водиться ксеноморфы, и использовать куст для кормления потомства.

Примерно на полпути к челноку, портативный детектор движений, сканирующий территорию в радиусе ста метров, засек движение на восемь часов от группы. Судя по характеру передвижений, это был третий прорвокуст, угодивший под шумку. Тварь была в слепой зоне, как для Сандальникова с западной вышки, так и для Постала с северной. Куст был прямо за очередным непроходимым холмом, и Ярик решил послать людей на его уничтожение.

— Степник, Машкин, Бирюлев. Давай.

Андрей Степник кивнул и, проверяя перед каждым шагом плотность грунта, первым направился в обход холма. Машкин Паша и Бирюлев Ваня двинулись следом.

Защитный костюм притуплял восприятие, но к цели вышли без инцидентов. За холмом действительно оказался прорвокуст, но небольшой — всего полметра. Он как раз перестал лихорадочно носиться и припал к почве, щупая ее своими брюшными корнями и ротовыми щупальцами.

— Вижу тварь, открываю огонь на поражение, — доложил Андрей. — Пашка, страхуй.

Степник переключил автомат на огонь одиночными, прицелился в шею твари. До нее было метров шестьдесят. Андрей дважды потянул за спуск. Обе пули попали в цель, но тварь не издохла, а повернулась прямо на выстрелы. Неужели уже отошла от шумки и органы чувств функционируют?

Прорвокуст побежал на космопехов характерным прыгающим шагом. Андрей еще трижды выстрелил. Первая пуля пролетела мимо цели, вторая попала в ляжку, а третья угодила прямоком в рот, и прорвокуст завалился вперед, проскребя по камням изуродованной мордой.

— Готово. Идем поджигать, — передал Степник.

От тела твари Андрей заметил, что с этой стороны можно взобраться на холм, с которого должна быть видна четвертая движущаяся точка — та самая, которую Инга охарактеризовала как «подозрительную». Парни поднялись на холм, разглядели еще один прорвокуст, который, будучи оглушенным шумкой, врезался в скалу, и его прижало обвалившимися камнями. Эту цель Андрей снял с двух выстрелов.

Когда космопехи собрались спускаться с холма и присоединиться к остальному отряду, из ямы, в которую угодил Степанов, наконец-то вылез ее обитатель.

— Внимание, движение у ямы, — подали одновременно голос Степанов и Сандальников.

Существо было неизвестным, в классификаторе таких не имелось. У него было несколько пар ног, удлиненное лоснящееся тельце и усики как у насекомого. Размером тварь была не больше овчарки.

— Стрелять или нет? — поинтересовался Борецкий у командира.

Существо не шевелилось, спокойно наблюдая, как догорает первый прорвокуст.

— Вроде не агрессивная, пока не надо, — пробормотал Буряев.

— Их там, наверное, целое гнездо. Надо было гранату кинуть... — сокрушался Задира. — Видали, какие ловушки они устраивают?!

— Была бы это ловушка, Рома бы не вылез, — возразил Ярик. — Не стрелять. Возвращаемся к челноку.

— Сандальников, если после возвращения отделения тварь будет в зоне поражения — стреляй, — вклинился в диалог Водников. — Нам нужно знать, на что они способны.

— Принял. Херасе! Она передвигается! — воскликнул Илья.

Существо молниеносным движением переместилось к телу прорвокуста, и, не обращая внимания на лижущие его языки пламени, погрузило в мертвую тушу всю голову, словно и не было плотной шкуры и верхнего слоя внутренностей.

— Стреляй! — нервно скомандовал Буряев.

— Стреляй! — запоздало повторил Водников.

Грохнул выстрел. Пуля угодила куда-то в середину туловища. От неожиданности существо подпрыгнуло, замелькали ошметки чешуи и коричневых внутренностей прорвокуста. Упав на землю, тварь принялась извиваться, но узнать померла она в итоге или нет, так и не удалось — в процессе метаний она свалилась туда, откуда пришла.

— Готово...

— Как ее назовем? — поинтересовался Борецкий. — Кто это вообще? Прорвокрыса или прорвожук?

— По мне больше на ящерицу похоже, — мрачно ответил Степанов.

— Ладно, пусть будет прорвоящерица, — легко согласился Борецкий.

К этому времени как раз вернулись Степник, Машкин и Бирюлев. Ярик дал команду возвращаться к челноку. Илья следил за дырой, но оттуда больше никто не вылез.

До площадки дошли без приключений. Отделение Стрельцова уже завершило спуск техники, и челноку пора было улетать.

Подождав, пока полста людей на десяти машинах покинут посадочную площадку, Инга завела двигатели, и челнок полетел обратно. Вскоре горстка уменьшающихся коробочек техники пропала из виду, и Инга мысленно пожелала им удачи. Теперь нужно возвращаться на Потапыч.

Приложение. Дневной цикл Прорвы

На планете TG-507, именуемой в народе «Прорвой», используется всего одна полезная площадь. Она составляет около ста тысяч квадратных километров, и умещается в один часовой пояс. В связи с этим, когда речь заходит о времени, всегда можно сказать: «на Прорве столько-то часов».

Долгота дня на TG-507 практически не изменяется в течение всего года, и рабочие сумели составить четкий график смены дня и ночи, подъема воды и туманных явлений.

Восход «солнца» на Прорве происходит примерно в 04:00 по местному времени. К 12:00 оно достигает положения, близкого к зениту, и находится в нем около шести часов. Приблизительно в 24:00 «солнце» заходит за горизонт.

Туманы на Прорве — ежедневное ночное явление. Вскоре после заката, в 27:00 они полностью затягивают планету, исключая лишь редкие горные участки. Рассеиваются после восхода, к 06:00.

На Прорве есть еще одно зависящее от времени суток явление — подъем вод. Ежедневно в 23:00 все озера, Единый океан, и даже подземные воды начинают перемещение, в результате чего уровень моря на территории полезной площади повышается на шесть-десять метров. К 28:00 он достигает наивысшей точки, после чего начинается спад — в 04:00 уровень моря возвращается к своему дневному положению.

Во время осадков данный график имеет сильную погрешность. Временные границы ощутимо смещаются, входя в прямую зависимость от интенсивности и продолжительности дождей.

1, Прорва, дорога от посадочной площадки к российскому комплексу. 27.06.2087 12:20 (06:20)

Дорога к российскому лабораторному комплексу находилась далеко не в идеальном состоянии. Предгорный рельеф и постоянные дожди негативно сказались на лишенном обслуживания полотне. Повезло еще, что в этом районе не случилось селей и оползней, а то дорогу бы уже и вовсе смыло.

Несмотря на то, что вся техника, включая шестиосные бронированные грузовики, способна была играючи преодолеть все ямы и колдобины, колонна тринадцатой экспедиции двигалась медленно. Во-первых, торопиться было некуда. Во-вторых, ни к чему лишний раз будоражить груз тряской. А самое главное — необходимо соблюдать осторожность. Яма, в которую угодил рядовой Степанов, оказалась далеко не единственной. Отъехав от посадочной площадки примерно на километр, они обнаружили БРДМК, едва ли не целиком угодивший в подобную нору в стороне от основной дороги. Вот только диаметром эта нора была метра три. Бронемашина зацепилась задней осью, и только благодаря этому не ушла под землю целиком.

Провалившийся бардак (сленговое название БРДМК) принадлежал третьей экспедиции — это Водников выяснил на посадочной площадке, прочитав записи черного ящика. К сожалению, ящик оказался не совсем исправен — данные с зарегистрированных РЛК он принимал лишь в радиусе двух километров. Но часть полезной информации он все же хранил.

Третья экспедиция успешно высадилась 12 сентября 2084-го года в составе двадцати шести человек — двадцать ученых и шесть человек охраны. Судя по логам, народ был полон энтузиазма, и к рукомкомплексу двинулся чуть ли не с песней. Бардак охраны периодически сворачивал с дороги, и в результате угодил в искусно замаскированную нору. Информации о таких норах и о том, кто их роет, у экспедиции не было. Народ решил вытащить машину, воспользовавшись лебедкой грузовика с припасами.

Люди покинули броню, а из норы выползло несколько неуловимо шустрых насекомоподобных тварей. Твари оказались смертельно опасны, но глуповаты. Добравшись до одной цели, они забывали обо всем на свете, позволив остальным людям укрыться в бронированных машинах. Только благодаря этому погибло всего семь человек — четверо охранников и трое ученых. Оставшиеся бросили завязший БРДМК и поспешили в сторону рукомкомплекса, покинув зону приема черного ящика. Что стало с третьей экспедицией дальше — осталось неизвестно.

Затем прибыла пятая экспедиция. Тридцать восемь человек (восемнадцать ученых и двадцать военных) спустились на Прорву 10 августа 2085-го года. На посадочной площадке они задержались подольше своих предшественников. Капитан Токарев, руководивший военными, выявил неисправность в работе черного ящика, но не сумел его починить. Если бы Водников не прочитал его отчет, ни за что бы не догадался, что данные не поступают из-за самого ящика — грешил бы на РЛК. Пока Токарев со своими рукастыми подчиненными безуспешно пытался починить ящик, ученые обнаружили несколько особей печально прославившихся прорвоящериц. И выяснили, что никакие это не ящерицы, а скорее

насекомые. Лоснящаяся шкура оказалась плотно прилегающей к телу блестящей чешуей. Большая часть головы покрыта сетью ротовых отверстий, каждое из которых снабжено тремя челюстями, работающими с невероятной скоростью. Мелкие острые зубы мгновенно прогрызали плоть, и тварь погружалась в тело жертвы, поедая ее изнутри. К счастью существа оказались малосоциальны, но это лишь из-за малого количества пищи, ведь основная живность планеты — водная, а в воде они были беспомощны. Этих существ ученые пятой экспедиции называли прорвопендрами.

Свой ругал себя последними словами за то, что отправил отряд Буряева за границы площадки, предварительно не изучив имеющуюся информацию. Только чудом обошлось без потерь. Чтобы хоть как-то успокоить совесть, он взял тактический краскопульт, и лично написал на дежурной будке предупреждение, в котором настоятельно рекомендовал будущим покорителям Прорвы ознакомиться с содержимым черного ящика, а затем уже сходить с забетонированной площадки.

А что касается пятой экспедиции — информация о них обрывалась в том же месте, что и у третьей. Исчезли, покинув радиус действия черного ящика. А теперь за этот радиус удалился и взвод Водникова.

Опасаясь случая с третьей экспедицией, колонна ехала след в след, никуда не разъезжаясь. Первыми шли два БРДМК с экипажем из четвертого отделения, по четыре человека на машину. Главным бардаком командовал Ефим Ефимов, вторым — Гриша Стрельцов. За ними пустили бронегрузовик с Остапом и Чебуреком в кабине. Четвертым ехал штабной транспортер, вместивший в себя все первое отделение, ученых и капитана. Транспортер не зря назывался штабным — по сути это был целый штаб на колесах. Только из него можно было связаться с Потапычем. Он имел собственный черный ящик и оборудование, позволяющее наблюдать и координировать работу взвода. А еще имелась установка генерирующая шумку.

За транспортером катил оружейный грузовик, его вели брат и сестра Волковы — Владимир и Валентина. Следом еще два БРДМК, управляемые вторым отделением. Второй грузовик с грузом вели Мичкин Макс и Мучедаков Игорь. Предпоследним шел тягач с цистерной топлива с Прапорщиковым и Кишкиным за рулем. Замыкал колонну БТРК (Бронетранспортер Космический) с экипажем из пятого отделения.

Петров Андрей, ведущий головной бардак запустил со своего РЛК музыку. Мальчишеский голос тут же принялся рассказывать о нелегкой доле космических солдат, об опасностях, поджидающих где-то в космосе, о любви, подвергающейся испытанию, и о прочих проблемах типичного космонавта.

— Выключи, — буркнул Грошев со своего наседа за пулеметами.

Кивающий под ритм музыки Петров сначала его даже не понял. В смысле «выключи»? Не нравится рэп что ли? Петров озадаченно посмотрел на Ефима.

— Выключай-выключай, — сказал тот, не отвлекаясь от созерцания окрестностей.

— Ты в головной машине едешь. Будь внимательнее и выключи всякую хрень, чтобы не отвлекало! — повышенным голосом объяснил ему Зайкин. Петров, молча насутился и выключил музыку. Петруха, немного смягчившись, добавил: — А музон ништяк. Потом послушать дашь.

Другой новичок, Матвей Лордынцев, находился в замыкающей колонну бэтре, и сначала тоже хотел включить музыку. Но передумал, так как ехал в одной машине со своим сержантом — Иродовой Олесей, чересчур правильной ефрейтором Белоноговой и мисс-

рембо в лице куратора Холоповой Юли. В конце концов, Матвей ограничился ритмичным постукиванием по корпусу, но получил настойчивую просьбу «завязывать» от темнокожего Фазанова.

В одном из БРДМК, что двигался в середине колонны, шепотом читал молитву Горобец Артем. Степник, Машкин и Бирюлев, сидевшие с ним в одной машине, не перечили — никому это не мешало. Вообще, во всей экспедиции Горобец был единственным серьезно верующим, что не удивительно — молодежь перестала верить в жизнь на небесах, когда человечество стало туда-сюда, через эти самые небеса, летать. А Артем был из старомодной, религиозной до мозга костей семьи. И сейчас он взирал на показавшийся в триплексе бардака внушительный забор российского лабораторного комплекса, и ему очень хотелось попросить Бога о помощи. Мрачный безжизненный комплекс, со всех сторон (даже сверху) огороженный сетчатым забором, навевал тоску и подавлял морально.

— Господи, помоги нам, — сказал Артем уже в полный голос, однако замечаний ему никто не сделал.

От помощи и защиты некоей мистической силы никто бы не отказался. И плевать, что верил в эту силу один лишь Артем.

2, Прорва, окрестности российского комплекса. 27.06.2087 12:35 (06:35)

Колонна остановилась в сотне метров от ворот. Раньше Водников все же надеялся, что кто-нибудь из двух предыдущих экспедиций таки остался в рукомлексе. Сейчас же он понял, что надежды не оправдались. Ворота российского комплекса были распахнуты настежь, а навороченная система охраны периметра не работала — между створками безнаказанно топтался некрупный прорвокуст. Его органы-прутья уловили присутствие людей, и он никак не мог определиться, что ему делать — атаковать, прятаться или вовсе их проигнорировать. Принять решение ему не дал Сандальников — уложил его, уже привычно выстрелив в нижнюю часть головы.

Были и другие нарушители нефункционирующей охранной системы. На внешнем ограждении из толстой стальной сетки с мелкой ячейкой расположились местные мотыльки. Они сидели и сохли. Трогать их не стали — в классификаторе существ было сказано, что они неагрессивны. Дело в том, что сеточный забор должен находиться под напряжением — ни один мотылек на него не присядет. Сетка окружала весь комплекс, и даже сверху была натянута. Нижний венец укрепляли металлические секции. Основная задача сеточного ограждения — не дать всяким неразумным тварям добраться до основной защиты комплекса — второго забора.

Второй забор — это сплошная, шестиметровой высоты (и такой же глубины), стена из разных высокотехнологичных сплавов и армированного бетона-2 (бетон, в производстве которого использовался цемент-2 — усовершенствованный цемент, созданный благодаря инопланетным минералам). Также стена была битком напичкана электронными и механическими средствами обороны. «Умные» пулеметы, электричество, сигнальные датчики, проваливающиеся сегменты, маломощные установки шумки — это лишь то, о чем было досконально известно Водникову и его людям. На самом деле защитных мер было куда больше. На поддержку всего этого великолепия в режиме функционирования цистерны с топливом, что они прихватили с собой, хватит максимум на месяц. Хорошо бы, чтобы запас топлива, оставшийся в комплексе после эвакуации, никуда не делся. А то придется спускаться с Потапыча далеко не бесконечные запасы.

Комплекс был мизерных размеров — всего семьсот на четыреста метров. Наземные постройки небольшие — самым высоким зданием, не считая наблюдательные башни, было общежитие — целых три этажа. Основные работы велись под землей — в двух лабораториях, ушедших на два уровня вниз. Нормально углубиться не позволяли бесившиеся подземные воды, поэтому от внешних опасностей (например, бомбежки) приходилось укрываться толстым слоем все того же бетона-2.

— Всем включить герметизацию костюмов на максимум и отключить звукозаписывающее оборудование, — дал приказ Водников. — Обработываем его шумкой.

По-хорошему, нужно дать предупреждение по громкоговорителю — вдруг в комплексе все-таки есть живые. В смысле, живые и адекватные. Но отключенная защита и распахнутые ворота говорили сами за себя, а предупреждать гонзов (если они там есть) себе дороже.

Иванова и Соловьева, сидящие у приборной панели штабного транспортера, с которой активировалась шумка, настроили прибор — выбрали сектор, мощность, направление накрытия, и положение купола, препятствующего распространению звуковых волн. Ачушкин, что сидел за рулем, выгнал транспортер вперед всей остальной техники, и в небо вылетел снаряд, накрывший комплекс высокочастотным звуковым излучением. Несмотря на полную защиту и сгенерированный снарядом купол, некоторых особо чувствительных, находящихся в транспортере замутило. Субтильного Плотникова даже слегка затрясло. Прорвомотыльки, что сидели на сеточном заборе, попадали замертво. Даже прутья мертвого прорвокуста зашевелились, реагируя на такое чудо-юдо. Иванова послала по РЛК текстовую команду, дающую отбой максимальной герметизации.

— Бардак-один, бардак-два, бэтр. Вперед, — приказал Водников.

БТРК и два БРДМК, взревев двигателями, рванули вперед, к воротам комплекса.

3, Прорва, российский комплекс, двор. 27.06.2087 12:40 (06:40)

Навстречу рычащей бронетехнике, прямо под колеса разогнавшегося бэтра, выскочил очумевший от воздействия шумки прорвокуст. Бронетранспортер, боднув тварь, резко остановился — ни к чему наматывать на колеса его смердящие кишки. Треск ломающихся прутьев заглушил влажный звук столкновения. Куст отлетел на несколько метров, но тут же попытался вскочить и бежать куда-то еще. Получалось у него плохо — еще бы, с разmozженной головой и вывихнутой передней лапой. Но раздраженные шумкой рецепторы гнали его вперед, и он полз как мог, задними лапами выгребая из-под себя грунт. Добил бедолагу все тот же Илья.

Бардакам не пришлось притормаживать перед суицидальными кустами, и они уже въехали во внутренний двор комплекса. Тут же застучал ПКТ — это машина Ефима зачищала правый фланг. Сидящий за пулеметами Грошев щедро поливал пулями еще двоих прорвокустов, попутно высадив пару окон и продырявив стену стоящего на линии огня здания.

— Ты блин аккуратней давай! — поторопился остудить боевой пыл друга Ефим.

— Да посрать, это же общага, — отмахнулся Грошев.

— Нам там еще жить вообще-то, — возразил Зайкин.

— Тормози тут, — приказал Ефим сидящему за рулем Петрову.

Машина остановилась, немного не доехав до центра двора. Башенные пулеметы все так же контролировали правый фланг. Машина Кончи встала рядом, контролируя противоположную сторону. Сидящему за пулеметом Солодову пострелять не пришлось — с

той стороны двор оказался пуст. Между бардаками проехал бэтр. На носу у него поблескивала влажная коричневая клякса — содержимое черепа взятого на таран прорвокуста.

— Олесь, дайте круголя по двору? — предложил Конча Иродовой.

Несмотря на то, что с занятой позиции двор просматривался максимально полно, оставалось много белых пятен — свободного от построек пространства было немного. Основную часть построек составляли ряды складских помещений, да будочки спусков на подземный уровень. Также имелась продолговатая одноэтажная столовая и два оружейных пункта. Самые высокие здания — медицинский, административный и жилые корпуса — расположились ближе к забору.

Бэтр Иродовой передвигался между постройками, заодно сканируя местность портативным детектором движений. Втянулись во двор остатки колонны. Укомплектованные пулеметами бардаки и бэтр взяли в полукруг бесценный штабной транспортер и загруженные грузовики. Космопехи покинули машины, оставив на местах лишь водителей и пулеметчиков.

— Первое отделение — дежурная будка, пятое — вышка, четвертое — вон те склады, второе — оставайтесь на позиции, — принялся нарезать зоны зачистки вышедший из транспортера капитан. — И ворота прикройте. Не сильно, чтобы не сломать, если вдруг драпать придется.

Пара десятков зеленых фигур разбежались к ближайшим постройкам. Сам Водников, раздав команды, двинулся вместе с отделением Уткиной к дежурной будке, чтобы считать информацию со здешнего черного ящика. Коршунов, Начекутов и Соловьева уже преодолели дверной проем и вошли внутрь — помещение оказалось пустым. В целом эта будка выглядела посвежее, чем та, что стояла на посадочной площадке. Ржа только-только начала проявляться с краев железных листов. Входная дверь походила на дуршлаг — создавалось впечатление, что кто-то, абсолютно не целясь, расстрелял в нее магазин повышенной емкости.

— Изнутри палили. От балды, — заметил Илья, осмотрев повреждения.

— Гонзы, — кивнул Водников и вошел внутрь.

Свой, в сопровождении Уткиной, прошел по узенькому коридорчику мимо дверей спальни и комнаты наблюдения, вошел в серверную. Коршунов уже подключал свой РЛК к черному ящику.

— Уткина, Коршунов — со мной. Остальные на улицу, — отдал очередные распоряжения Свой.

— Ну как? Есть? — спросила Настя, подразумевая информацию о предыдущих экспедициях.

— Е-е-есть... — протянул Коршунов, — Только... мать твою за ногу, опять! Дальность приема — тысяча четыреста пятьдесят девять метров!

— Расшарь на нас, — попросил Водников.

Коршунов сделал пару кликов, и все трое принялись изучать сохраненные ящиком записи.

Третья экспедиция добралась до комплекса в составе девятнадцати человек, потеряв семерых в стычке с прорвопендрами. К несчастью, в числе этих семерых оказались все технические специалисты. Среди выживших не оказалось способных расконсервировать лаборатории и активировать бытовые коммуникации и защитные системы комплекса.

Ученые попытались провести активацию, действуя наугад, но сработала защита от дурака, вовсе заблокировав панель управления.

Работать было невозможно — энергия в комплекс не подавалась, подземные лаборатории запечатаны, в здания не поступали ни вода, ни свежий воздух. Попытки связаться с космическим кораблем, чтобы вызвать челнок с технически грамотным роботом ни к чему не привели — система связи, которой был оборудован штабной транспортер, вышла из строя подобно черным ящикам. Просто не добивала дальше двух километров. Не прилетел и разведывательный челнок, который должен был выслать среагировавший на отсутствие радиосвязи андроид. Экспедиция оказалась в тупике: ни вернуться, ни работать. Спустя неделю бесполезных попыток связаться с кораблем или разблокировать систему, было решено отправиться к другому комплексу. Ближе остальных был комплекс Франции, всего сто семнадцать километров. Туда-то третья экспедиция и направилась, покинув зону действия черного ящика.

Следующими шли записи о пятой экспедиции. Все тридцать восемь космонавтов успешно добрались до рукомкомплекса. Первое, что они сделали — наконец-то активировали системы. Ученые начали работать. Шесть земных дней не было ничего, кроме отчетов о результатах проверки того или иного образца из лаборатории. Отдельную колонку занимали уничтоженные военными твари, приблизившиеся к ограждению. Капитан Токарев, руководивший военными, подготовил поисково-спасательный отряд для третьей экспедиции. Но отправить его не успели...

На седьмой день пребывания, весь персонал заразился ТВИХом. Причем никто не знал как давно они заразились, ведь зараженный может оставаться адекватным несколько месяцев, пока не произойдет срыв. В этом месте Токарев оставил комментарий, в котором указал причину первого срыва. Одному из солдат, находившихся на посту, не понравилось, что подошедший ученый сначала поздоровался с его другом, а уже потом с ним. Этот пустяк и привел к первому срыву. Новоиспеченный гонз сначала разрядил полмагазина в своего друга, а затем бросился с кулаками на ученого. Стрельба по своим стала раздражителем для многих других.

Водников не стал вчитываться в записи кто кого и когда пристрелил, а сразу перешел к моменту, когда капитан Токарев умудрился взять ситуацию под контроль. К тому времени в живых осталось двадцать два человека. ТВИХ-стимуляторы, призванные тормозить процесс обращения, помогали слабо. Связаться с космическим кораблем, чтобы обрисовать ситуацию оставшейся там резервной группе, не сумели — оборудование штабного транспортера постигла участь черных ящиков. То же самое произошло и с системой связи самого комплекса. Токарев приказал теряющим самообладание людям остановить работу всего оборудования и покинуть территорию, дабы, будучи гонзами, не испортить будущим экспедициям площадку для исследований. Столь радикальный приказ вызвал новую цепочку срывов, в результате которой погибло еще четверо, а оставшиеся в живых разделились на две группы. Капитан Токарев приказывал покинуть комплекс, а сержант Копылов, сорвавшийся одним из первых, призывал остаться и продолжить работу.

Токарев оставил в памяти черного ящика подробный отчет о событиях и инструкцию по запуску систем, которые собирался заблокировать. После чего съел лошадиную дозу успокоительного, дабы понизить вероятность срыва. Обкололся ТВИХ-стимуляторами. Снарядился в полный бронекостюм, снабженный экзоскелетом. И с боем отправился выполнять собственный приказ.

Токареву удалось. Он сумел законсервировать лаборатории и отключить все оборудование, устраняя на своем пути гонзов, совсем недавно бывших его подчиненными. Более того, он полностью заблокировал панель управления на целый год, лишив сержанта Копылова возможности запустить ее вновь. Через год ни один гонз не вспомнит даже как пользоваться РЛК, не то, что включить сложную систему. С чувством выполненного долга Токарев покинул комплекс на штабном транспортере. С ним уехали шестеро солдат, на тот момент все еще бывшие людьми.

А Копылов и пятеро ученых остались одни в неработающем комплексе. В своих записях Токарев отзывался о Копылове как об очень исполнительном человеке. Когда Копылов стал гонзом, его исполнительность стала его фетишем. Потеряв доступ к подземным лабораториям, он приказал своим подопечным развернуть исследовательский центр в медицинском корпусе, воспользовавшись оборудованием, доставленным с корабля. Несколько дней ученые действительно исследовали сами себя, местную живность, образцы грунта, а затем стали срываться. Первому сорвавшемуся Копылов голыми руками содрал с плеч голову, а остальных запер в индивидуальных палатах. Что случилось потом — неизвестно. Один за другим стали выходить из строя все РЛК. Как у пятерых оставшихся гонзов, так и у двадцати шести трупов, валяющихся по всему комплексу. Скорее всего, Копылов их разбил, руководствуясь какими-то своими соображениями.

Больше черный ящик не зафиксировал ничего. Инструкция по разблокировке комплекса и отчет Токарева шли отдельными файлами. Водников открыл отчет, просмотрел его по диагонали. То же самое, только с видеозаписями и более расширенными пояснениями Токарева.

Свой прикрыл глаза и задумался. Та-а-ак, вопрос номер один: как они заразились? Неужели воздушно-капельным путем? Выходит, его взвод не зря надел защитные костюмы?

Вопрос номер два: почему выходят из строя устройства связи? Случайность? А может здесь присутствует какая-то портящая их аномалия? И значит ли это, что когда их экспедиции приспичит связаться с Потапычем, с их транспортером произойдет то же самое?

Вопрос номер три: где сейчас Копылов с четырьмя сородичами... а также двадцать шесть мертвых тел. Сейчас двор совершенно чист, несмотря на то, что там погибли некоторые члены «Пятерки». Да, прошло уже два года, но все пропасть не могло — прорвокусты потребляют только органику, а все остальное должно было остаться.

Вопрос номер четыре: капитан Токарев и его люди. Что с ними стало? Возвращались ли они? Черный ящик их не зафиксировал, но они могли разбить свои РЛК подобно Копылову. Опять же — прошло два года, за это время они могли и сами поубивать друг друга. Но разумнее считать их еще за семерых возможных гонзов.

Вопрос номер пять: живы ли участники «Тройки», и добрались ли они до французского комплекса?

Вопрос номер шесть, и он самый интересный — какого хрена случилось с космическими кораблями, и почему ни с одного из них не пришла ни помощь, ни разведка?

— На вышке чисто. Смотровая площадка усеяна гильзами. Еще тут три пустых магазина от АК. Лежат... м-м-м... давно, — пришел от Иродовой отчет о проверке наблюдательной вышки.

— Мы проверяем последнее здание, — заговорил Стрельцов. — В третьем складе от забора обнаружили раздроченный пикап. Замок зажигания свернут, руль погнут, рычаг переключения передач вырван. В кузов загружали дохлых гонзов — крови с них натекло

дохрена.

— Взвод. Перегруппировываемся. Первое отделение — занимайте посты. Второе, четвертое, пятое — делитесь на подгруппы и начинайте прочесывать территорию, — Водников оставил в покое черный ящик и двинулся на улицу. — Высокая вероятность встретить стаю гонзов от пяти до двенадцати особей. Возможно наличие огнестрельного оружия, — проходя мимо комнаты наблюдения, Свой заглянул внутрь, не обнаружил ничего интересного. — Научники. Выяснить причину заражения пятой экспедиции. Логи с черного ящика и отчет их капитана скидываю в научный канал. До тех пор, пока не выявлен источник заражения, костюмы никому не снимать!

Водников вышел из дежурного павильона. На улице было светло и ясно. Яркого-голубое небо без единого облачка. Правда, отсюда все небо в клеточку, от накрывавшей комплекс сети. Сейчас хорошо, а вот часов через пять должна начаться самая духота. Впрочем, в защитных костюмах, регулирующих как температуру, так и влажность — никакая духота не страшна.

Четыре отряда по пять человек стояли перед бронетехникой, приготовившись к прочесыванию зданий. Их командиры — Буряев, Степник, Иродова и Белоногова — стояли чуть впереди, ожидая команды от капитана. От складов трусцой приближалось четвертое отделение, сразу же поделившееся на две группы.

— Начинайте, — приказал Водников.

Тридцать космопехов двинулись в сторону правого фланга, где валялась парочка расстрелянных Грошевым прорвокустов. Пятерка Ефима на минуту задержалась, чтобы упаковать тварей к вывозу за границы комплекса. Первым в очереди на прочесывание был оружейный пункт, стоявший в ряду складских помещений, проверенных четвертым отделением.

4, Потапыч, зал совещаний. 27.06.2087 13:20

Весь наличный командный состав экспедиции собрался в зале для совещаний, едва взвод Водникова высадился на Прорве. Штабной транспортер позволял следить за происходящим в режиме реального времени. Первые полчаса наблюдали, как полсотни точек приближается к комплексу. На основной экран вывели трансляцию с камеры ефрейтора Ефимова — командира и наблюдателя головного БРДМК. Чуть позже Водников переслал данные, полученные с обоих черных ящиков, и руководство погрузилось в изучение.

Полковник Фролов, узнав о проблеме с устройствами связи, сразу же вызвал андроида Игната, как главного технического специалиста. Майор Лаврова и Леонид Пинкин, научный специалист Соломона, просматривали отчеты ученых из «Пятерки». Лаврова всеми силами старалась не подать вида, что больше половины терминов ей попросту не известны, а Пинкин походил на мальчишку, наконец-то дорвавшегося до игрушек старшего брата — таких манящих, и таких запретных. Его волосы растрепались, а очки съехали на кончик носа. Он то и дело воодушевленно вздыхал, трясущимися руками перелистывая записи. Никогда еще его не допускали до материалов такого уровня! Всю свою жизнь он только и делал, что просиживал штаны, пытаясь создать сплав для стволов плазменного оружия. И если сказать честно — получалось у него хреново. Зато теперь он дорвался до настоящей науки! А если уговорить Соломона отправить его прямо туда, в лабораторию...

Сам же Соломон сидел в сторонке и терпеливо ожидал, когда Пинкин закончит

радоваться и выдаст хоть какой-нибудь результат. Джерри, правая рука Соломона, сопя разбитым накануне носом, испепелял угрожающим взглядом майора Шукшина. Шукшин не обращал на обиженного бандита ни малейшего внимания — он смотрел «кино». То есть видеозапись с камеры на шлеме капитана Токарева, записавшей его героический поход по отключению систем рукомкомплекса.

Сержант Антон Филатов, оставшийся на корабле старшим космопехом, пытался сосредоточиться на чтении отчета Токарева, однако тоже постоянно срывался на «кино». На экране было что посмотреть: прямо сейчас Токарев громко и нецензурно приказывал отойти парочке ученых, загородивших ему дорогу, в противном случае обещая пристрелить обоих. Ученые явно были гонзами, и на угрозы не реагировали. Один из них размахивал боевым ножом, снятым с кого-то из военных. С ножа стекали капли крови, попадая как стены, так и на самих ученых. Внезапно камеру Токарева передернуло — на него накинута откуда-то сверху. Нетипично для гонзов — такое Антон видел впервые. Поднявший брови Штраф — командир СОРДовцев — видимо тоже. Антон сверился со схемой — нападение произвели из вентиляционного люка, расположенного прямо над Токаревым. Судя по видео, Токарев находился внутри корпуса центрального управления. Нужно сообщить об этом Водникову, пусть будут осторожнее. Пока они не дошли до туда... та-а-ак, вот они, тридцать точек проверяют административный корпус. Филатов еще раз сверился со схемой. В нем вентиляция есть, но узкая — человеку не пролезть.

«Кино» продолжалось. Токарев сбросил с себя напавшего сверху гонза — это оказался еще один ученый, лохматый седой дедок с дикими глазами и неполным комплектом зубов. Он шипел что-то неразборчивое, пуская пену и брызгая слюной. Камера Токарева на нем не задержалась — капитан быстро его пристрелил, и успел перехватить удар гонза с ножом. Затем, благодаря экзоскелету, усиливавшему движения, с треском вывернул руку напавшего из плечевого сустава. В результате получился открытый перелом — белые одеяния ученого стремительно стали покрываться красными пятнами. Гонз рванул назад, с дополнительным хрустом вырывая руку из цепкого захвата Токарева. Вместе со своим другом он ломанулся вперед по коридору — к центральной комнате управления комплексом, но Токарев короткой очередью уложил сразу обоих.

— Си-и-ила... — протянул подполковник Костя Манилов.

Штраф фыркнул. Уж кому и рассуждать о силе, так только не этому мажору. Палец о палец не ударил, а уже подпол. И командует такой вот «си-и-илой». Сидит, развалился на диване, будто боевик смотрит... Хорошо, что не приказал принести ему попкорна...

Камера Токарева вновь перешла на лежащего у ног старика. Умерев, тот обмяк, мышцы лица пришли в нормальное положение, и все увидели, что никакой это не старик, а молодая девушка. В заблуждение ввели перекошенное безумием лицо и торчащие клоками поседевшие волосы. Артем Викторович судорожно вздохнул. Даже Костя слегка погрузтел.

— Что, генерал, девицу жалко? — спросил сидящий в углу представитель президента Иванов, вззирающий на происходящее через темные очки.

Генерал сглотнул ком в горле и ответил:

— Да... на падчерицу мою похожа.

— Кубышкина Людмила, двадцать четыре года, родилась на планете Земля, уроженка города Новосибирск. Не замужем, детей нет. Братьев-сестер нет. На Земле остались только отец и мать.

Артем Викторович бросил на Иванова быстрый взгляд. Ведь не читает, неужели

наизусть помнит участников всех экспедиций?

Двери в конференц-зал открылись, и вошел Игнат. Генерал сразу же переключился на него:

— Игнат, взгляните на эти записи. Проанализируйте и скажите — известно ли вам, что могло случиться с этим оборудованием? И как нам избежать того же?

Игнат считал глазами-сканерами текст с выводящего устройства, затем переключился во вкладку с техническими логами. Пинкин, закончивший изучать отчеты ученых «Пятерки», с довольной улыбкой посмотрел на Соломона.

— Ну как? Есть что-нибудь нужное? — спросил его наниматель.

Первым порывом Пинкина было начать перечислять весь набор заинтересовавших его плюшек, однако жесткий взгляд Соломона вернул его с небес на землю.

— Э-э-э... нет. Нет там ничего.

— Конечно, нету, — вмешался Шукшин. — Если-б было — наши уже возвращались бы.

На экране Токарев отключил работу комплекса, и уже спешил к выходу из здания. Дело было сделано, и он не осторожничал. И на выходе нарвался на автоматную очередь, выпущенную одним из его солдат. Замелькали железные и пластиковые обломки, когда-то бывшие автоматом капитана. Одна из пуль угодила прямоком в шлем, и объектив камеры, находящейся под ним покрылся мелкими трещинами. Изображение разделилось на сотню мелких сегментов. Токарев упал. На экране красиво замельтешили голубые кусочки неба. Стрелявший в него гонз с радостным воплем кинулся на свою жертву, но бронекостюм спас капитана. Судя по звукам — он взял набросившегося гонза в захват, и принялся его ломать. Был слышен хруст костей, вой боли и какие-то чавкающие звуки. А затем изображения снова замелькали — Токарев поднялся и побежал дальше.

Смотревший на это дело Антон задумался. А может зря они воспротивились чрезмерной осторожности командиров? Один пропущенный гонз и они повторят судьбу пятой экспедиции. Устроят бойню похлеще этой. Ну, оставили бы они челнок с Ингой на планете. Выставили бы ему охрану. Все меньше риска для Потапыча.

— Я не знаю, как такое могло случиться. Я не знаю, как этого избежать, — сообщил закончивший изучать логи Игнат. — Оборудование исправно, но не справляется с задачами былой сложности. Оно деградировало. Необходимо осмотреть его лично. Возможно это результат внешнего воздействия. Как пример — неизвестного нам излучения. Чтобы защитить наше оборудование, необходимо знать характер данного воздействия.

— Нам нужно сделать все, что в наших силах, — подытожил генерал. — Попробуйте соорудить устройство, экранирующее весь известный вам спектр излучений. Вы меня понимаете?

— Да, я вас понимаю, — кивнул Игнат.

Он действительно понимал. Ведь штука, выводящая из строя антенны и ретрансляторы, сделает с его электроникой такое, от чего он превратится в кучу нефункционирующего металлолома.

— Тогда за работу! — рыкнул полковник Фролов, не привыкший любезничать с роботами.

Глава 1. Часть 6 (5-10)

5, Прорва, российский комплекс, жилые корпуса. 27.06.2087 14:15 (08:15)

Шел второй час зачистки. К тому времени космопехи успели прочесать административный корпус, два десятка складов, юго-восточную вышку и один из двух оружейных пунктов. Кроме отверстий от пуль и нескольких плохо затертых лужиц крови, ничего не обнаружилось.

Шла полномасштабная зачистка жилых корпусов, лишь пятерка Степника все еще проверяла столовую. Жилые комнаты были не заперты, ведь электронные замки не работали. На проверенных зонах выставляли простенькие датчики движения, до подачи энергии в комплекс этого было вполне достаточно.

Космопехи, одну за другой, приоткрывали двери, и просвечивали помещения с помощью тепловизора, датчика движений и УЗСП (Ультразвуковой Составитель Планов). В память последнего прибора были загружены оригинальные планы комнат. Составив новый план, он сверял его с оригиналом, и сигнализировал в случае расхождений. Изучив показание приборов, бойцы вваливались внутрь, проверяли подозрительные места, и помечали комнату как зачищенную.

Жилых корпусов было четыре, и все они были трехэтажными. Три десятка комнат на первом этаже первого корпуса выглядели обжитыми. Видимо третья и пятая экспедиции в полном составе селились в этой части здания. Если бы не толстый слой пыли, покрывший разложенные вещи, можно было бы решить, что все ушли на работу не далее чем сегодня утром. Ни один гонз не вернулся в свою комнату после срыва... непонятно.

Второй этаж того корпуса оказался совершенно пуст. Третий уровень взяло на себя отделение Иродовой, а остальные отправились в следующий корпус. Степник как раз доложил, что столовая зачищена. В ней тоже все было в порядке.

Группы Ярика, Кончи и Ефима вышли во двор. Из столовой, навстречу им, вышел Степник со своей группой. Все вместе, уже не особо изошряясь в тактике, двинули к входу во второй жилой корпус.

— Это что такое? Колодец что ли?! Нахрена им тут колодец?! — воскликнул Пахан Машкин, указывая на колодец, расположенный вблизи столовой.

— В смысле нахрена? Воду брать, — не стал секретничать Бирюлев.

— Тут насосов что ли нету? — удивился Пахан.

— Вот сейчас, если не запустим комплекс, считай что нету, — сказал Степник, задав на своем костюме задачу почесывания лба.

За всю свою жизнь, Пахан видел не больше пяти колодцев. Поэтому он не удержался, и подошел ближе. Глянул внутрь. Внизу, в паре десятков метров поблескивал круг воды. Интересно, во время ночных наводнений, до нее можно дотянуться рукой? Вряд ли, не то затопило бы все подземные лаборатории... хотя, они ведь гидроизолированы.

— Чего они его не закрыли-то... — пробурчал Машкин, нечаянно столкнувшись в воду ссохшийся ком грунта, лежащий на крышке колодца. Откуда он тут взялся? Наверное, прорвокусты перетасили на своем покрытом корнями брюхе. Из глубины донесся сочный «бульк».

— Смотри не утопись там! — крикнул Бирюлев.

— Пошел ты, — буркнул Пахан, и поспешил догонять отряд.

Тут голосом Водникова заговорили передатчики:

— Внимание. Наши на корабле посмотрели видеозаписи здешнего побоища. Были замечены гонзы, атакующие сверху, из вентиляционных люков. Произошло это в корпусе управления. Всем учесть.

— Приняли, — буркнул Степник в РЛК.

Альфа-Центавры этим заявлением никто не открыл. Встречи с ксеноморфами выработали полезный рефлекс — всегда контролировать потолок. Поэтому гонзы незамеченными не останутся, несмотря на то, что укрываться и атаковать из засады для них нетипично.

Вестибюль второго корпуса проверили все вместе. Не было ничего примечательного, если не считать урон, нанесенный Грошевым из пулемета — продырявленные стены и парочка выбитых стекол. Группы Кончи и Ефима остались зачищать первый этаж, а Буряев и Степник отправились на второй, двигаясь с противоположных концов коридора, навстречу друг другу.

Вновь возобновился однообразный процесс проверки комнат. Бирюлев держит тылы, Буряев и Мичкин занимают позицию под острым углом, Мучедаков слегка приоткрывает дверь, Машкин светит в щель своим прибором. Три секунды на анализ, затем дверь распахивают. Если оттуда никто не выскочил — вваливаются сами...

Внезапно в одной из комнат обнаружилось движение.

— Движение! — доложил Пахан. — Что-то мелкое... вот... — и он расшарил показания приборов на всю группу.

Остальные, глаза которых уже начали мутнеть от монотонных действий, взбодрились. Мичкин сделал еще шаг в сторону, чтобы выскочившая оттуда тварь не кинулась напрямик на него. Есть среди них такие, которых не остановит выпущенная в упор автоматная очередь. Игорь распахнул дверь, сразу сделав два шага назад.

Из комнаты никто не выскочил.

Источником движения оказался простой прорвomotылек. Как он умудрился туда попасть, и почему до сих пор не сдох, было не ясно. Где он брал жидкость для существования, также оставалось загадкой. Все окна были закрыты. Вся комната уделана слизью, выделяемой этими тварями во время сушки. Таков круг их существования — по ночам, когда солнце не греет, а вода поднимается, они окунаются в нее и впитывают в себя влагу. Днем же наоборот, рассаживаются в сухих проветриваемых местах, и весь день исходят слизью. А следующей ночью опять ныряют в воду.

Этот мотылек выдержал удар шумки, но впал в конкретное безумие. Несмотря на свои скромные размеры, он умудрился разворотить половину помещения, и лежал сейчас на полу, в окружении перевернутой мебели, осыпавшейся штукатурки и собственных выделений. Он мелко дрожал, издавая непонятные жужжащие звуки, никогда раньше от прорвomotыльков не слышанные. Кроме того, тварь медленно ползла к выходу, явно заинтересовавшись людьми.

Ярик толкнул Мичкина в плечо, давай мол. Мичкин, держащий тварь на прицеле, щелкнул предохранителем, переключаясь на огонь одиночными, и потянул спуск. Костюмы космопехов приглушили раздавшийся в замкнутом помещении хлесткий звук выстрела. Мотыльку хватило одной пули — она вошла в переднюю часть тела, и вышла через заднюю, отбросив тварь к окну, под подоконник.

Ярик встал у порога, не решаясь шагнуть внутрь — вся комната, от пола до потолка, была уделана слизью, которая вопреки всем предыдущим наблюдениям совершенно не собиралась засыхать.

— Что ты? — спросил Пахан.

— Да ну его, просвети еще раз, да закупорим эту дверь, — сказал Ярик. Затем передал в РЛК: — Второй жилой корпус, комната двести двенадцать. Не пригодна для жилья, вся в слизи от прорвомотылька.

Мичкин подошел к дверному проему, и присел перед порогом.

— Не высыхает. Прямо как кровь гонзовская. Ты передай пробиркиным нашим, походу мы им материал для исследований нашли.

— Ты бы отошел, а то сам заразишься! — посоветовал Игорь.

— Не тупи, ничего мне сквозь костюм не будет, — отмахнулся Мичкин, но все-таки отошел.

Игорь захлопнул дверь, Пахан пометил ее как комнату с повышенным риском заражения.

Отряд двинулся дальше. Следующие помещения вновь были пусты. Когда до встречи со Степником осталось проверить еще три комнаты, группа Ярика наткнулись на дверь, уделанную кровью гонза. То, что эта кровь принадлежит именно полноценному сорвавшемуся гонзу, было очевидно. Только у них кровь остается влажной и липкой, и никогда не засыхает. И не важно, сколько прошло времени. Дело не в плохой свертываемости — раны живых гонзов купируются почти мгновенно. Ученые твердят, что крови не дает высохнуть ТВИХ. Он вроде как самостоятельный организм — продолжает жить, поддерживая свое существование одной лишь внешней средой.

— Второй жилой корпус, двести двадцать третья комната. На двери обнаружена кровь гонза. Он будто тыкался тут огнестрельной раной, — передал Ярик по РЛК.

Игорь аккуратно, чтобы не вымазать костюм, приоткрыл дверь. Машкин просветил ее УЗСП. Внутри не оказалось никаких следов, очевидно гонз, так и не добившись своего, ушел ни с чем.

— Это Иродова. Закончили зачистку третьего этажа первого жилого.

— Это Стрельцов. Закончили первый этаж второго жилого.

— Дуйте в следующий корпус, мы уже заканчиваем второй этаж. Третий на себя возьмем, — ответил им Ярик.

6, Прорва, российский комплекс, корпус центрального управления. 27.06.2087 15:20 (09:20)

— Штаб, это Иродова. В комнате управления чисто. Панель активации доступна.

— Понял. Коршунов, Ачушкин. Давай туда. Готовьте комплекс к активации, — скомандовал Водников

— Принял, выдвигаемся, — сказал Коршунов.

— Здание зачищено не до конца, Белоногова проверяет подземный уровень.

— Уже заканчиваем, — вмешалась Белоногова. — Ориентировочно — десять минут. Помощь не требуется.

— Юр, мы вас встретим. У лестницы, — сказала Иродова, и дала знак Волковым.

Брат и сестра Волковы поднялись с дивана, и вышли из комнаты. Остальные члены пятерки — Иродова, Холопова и новичок Лордынцев — остались сидеть в удобных креслах,

коими было заставлено важнейшее помещение комплекса. Олеся вывела на экран своего РЛК схему зданий, и прикидывала, сколько еще времени понадобится на зачистку. Матвей прикрыл глаза, положил автомат на живот, и развалился посвободнее. На него навалилась нешуточная усталость — не привык он по четыре часа подряд бродить на полусогнутых. Да и руки дрожали от регулярного поднимания автомата. Порой Матвей замечал, что теряет бдительность и тупо следует за сослуживцами. К счастью, куратор Холопова этого не видела.

Сейчас, воспользовавшись перерывом, Юля решила перекусить. Не вставая с кресла, она потянулась и пнула Матвея в голень. Тот открыл глаза и вопросительно на нее уставился.

— Перекуси. Пока время есть, — потрясла Юля кормящим контейнером.

— Не хочу.

Холопова еще раз дотянулась и пнула его жестче.

— Ешь, давай, я сказала! Еще и половины не проверили. Скоро уже автомат поднять не сможешь.

Как бы подавая новичку пример, сержант Иродова тоже взялась за еду. Матвей сдался и полез за своей. Кормящий контейнер разработали специально, чтобы из него можно было есть, не снимая защитный костюм. Работал он по принципу стыковки. Контейнер присоединялся к ротовому механизму костюма, затем, после герметизации, из него в головную часть продевается специальный шланг, из которого, с некоторым усилием, нужно было высасывать пищу. В этот раз у всех был разваренный сублимированный суп. Видимо, Матвей правда хотел есть — суп показался гораздо вкуснее, чем утром. Лордынцев и сам не понимал, что упадок сил произошел от голода. Последний прием пищи был восемь часов назад, а побегать пришлось немало.

Посасывая шланг, Матвей посматривал на начальниц. Холоповой можно было только восхищаться — настоящая амазонка. За весь день в ее движениях не было ни единой помарки. Матвей не заметил даже намека на усталость. Сержант Иродова — другое дело. Нет, она тоже в отличной форме и безупречно работает, но... в меру что ли. В меру для девушки. Рядом с ней чувствуешь, что ты представитель сильного пола, а не задохлик без яиц. К тому же она симпатичная.

Еще в их отделении есть ефрейтор Белоногова. Вот ее спокойно можно отнести к слабому полу. Худая, бледная, вооружена облегченным пистолет-пулеметом, производства Heckler & Koch. Да и со стрессоустойчивостью нелады — едва не впала в истерику, когда им раскрыли правду о засекреченных экспедициях. Впрочем, Матвей не знал, как бы сам себя повел, если бы не Юля, загонявшая его до полусмерти.

Четвертой и последней девушкой их отделения была Валя Волкова. Ее Матвей отнес к таким середнячкам. Средний рост, среднее телосложение, средняя внешность, средние способности, все среднее. А ее брат, Вован, был хоть и пузатый, но в то же время довольно подвижный. И еще болтливый. Уже два дня Матвей слушал истории из его непростой жизни, содержащие в себе столько экшена, что большинство голливудских боевиков остались далеко позади.

Кроме Матвея и Вована, в пятом отделении было еще четыре парня. Прапорщик Роман — красавчик, из тех, что нравятся женщинам. Киль Данил (или Монгол) — веселый и отзывчивый, но к тому же серьезный во время задания. Кишкин Стас — крепкий парняга под стать Юльке. Фазанов Диман — негр, причем Матвей не понял, разрешается ли ему шутить по поводу цвета кожи. А то парочку шуток он уже придумал.

— Олесь, прием. Вы вентиляцию проверяли? — заговорила радиосвязь голосом Коршунова.

— Да-а, проверяли, — уверено протянула Олеся, проглотив суп.

— Все равно полезет перепроверять, — сморщив нос, сказала Юля.

Иродова махнула рукой. Нравится человеку держать все под своим контролем, что поделаешь. Однако в этот раз Коршунов не задержался — уже через две минуты вошел в комнату в компании Волковых и Ачушкина.

— О! Хаваем... — воскликнул он.

Вместо ответа Олеся лениво указала в сторону панели управления. Коршунов тут же плюхнулся в стоящее рядом кресло. Волковы тоже уселись, и полезли за контейнерами с едой.

— Долго копать будете? — спросила Юля.

— Еще не знаю, — задумчиво пробормотал Коршунов.

— А почему сразу нельзя было сюда прийти? — спросил Матвей.

— А зачем? — вопросом на вопрос ответил Ачушкин.

— Быстрее бы разобрались с системой. Ну и активировали б. Тот же забор, к примеру.

— А ты уверен, что он исправно работает? — спросил Коршунов, вложив в голос тонну собственного превосходства.

— Как это?

— Есть такая капризная штука — определение «свой-чужой». Сейчас мы активируем забор, расконсервируем лаборатории, что под землей. А оттуда хлынет орда каких-нибудь прорвогомосеков. Попытаемся свалить, а забор нас самих и постреляет.

— А если орда прорвогомосеков придет снаружи? Ну-у, извне комплекса. И прямо сейчас.

— Отмахаемся, — махнул рукой Коршунов. — Все, не мешай.

— Как-то не клеится у вас ничего, — упорствовал Матвей.

— Ты чего такой доковыристый?! — осадил его Вован. — Тебе ж сказали: так надо, ну все-е.

— Птиц, ты топливо проверил? — спросил Ачушкин, перекрикивая спорщиков.

— Да, нормально — половина резервуара заполнена.

Увидев, что Матвей остался при своем мнении, Холопова сказала:

— Не грузись ты, они все равно заняты были — инструкцию изучали, да записи показаний приборов штудировали. Предыдущий капитан немало оставил.

— Чего там изучать... — пробормотал Матвей.

— Все, мы закончили. Подземный уровень чист, — доложила Белоногова.

— Поднимайтесь к нам. Перекусим и дальше пойдем, — ответила Иродова.

7, Прорва, российский комплекс, медицинский корпус. 27.06.2087 15:45 (09:45)

Атмосфера в медицинском корпусе существенно отличалась от остальных помещений комплекса. Некогда белоснежные стены покрывали побуревшие отпечатки ладоней. Обшарпанные предметы мебели (те, которым довелось уцелеть) стояли на раскоряк. Стол, за которым в былые времена восседал ни то дежурный, ни то охранник, настойчиво пытались затолкать поглубже в угол комнаты. Металлические ножки загнулись, а пластиковая столешница треснула в двух местах. В довершение картины, к коридору, через весь вестибюль, тянулась широкая полоса густой темной субстанции, поросшая пучками серого

мха.

Группа Стрельцова, явившаяся на зачистку этого здания, застыла на пороге. Сходу зайти внутрь никто решился.

— Миленко... — первой нарушила молчание Кристина Трусова.

Чебурек достал одноразовый щуп и присел у начала «моховой дорожки». Аккуратно сковырнул субстанцию. Верхний слой поддался, и космопех продемонстрировал команде металлический конец, испачканный коричневой жижей.

— Ну, это от куста, наверное, — заметил Осипов Остап своим густым голосом.

Моховая дорожка и правда, в основном состояла из крови и внутренностей прорвокустов (и некоторых других существ), покрывших пол в несколько толстых слоев. Словно здесь месяцами проволакивали мертвых существ, а чтобы с них натекло больше гадости, им предварительно вскрывали брюшную полость. И уже поверх всего этого порос мох.

Валера Солодов почувствовал, как усилилось слюноотделение. Хорошо, что костюм не пропускает запахи, а то сейчас бы точно блеванул.

Конча присел рядом с Чебуреком, поднес к глазам его щуп.

— Пойдем? — неуверенно спросил Чебурек.

Несмотря на биологическую, химическую, радиационную и остальные защиты его не тянуло топтаться неизвестно в чем. Ходили слухи о микроскопических существах, селящихся во мхах. Глазу они не видны, но за считанные часы способны проесть костюм любого класса защиты.

— Что-то я стараюсь туда наступать, — покачал головой Конча, и обратился через РЛК к Водникову: — Штаб, прием. Это Стрельцов, мы у медкорпуса. Требуются ученые со стандартным оборудованием.

— Приняли, готовим ученых, — ответил Водников.

— Ефим, ты сейчас где? — поменял канал связи Конча.

— У складов, на севере комплекса, — ответил Ефим, и, поняв чего от него хотят, добавил. — Заканчиваем последний, берем ученых, и выдвигаемся к вам.

— Давай, конец связи.

— А вот тут ходил кто-то, — указал Чебурек на участки, где мха не было.

— Наконец-то, хоть какие-то следы, — с облегчением сказала Кристина. Ей не нравился тот факт, что все на этой сраной планете пропадают без вести. Встреча с гонзами стала бы хоть какой-то определенностью.

Конча зевнул и посмотрел на время — «15:49 (09:49)». Оглядел своих бойцов: Чебурек и Остап неотрывно следят за вестибюлем; Кристина отвернулась от малоприятного зрелища, и держит тыл; Солодов что-то смотрел в своем РЛК зачем-то надув щеки.

Вдруг в общий канал пришло сообщение от Коршунова:

— Внимание всем. Запускаю основной генератор. Приступаю к пошаговой активации всех систем.

Генератор комплекса запустился совершенно бесшумно, где-то через минуту в вестибюле медицинского корпуса загорелся свет.

— Птиц, глянь, что там с камерами в медкорпусе? — спросил Конча.

— Ща, погодь. Не все сразу.

От стоянки уже приближались семь фигур — группа Ефима со специалистами из ученых.

— Ну? — спросил Конча, выждав секунд сорок.

— Что-то нету ничего... связи нету... с камерами, — голос у Коршунова был весьма озадаченным. — Восемь камер работают, но все на втором этаже в дальнем конце здания.

— Мля, — пробормотал Конча.

Остап ткнул его в плечо и молча указал на разбросанные по углам осколки пластика. Похоже, что это обломки камер видеонаблюдения.

— Мля, — повторил еще раз Стрельцов. — Птица, не парься. Гонзы все камеры побили.

Подошли Пузанкова Ольга и Пятаков Никита в сопровождении пятерых космопехов.

— Что тут у вас? — спросила Оля, шагнув ко входу. — Ну-у... — она постаралась сделать вид, что увиденное ее нисколько не удивило. — Не так тут и грязно как могло было быть...

Чебурек протянул ей измазанный в коричневой жиже щуп, но она, осмотрев его, помотала головой, после чего достала свой собственный сборщик анализов с закрепленным на конце пластиковым контейнером. В этот контейнер Оля зацепила образцы мха и нижней субстанции. Заперла их в прозрачном пластике. Пятаков установил на бетонном крыльце походный микроскоп, и оба принялись осматривать образец.

— Н-н-нормально, — оценил помещение подошедший с Ефимом Ишимов Макс.

— Что там, на складах? — спросил Конча у Ефима.

— Чисто все, в последнем катушки какие-то, для генератора, наверное. Да еще какая-то электроника.

— Макс, на спор обмажешь себя этой дрянью? — решил позубоскалить Солодов.

— Д-д-давай я т-тебя н-на спор обмажу? — предложил Ишимов.

— Не-е, спасибо, — смеясь, отказался Солодов.

— Можете обмазываться, ничего страшного, — поджав губы, сказала Пузанкова, после чего сообщила: — Просто растительность, никаких микроорганизмов, никаких спор. А субстанция не поражена ТВИХ. Просто гниющие останки, — она ожидающе посмотрела на сержанта Стрельцова. Мол, можно уходить или нам идти с вами.

— Идем внутрь. Ефимов, Солодов, Трусова — отвечаете за ученых. Вы, — обратился он к Пузанковой и Пятакову, — держитесь в середине отряда, по возможности наблюдайте... чтоб мы не вляпались во что-нибудь незнакомое.

— Понял, — серьезно сказал Пятаков.

— Так точно! — бойко отчеканила Оля, шутливо козырнув.

Трусова клоунаде улыбнулась, а Грошев поморщился. Конча покачал головой и первым двинулся внутрь здания. Густой мох сминался тяжелыми сапогами, коричневая жижа смачно чвакала, но лужи старались обходить стороной. Моховая дорожка уходила за угол, и тянулась вдоль всего коридора, с частыми ответвлениями внутрь кабинетов.

У первого такого кабинета стоял медицинский контейнер. Вокруг него образовалась лужа прозрачной жидкости. На крышке было написано «реактив № 56». Похоже на ящик из груза, который возит с собой любая научная экспедиция.

Конча вопросительно посмотрел на Олю. Та быстро сверилась с данными в РЛК и покачала головой:

— Неопасно, — почему-то шепотом прокомментировала она.

Зайкин и Петров осторожно подошли к двери, при этом наступив в лужу реактива. Петров приоткрыл дверь, а Петруха сунул в образовавшуюся щель УЗСП. Секунду он сосредоточено глядел на показатели, затем кивнул. Остап и Конча завалились внутрь. Частое

топанье ног, и изнутри донеслось «чисто». Ученые в сопровождении охраны прошли внутрь.

— Фи... — выдала Оля.

Остап, посмотрел на нее и, как бы извиняясь за беспорядок, пожал плечами.

Непонятно, для какой такой научной цели гонзы Копылова нарезали на мелкие кусочки мертвых прорвокустов — на полу вдоль стеночки расположился ряд аккуратных кучек тщательно шинкованной разлагающейся плоти. Многие кучки покрылись все тем же серым мхом. Еще в комнате имелось место «под мусор» — угол огораживала стоящая на боку кушетка, за которую складывали прутья и кости. Видимо в них совсем нечего изучать.

За противоположной от входа стеной, сделанной из прозрачного стеклопластика, находилась еще одна комната, в центре которой стоял громоздкий аппарат. Аппарат был совершенно не товарного вида — сразу ясно, что именно на нем гонзы проводили свои «исследования».

— Это же кабинет магнитно резонансной томографии... — прошептала Оля. — Нахрена делать МРТ фарша?

— Не-е зна-а-аю, — зачарованно протянул Никита Пятаков.

— Они и не делали, — вставил Ефим. Оля подняла брови. Ефим поспешил пояснить: — Не делали МРТ. Электричества-то у них не было — аппарат не работал.

Большая часть остальных кабинетов пребывала в похожем состоянии. Всюду попадались ошметки инопланетной плоти, раскуроченная собственность пятой экспедиции, испорченные аппараты российского комплекса. Оля и Никита попутно составляли список уцелевшего оборудования. Краткость его заставляла Олю скрипеть зубами — нелегко привыкнуть к такому вандализму.

Поднялись на второй этаж. Кто-то из космопехов, шедших впереди матюгнулся. В самом начале коридора, прицепленный к потолку, висел сюрприз.

— Внимание, э-э-э... неприятное зрелище, — попытался Чебурек предупредить неподготовленных по его мнению ученых.

Оля, увидев это самое зрелище, и впрямь почувствовала, что ноги стали ватными и вот-вот подогнутся. Чтобы не упасть она оперлась на стоящего ближе всех Ефима. Тот на нее даже не отвлекся — слишком был поглощен открывшимся зрелищем.

На потолочных перекрытиях, влажно поблескивая незасыхающей гонзовской кровью, висел мертвый мужчина. Мужчина был абсолютно голым. Ком рваной одежды валялся тут же, припнутый к стене. Большая часть кожи на трупe отсутствовала, как и часть мышц. Человека повесили нестандартно, не за шею, не за плечи, и даже не за ноги. Его подцепили, продев веревку в рот и вытащив ее конец через глазные отверстия черепа. Веревка тоже была не простой, а сплетенной из мышц, кожи и сухожилий повешенного. Основным источником материала для нее послужили руки и ноги — их почти полностью оголили до самого скелета. Брюшную полость мертвеца вскрыли, из нее свисал частично вывалившийся кишечник — возможно, по началу его хотели использовать в качестве веревки, но по какой-то причине от этой идеи отказались. Под трупом разлился целый океан крови, перегородивший коридор. Кровь специально сливали — сначала пытались надрезать бедренную артерию, но, не удовлетворившись результатом, почти полностью перерезали ноги в щиколотках. Вдобавок, на груди покойника висела записка — тетрадный листок, приколотый пятикубовым шприцом.

В общем, как верно подметил Чебурек, зрелище действительно не из приятных. Петров и Пятаков, пытаясь продышаться, запустили на своих костюмах режим «свежий воздух». А

вот рядовой Солодов с собой не совладал...

Из-за спины Оли раздался неприятный звук неудачной попытки справиться с желудком. Звук поражения был еще громче и неприятнее, и, судя по продолжительности — поражение было серьезным. Когда звук смолк, сержант Стрельцов прошипел Солодову нецензурное обращение, в трех словах сообщив, что считает его человеком нетрадиционной сексуальной ориентации, над которым совершали половой акт не слишком умные люди. Затем Конча приказал Петрову занять место в охране ученых, а Солодов шагнул в центр группы и присел, стараясь побороть слабость. С помощью массажных функций костюма он пытался избавиться от рвоты, заляпавшей лицо и прозрачный пластик шлема с внутренней стороны.

Конча не зря матерился — облеванный боец — обуза, а не боец. Сейчас нужно кого-нибудь с ним отправлять на промывку к штабному транспортеру. Но пока не до него...

— Погоди, — недовольно сказал Конча Чебуреку, который собирался пройти вперед к висящему труп.

Стрельцов закатил на лужу крови одну из двух кушеток, стоящих в коридоре, нажал на пневматический рычаг, и она опустилась. Поняв, что командир не хочет ходить по гонзовской крови, Чебурек подкатил вторую кушетку.

По ним Чебурек прошел к телу, и с помощью очередного одноразового щупа зацепил приколотый к нему листок бумаги. Труп висел в полуметре над полом, и Чебурек смог дотянуться до шприца, которым крепили записку. Попытался его выдернуть, однако игла крепко засела в одном из грудных хрящей. Пришлось просто дернуть листок, разорвав его сверху.

— Давай сюда, — протянул руку Конча, — лицо его засними.

Чебурек с сомнением посмотрел на труп. Ввиду специфики подвешивания, его лицо было устремлено вверх.

— Держись, ща каталку подымим, — сказал Грошев.

Грошев зажал рычаг, и Чебурек, аккуратно балансируя, поднялся на метр выше. Активировав на РЛК режим видеосъемки, он поднес рукав к потолку, направив в лицо труп.

— Водникову отправь, может, узнают, — сказал Конча и взглянул на записку. — Э-э-э... Ничего не понял.

Записка была на каком-то незнакомом языке, явно не на русском и даже не на английском. Возможно, эти каракули даже не были буквами. Конча протянул записку Оле. Она, поджав побелевшие губы, уткнулась в нее, стараясь прогнать запечалившийся на сетчатке глаз образ висельника.

— Гонз писал, — осипшим голосом едва слышно сказала она, затем, решив, что ее не расслышали, повторила громче чужим неестественным голосом: — Гонз писал! Некоторые буквы можно узнать. Вот только слова непонятные... «Жых», «тенец», «ра...», «раб...», «работа»! Вот, это понятно написано.

Оля отправила фото записки в научный канал, пускай коллеги разбираются. Тут же последовал ответ из штаба — они опознали мертвого гонза. Его звали Николай Бубнов, ученый из пятой экспедиции. Причем это был один из тех, кто остался «работать» под началом Копылова. А записку, скорее всего, писал сам Копылов, ведь это для него работа стала причиной срыва. Вполне вероятно, что только это слово он и сумел написать правильно. Выходит, и подчиненного своего убил он же.

Остап без особого энтузиазма проверил одежду гонза, однако не нашел ничего кроме рваного тряпья.

— Двигаемся дальше, — скомандовал Стрельцов. — Вы как? — спросил он у ученых. — А-а-а, мля... — вспомнил он про Солодова и устало вздохнул: — Ну, что сидишь? Пиздуй промываться. Зайкин, Петров, проводите.

«Мог бы и сдержаться» — думал Стрельцов. Будучи зелеными, Конча и Ефим тоже попадали в подобную ситуацию. Однако Конча тогда умудрился удержать во рту все вырвавшееся из желудка, не запачкав скафандр, и только после окончания задания выплюнул превратившуюся в слизь жидкость. А Ефим сумел направить струю в малый клапан, между головным отделением костюма и туловищем. Блевотина бултыхалась на уровне живота, но заданию это не мешало. В тот раз с ними были Грошев и Ишимов, но Грошев вернул себя в норму смачной руганью, а у Ишимова тогда было плохое зрение, и он, к счастью для себя, не узрел всех подробностей того случая.

А вот новичок Петров — молодчик. Не облевался! Еще бы чуб свой крашеный отстриг что ли...

Зайкин, Петров и Солодов удалились, а остальные, перебравшись по мосту из кушеток через озеро крови, продолжили обследование медицинского корпуса.

8, Прорва, российский комплекс, спуск в лаборатории «А». 27.06.2087 17:05 (11:05)

— Птица, прием. Стоим у спуска «А». Готовы спускаться, — говорил Степник в РЛК.

— Погоди, тут энергия идет на активацию забора, сейчас я переключусь на тебя, — ответил Коршунов.

— Ждем.

Спуск в лаборатории представлял собой маленький павильончик, внутри которого начиналась крутая лестница, ведущая к запечатанному на все возможные замки дезинфекционному шлюзу. Отчет капитана Токарева гласил, что на момент консервации лабораторий, внутри никого не было. И видеонаблюдение, которое активировал Коршунов, это подтверждало. Однако прежде чем запускать внутрь ученых, космопехи все равно должны проверить помещения еще на раз.

Перед тем, как разблокировать шлюзы, Коршунов запустил во всех лабораториях тотальную очистку. Длилась она минут десять, и, если даже внутри кто-то и был — процедуры он не пережил. Если там были гонзы, от их тел сейчас даже заразиться нельзя — очистка убивает все, даже ТВИХ.

— А те... прорвопендры... сюда не доберутся же? — спросил о наболевшем Степанов. — Все кругом зацементировано, как я понимаю?

— Да хрен их знает, роют-то они — будь здоров, — высказал свое мнение Степник.

— Тут нор нету. И вообще, армированный бетон они никак не прогрызут. Никак, — сказал Борецкий.

— Дай Бог, — подытожил Горобец.

С полминуты все молчали. Степник в текстовом режиме общался с Яриком, также скучающим возле спуска «Б», что находился в трехстах метрах отсюда.

— А ученым они не пригодятся? Для опытов, — снова нарушил молчание Степанов.

— Кто? Прорвопендры? — не понял сначала Степник. — Вряд ли. «Пятерка» же их исследовала, нашим их записей хватит. Надеюсь.

— Ты чего так прорвопендр этих боишься? — беззлобно спросил Задира.

— Да как-то не хочу я с ними связываться...

Задира пожал плечами. После пяти часов зачисток желания зубоскалить не было. Для

него это весьма нетипично, ведь он из той породы людей, которые без подколов и препирательств начинают испытывать чуть ли не физическое недомогание. За это его иногда называли энергетическим вампиром. Чаще — другими, не всегда цензурными словами. Впрочем, Задира не менялся, и многие к нему уже давно привыкли.

— Готово, можете входить. Я слежу, — наконец-то сообщил Коршунов.

— Хорошо.

Степанов первым шагнул в кабинку спуска. Через несколько секунд туда же вошел Борецкий. Габаритов Семен был немаленьких, поэтому он загородил весь проникающий снаружи свет. Шлемофон Степанова исправно среагировал на потерю освещения и включил инфракрасный и тепловой фильтры. Роман встал как вкопанный — ступеньки ниже него были заляпаны тускло светящимися в тепловизоре пятнами.

— Сто-оп, тут шняга какая-то, — остановил он группу.

— В смысле, — пробухтел стоящий выше Семен.

Роман осмотрелся. Стены и перилла тоже были в пятнах, хоть и не таких ярких и не в таком количестве. В этот момент Семен подвинулся в сторону, внутрь попал солнечный свет, дополнительные приборы отключились, и Степанов узнал гонзовскую кровь.

— Назад все. Тут гонзы шатались, все излапали.

Борецкий и шедший за ним Горобец поднялись наверх. Рома наклонился перед самыми большими пятнами и присвистнул. Над ступенькой пустили растяжку, привязав к периллам гранату. Если бы Роман сделал на два шага больше — попался бы.

— Проход заминирован. Растяжка, — доложил Рома. — Гонзы ставили, — добавил он, разглядев заляпанное кроваво-гнилостными ошметками ребристое тельце гранаты. Судя по маркировке — осколочная.

— Снять сможешь? — спросил Степник.

— Да, сейчас.

Растянутая над ступеньками медная проволока была в той же пакости, что и сама граната. Заживо он гнил, что ли, гонз этот. Один конец проволоки привязан к периллам, другой — просто к чеке. Роман хмыкнул. Помнится, когда он сам впервые ставил растяжку — поступил точно так же. Так запнувшегося о нее радикалу не хватило веса, чтобы выдернуть чеку. Враг растянулся на земле, а граната так и не взорвалась. Вот так и сработала его первая растяжка.

Степанов просто обрезал проволоку. Перед тем, как взять в руки гранату, надел дополнительные перчатки. Ни к чему марать костюм.

— Все, готово, — сказал он, осветив остальную часть спуска. — Гранату нужно будет ученым отдать. Она в гнили какой-то вся. Пускай посмотрят.

Роман выкрутил из гранаты запал и упаковал ее в контейнер для образцов.

Больше препятствий не встретилось. А пройдя дезинфекционный шлюз все на секундочку подвисли. Внутри был идеальный порядок. Мягкий белый свет лился с потолка освещая оформленные в светлые тона отделку, мебель и оборудование. Глаза в буквальном смысле отдыхали.

Горобец не пренебрег возможностью вновь поблагодарить своего бога.

Где-то на другом конце уровня вошли группы Буряева, Иродовой и Белоноговой. Степник сверился с планом, после чего первым двинулся по коридору, собираясь начать зачистку лабораторий по правилу правой руки.

9, Потапыч, ангарный блок. 27.06.2087 17:15

Ксения Хлопковская, вторая правнучка Деда, готовилась принять побывавший на Прорве челнок. Никаких сложностей в его возвращении Ксюша не видела. Она спокойно сидела за пультом управления, и ждала прибытия сестры. Всего-то делов — нажать пару кнопочек для подтверждения стыковки, да запустить процедуру дезинфекции, чтобы убить вероятную заразу.

Однако когда автоматика объявила о пятиминутной готовности, в кабинет к ней ввалились четверо бойцов СОРД в черных защитных костюмах.

— Пилот Хлопковская, покинуть помещение. Встречу пилота Васильковой мы проведем сами, — сходу приказал Борода, главный из ворвавшихся черных.

Ксюша застыла в удивлении. Она не сдвинулась с места, просто смотрела на гостей поверх очков, что всегда надевала при работе с компьютерами. Куда это черные так снарядились? У каждого по штурмовой винтовке, кобуры с пистолетами, разгрузки с дополнительными магазинами и гранатами. Неужели они собрались воевать с Ингой?

Две женщины из черных — Нора и Баба — ничего не говоря, заняли место за пультом управления. Принялись вносить поправки в программу приема челнока.

— Ну? — с напором потребовал Борода.

— На войну что ли собрались? — спросила Ксюша первое, что попало в голову.

— ПИЛОТ ХЛОПКОВСКАЯ! ПОКИНУТЬ ПОМЕЩЕНИЕ! — рявкнул Борода.

Ксюша непроизвольно вскочила. Было в его голосе что-то ужасающе повелительное. Она дернулась было к выходу, но сумела себя остановить. Борода продолжал буравить ее взглядом.

А что она может в этой ситуации? Ничего. Нужно бежать искать Деда.

Ксюша быстрым шагом поспешила к выходу. Стоящая у двери пухленькая Нива посторонилась, пропуская девушку. За порогом Ксюша столкнулась еще с двумя черными — Манаем и Глаз.

— Но-но, куда бежишь? — надменно спросила крашенная блондинка Глаз.

— Извините, — слегка запыхавшись, сказала Ксюша, вложив в голос тонну сарказма.

— Уходи отсюда, тебе тут нечего делать, — сказала Глаз.

Из кабинета вышли Борода и Нива, и вместе с Манаем и Глаз двинули к приемному отсеку.

А Ксюша принялась молотить по РЛК, пытаясь связаться с Дедом. Тот не отвечал. Тогда девушка авторизовалась в системе слежения, доступ к которой ей любезно предоставил Игнат, вбила в поле поиска личный идентификатор Деда. Тот находился у себя в камере. Бухает, наверное, гад такой!

Ксюша с пробуксовкой сорвалась с места. На полпути к камере она вновь налетела на вооруженных людей — шестеро космопехов, также в полном вооружении и в защитных костюмах. Ну это уже совсем ни в какие ворота... Двенадцать до зубов вооруженных вояк на одну Ингу?

— Ты-что-чего-случилось? — слегка запутавшимся языком спросил ефрейтор Серафимов.

Ничего не ответив, Ксюша побежала дальше.

— Спортсменка, — широко улыбнулся Малой.

— Отставить шуточки... — глядя ей в след обеспокоенно сказал Серафимов, — черные походу там уже.

В каморку Ксюша влетела на полной скорости, едва не расшибившись о косяк. Дед, как раз укладывающий в тайник за кроватью бутыль самогона, подскочил на месте. Бутылка выскользнула из рук, и разбилась бы, но старик подхватил ее у самого пола.

— ТЫ ЧАГООО?!! — заорал Дед, — СДУРЕЛА, МАЛОХОЛЬНАЯЯ!!! Едва не разлил!

Тяжело дыша, Ксюша вперила в него укоризненный взгляд. Переведя дух, выдала:

— Инга подлетает... ее встречают... двенадцать солдат, меня выгнали... в полных костюмах... и с оружием... автоматы-гранаты...

Дед крикнул, и в следующую секунду бутылка пропала из его рук. Вместо нее он держал свое хваленое ружьишко.

— Пойдем, Ксюша, — Дед, слегка согнувшись, быстрым шагом двинулся к приемному отсеку, только полы тулупа взметнулись за ним. Ксюша поспешила следом.

Пилоты не знали, что паникуют напрасно. Бороде и людям из СОРД просто приказали проверить Ингу на аппарате Старулиной, проявляя осторожность и боевую готовность. Однако, после оценки их боевого настроя, сомнения возникли не только у Ксюши, но и у шестерки космопехов, прибывших, чтобы поприусутствовать для надежности.

Леха Серафимов, заместитель сержанта Филатова, имел четкий приказ — в случае чего вписаться за пилотов, ведь от них зависит возвращение взвода с Прорвы. Оценив настрой черных, Леха решил, что проинструктировать своих людей будет не лишним:

— В общем, чур чего, берем их в полукольцо. Малой, ты со мной. Савин, Сватников — вы оттуда. Паршкова, Золин... — Леха посмотрел в отрешенное лицо Золина Егора — их нового чудо-снайпера. Вновь Леху одолело сомнение в его адекватности. Пощелкав перед носом Егора пальцами, Серафимов взял его за плечо и сказал: — Держишь их на прицеле, понял? Просто держишь, не стрелять. Без команды не стрелять! Понял?

Но Золин молчал. В отчаянии Леха повернулся к его куратору, Рите Паршковой.

— Он понял, — уверенно сказала Рита.

— Я понял, — сказал наконец Золин.

Леха с Ритой вздрогнули — голос Егора был очень похож на женский. Настолько похож, что на мгновение оба засомневались в его принадлежности к мужскому полу.

— Держу их на прицеле, без команды не стреляю, — подытожил Егор.

Засевшие у панели управления Нора и Баба вполне могли засечь Лехину группу, но они сосредоточились на процессе дезинфекции челнока и приемного отсека, а видеонаблюдению внимания не уделяли.

Медленно ушли в стены створки ворот отсека. Стоявшая за ними Инга, увидев четыре нацеленных на нее автомата, удивленно распахнула глаза.

— Пилот Василькова, оставайтесь на месте, — скомандовал Борода.

— Вы чего блин?! — пятась, воскликнула Инга.

— Необходимо провести анализ вашей кро...

— Стоять!!! Оружие на пол!!! — крик ввалившихся в ангар космопехов не дал Бороде закончить.

Нива продолжила целиться в Ингу. Борода, Манай и Глаз перевели стволы автоматов на обступивших их космопехов.

— Опустить оружие, — приказал Леха.

— В чем дело?! — требовательным голосом прокричал Борода. — Кто послал?!

— Ору-ужие опусти, — повторил Леха, добавив в голос нотки угрозы.

— Не целься в меня, сученьш! — вдруг громко воскликнула Глаз, обращаясь к Золину.

Тот удерживал у нее на груди перекрестие прицела выделенной ему снайперской винтовки.

Вчера Глаз видела, как Золин умеет стрелять, и быть у него на мушке ей совсем не нравилось. Однако Золин промолчал, он ждал приказа Серафимова, и не собирался реагировать ни на что другое. Ему было абсолютно без разницы, пристрелить эту хамоватую сордовку или нет.

— Я КОМУ СКАЗАЛА! — закричала Глаз.

Нервы Паршковой, также державшей на мушке Глаз, дали небольшой сбой. Она слегка дернулась. Глаз среагировала мгновенно, перевела винтовку на Риту, и обе едва не открыли огонь... Но пока все обошлось. Глаз перевела ствол обратно на Золина. Его взгляд ей нравился меньше.

Что-то бессвязно лепетала Инга стоя под прицелом не отвлекающейся Нивы. Борода тщетно пытался выяснить причину потасовки. Задней мыслью он уже понимал, что перестрелки не избежать. Сейчас нужно дожидаться Бабы и Нору, спешащих сюда из кабинета управления. Две крепкие бабенки, американка Нора и настоящая крепкая русская Баба, перевесят чашу весов в их сторону.

Приближался к ангарам Дед, зарядивший свое непростое ружье патронами собственного производства. Ксюша заняла покинутую Бабой и Норой панель управления. Она уже подготовила программу активации шумки, собираясь применить ее внутри приемного отсека. План был прост: все присутствующие мгновенно выйдут из строя, а Дед спокойно заберет оттуда Ингу.

Опередив Нору и Бабу, в ангар вошли двое наемников. Это капитан Водников договорился о поддержке с их главным, Князем. Угрюмые и молчаливые, с «Калашами» старого образца в руках, Касабов и Пироман плавно всплыли в не без того ставшее тесным помещение.

Следом в ангар ворвались Нора с Бабой, заняли позицию, с которой сразу четверо космопехов стояли на линии огня. Это позволило Манаю взять под прицел наемников.

В ангаре кричали только Серафимов, Савин, Малой и Глаз, однако создавалось впечатление, что орут все. Борода всмотрелся в бесстрастное лицо наемника Касабова. Тот направлял ствол автомата Бороде в голову, а во взгляде читалась готовность стрелять без всякой команды. У первых, начавших перестрелку, больше шансов выйти живыми, и Касабов это прекрасно понимал. Бороду захлестнула ярость, как на самую нелепость ситуации, так и на свои неудачные попытки что-то исправить.

Борода взревел:

— МОООЛЧАААТЬ!!! СМИИИРНО!!!

Все замерли. Наконец-то заткнулись и Глаз и космопехи. Застыл Дед, стоявший за порогом с ружьем наперевес. Задержала палец над кнопкой активации шумки Ксюша.

— Ефрейтор Серафимов, объясните причину вашего поведения!

— Приказ капитана Водникова и майора Шукшина... — командный голос Бороды действовал на Леху так, что он едва не вытянулся в струнку. — Обеспечить безопасное прибытие пилота Васильковой.

— Пилоту Васильковой ничего не угрожает! — прогрохотал Борода. — Приказано провести быстрый анализ ее крови. У нас ведь есть ТВИХ-определители, солдат.

Леха молчал. Походу он едва не накосячил...

— Ефрейтор Серафимов? Разрешите приступить? — не скрывая раздражения спросил Борода.

Леха не выдержал эту дуэль взглядов и отвел глаза. Он понимал, что виноват. Блин, едва не перестреляли друг друга из-за такого тупняка.

— Всем опустить оружие! — крикнул Борода.

Космопехи и черные подчинились незамедлительно. Касабов и Пироман слегка задержались, дождались выполнения приказа остальными. Хмыкнув, оба наемника развернулись и покинули помещение.

— Боец Нива! Приступить!

— Есть! — Нива, все это время державшая Василькову на прицеле, двинулась к ней.

Инга была в шоке, ее ощутимо потряхивало — столько адреналина она не получала ни разу в жизни.

— Спокойно, — ласковым шепотом никак не сочетавшимся с направленным автоматом, сказала Нива. — Не волнуйся.

Нажав на рукаве костюма пилота пару кнопок, Нива активировала кровозаборную функцию. Запястье Инги слабо кольнуло, костюм совершил несложное действие, и выплюнул небольшую капсулу с кровью. Нива приняла капсулу, и присела, отойдя от потенциально опасного пилота на несколько шагов. Установила прямо на полу аппарат Старулиной, и поместила в него образцы крови.

Полминуты зловещей тишины. Сердце у Инги вновь замерло. Вот сейчас аппарат покажет «положительно», и что? Перестрелка?

— Отрицательно! — отчеканила Нива. — Ноль процентов вероятности заражения.

Волна облегчения пронеслась по ангару, едва не сбив Ингу с ног. У нее подогнулись колени, и она едва не упала. Савин Олег поспешил к ней, поддержать. Глаза у него слезились от перенесенного напряжения.

— Разойтись, — приказал Борода, буравя Леху укоризненным взглядом.

10, Прорва, российский комплекс, двор. 27.06.2087 18:20 (12:20)

Взвод завершил зачистку комплекса. Ученым позволили свободно передвигаться, хоть и в сопровождении космопехов. Несмотря на обильные следы деятельности гонзов, живых экземпляров так и не встретили.

Второе отделение выбралось на поверхность из подземных лабораторий.

Горобец на ходу крестился, беззвучно благодаря Бога за спокойную зачистку.

Степанов нес в руках контейнер с обезвреженной гранатой. Он высматривал, кому из ученых ее вручить. Ученые-парни его не впечатляли как специалисты, а вручать гранату девушкам он опасался.

Игорь прислонился к одному из БРДМК и прикрыл глаза. Фух, пока все нормально. Прорва — вовсе не жерло вулкана, как казалось ему вчера. Выживание здесь напрямую зависит от внимательности и навыков. Сейчас Игорю было чуточку стыдно за свои переживания. Наверное, всему виной жена, которая перед каждым вылетом пилила его требованиями не оставлять ее одну, и отказаться от полетов. Поначалу Игорь всегда отвечал четким «нет», но в последнее время подсознание все чаще и чаще принимало сторону супруги.

— Хорош броню подпирать! Расклеился как бабушка... — крикнул шедший мимо Задира.

— Иди в жопу, — прошептал Игорь одними губами, лишь бы Задира его не услышал.

Задира намеренно нарывался на конфликт, и ждал в свой адрес хоть какого-нибудь

слова. Хотя бы косого взгляда. Игорь не хотел конфликтов. Шестичасовая зачистка вымотала его морально и физически. Хорошо хоть, что на нем костюм, на котором запущен режим «Свежий воздух», а то местный день уже в самом разгаре — солнце припекает, начинается духота.

Недалеко от Игоря, Монгол делился с Кишкиным и Прапорщиковым своими впечатлениями от американской винтовки, оснащенной умным прицелом. И хотя пострелять в боевых условиях ему пока не довелось, привыкнуть к ней он уже успел.

Рядом стоял БТРК. На носу его, засохшей кляксой, красовалось содержимое черепа сбитого прорвокуста. Новичок Матвей Лордынцев примерялся к нему со щеткой в руках. Он не знал как вернее начать мытье. Его куратор, Юля Холопова, которая, кстати, и управляла бэтром, сбившим существо, приказала действовать быстрее, пригрозив штрафными нарядами. Рыжие Петруха Зайкин и Остап Осипов откровенно забавлялись, давая Матвеку «ценные» советы по отскребыванию засохших мозгов.

Ограждение комплекса приглушенно загудело, послышалось слабое потрескивание.

— Внимание, активирую охранные системы комплекса, — передал по РЛК Коршунов.

Лязгнули замками ворота, которые до этого стояли просто прикрытыми. На стенах загорелись предупреждающие красные маркеры. Активация ограждения закончилась, и шум пропал.

Саша Старулина подошла к капитану. Весь последний час ученые проверяли на ТВИХ прорвомотыльков, убитых во время атаки комплекса шумкой.

— Нами проверено сорок два прорвомотылька, из них шестнадцать инфицировано.

— А значит?

— Значит, где-то в свободном доступе располагается зараженный ТВИХом материал.

Саша кивнула и ушла по своим делам. Следом за ней засеменил Калашников. Его слегка смущало, что он не сам производит такие вот доклады, хоть и является главным из ученых. Но понимание своей некомпетентности двигало на второй план любое смущение и желание командовать.

Свой направился к штабному транспортеру, приказав по пути:

— Младший лейтенант Уткина. Организовать график дежурств. Смены по шесть часов. Для одного из отделений отбой начался, — Водников сверился с часами, — двадцать четыре минуты назад.

— Так точно! — сказала Настя.

Народу в штабном транспортере было немного. Заблеванный Солодов наконец-то получил разрешение на промывку костюма, и был помещен в промывающий аппарат. Ефрейтор Иванова и рядовой Соловьева скучали за панелью управления.

— Ир, доложи на Потапыч: комплекс зачищен и активирован. Добавь отчет по зачистке со всеми материалами. Про мертвого гонза не забудь, пускай заценят, — попросил Водников.

Ира кивнула и принялась компилировать сообщение, включая материалы, записанные с видеокамер бойцов. А Водников решил, что настала пора позаботиться, как бы самим не стать гонзами. Да и обустроиваться как-то нужно. Активировав на РЛК научный канал, он приказал:

— Научный работник Калашников. Организовать проверку крови личного состава.

Глава 1. Часть 7 (1–3)

1, Прорва, российский комплекс. 27.06.2087 21:10 (15:10)

Анализ крови участников экспедиции завершился без неприятных сюрпризов, пока ТВИХ никого не поразил. После проверки бойцы второго отделения заняли посты, а остальным, в соответствии с планом десяти шагов, было приказано обустраиваться в жилых корпусах.

Всем составом заселились на второй этаж третьего жилого. Несмотря на то, что там было чище всего, персоналу категорически запретили снимать защитные костюмы. По крайней мере, до тех пор, пока ученые не выяснят причину заражения «Пятерки». Пользоваться установленными в корпусе промывающими аппаратами, подобными тому, на котором промывался рядовой Солодов, также запретили. Мало ли — вдруг гонзы напускали слюней в резервуары с очищенными подземными водами, что используются для промывания.

Согласно составленному Уткиной графику, четвертое отделение уже должно было восстанавливать силы для будущих дежурств. Бойцы очистились от прицепившейся в медицинском корпусе мерзости, и прошли дезинфекцию, но спать пришлось в потных костюмах. Лишь Солодову посчастливилось промыться раньше, да Трусовой, как девушке, сделали исключение, и разрешили промыться после Солодова. После нее на промывку встало пятое отделение, для которого выпало что-то вроде свободной смены.

Ученым же не пришлось целый день носиться в боевом снаряжении, поэтому посидев полчаса в своих новых комнатах, они приступили к работе. На повестке дня стояла причина заражения пятой экспедиции.

Калашников скромно предложил начать с подземных лабораторий, предположив, что первоисточник ТВИХа все-таки здесь. Мол, ученые «Пятерки» заразились, неаккуратно на него наткнувшись.

Саша и Оля с руководителем не согласились, и отправились в медицинский корпус, чтобы обследовать подвешенного гонза, и заодно внимательней осмотреть другие помещения.

Без охраны в медкорпус не пустили, поэтому кроме Никиты, Тимура и Артура (которых взяли, чтобы они сняли висящее под потолком тело), с ними отправились космопехи Посталовский и Начекутов. Подойдя к труп, Оля с Сашей любезно расступились в стороны, предоставляя сильному полу возможность продемонстрировать свою силу.

Парни потыкались вокруг тела, пытаясь определиться, с какой стороны к нему подходить, чтобы поменьше замараться. Стоящий в стороне Витек Начекутов предположил — где-то здесь полюбому должна быть стремянка, нужно только спросить у тех, кто зачищал склады, не встречали ли они ее. Артур ответил, что справятся и без стремянки, но попросил Витька и Постала помочь. Витек согласился, а Постал даже не повернулся, заявив, что он вообще-то их охраняет. Сам он все это время сдерживал рвотные позывы, стараясь вообще не смотреть на труп. Пытаясь отвлечься, он отчаянно вспоминал то анекдоты, то девушек, то матчасть.

Тимур, балансируя на кушетке, обвернул висящее тело целлофаном. Потом его место занял Витек. Он пытался подцепить тело сверху и аккуратно спустить вниз. В конце концов,

веревка, сплетенная из материалов, прекрасно поддающихся разложению, не выдержала, и оборвалась. Тело упало в лужу собственной крови, забрызгав незасыхающими ошметками костюм Тимура. Выслушав в свой адрес ряд отборных ругательств, Витек поглядел в лицо трупа. От удара об пол, из глазниц, в которые была продета импровизированная веревка, выплеснулась часть разжиженного мозга. Витек заявил, что дальше ученые справятся и без него, и поспешил присоединиться к Посталу, повторяя в уме программу прокачки продольных мышц спины.

Последующий анализ гонза принес хорошие новости — зараженный был не далее, чем в десятом колене заразившихся. То есть оригинал вируса, прежде чем попасть в тело Бубнова, прошел около десяти смен носителя. Образцов такой свежести человечеству еще не встречалось — вирус, распространяющийся по колониям землян, уже давно перевалил за восьмидесятое колено.

Остальные ученые (те, что не пошли в медицинский корпус) работали с образцами, обнаруженными в других корпусах. Конюхова Алена и Губацкий Кирилл занялись заляпанной кровавой слизью гранатой, и обнаружили, что ставил ее гонз того же поколения, что и Бубнов. Вот только вирус в организме гонза-сапера мутировал в каком-то другом направлении — структура строения совсем другая.

Калашников безуспешно проверял почву, в надежде отыскать ДНК павших участников пятой экспедиции. Однако регулярные дожди смыли в водоотвод всю надежду на успех.

Львова Вера проверила кузов пикапа, найденного в одном из складов. Это была та самая машина, которую гонзы раскурочили, так и не сумев привести в движение. Вера обнаружила пять разных образцов, причем гонзами были только четверо из них, пятый оказался не заражен и умер человеком.

Булкина Зина взяла на себя «комнату мотылька» — так космопехи окрестили место, где нашли живого прорвомотылька, заляпавшего все вокруг своей слизью. Калашников предлагал проигнорировать ту комнату, мотивировав это тем, что сегодня проверили уже полсотни мотыльков, и нет смысла проверять еще одного, по их ДНК даже колено заражения не определишь. Но Булкина посоветовала Калашникову провести анализ каждого квадратного сантиметра почвы по всей площади комплекса, и все же отправилась в ту комнату.

Сопровождающий Зинку рядовой Бочаров открыл дверь в «комнату мотылька». Когда Булкина увидела огромные невысыхающие лужи слизи с белыми прожилками, сразу подумала, что гниль, которой была уделана обезвреженная Степановым граната, очень похожа на нее по структуре.

Анализ слизи показал, что мотылек со стопроцентной вероятностью поражен ТВИХом, причем даже на портативном микроскопе было видно, что вирус мутировал гораздо сильнее, чем в теле человека.

Зинка прокачала в голове информацию. У зараженного мотылька и гонза-человека схожая система выделения. Не просто схожая — а такая как у прорвомотыльков. Возможно ли такое, что этот гонз-человек заразился от подобного мотылька, и приобрел вместе с мутировавшим вирусом физиологические особенности предыдущего носителя?

Азартное возбуждение охватило Зинку, она поняла, что вот-вот раскроет причину заражения «Пятерки». Размышляя, она подошла к окну. Что известно о мотыльках? Ну, любят они по ночам отлеживаться в воде, а днем сохнуть на солнышке. Но как одновременно заразить тридцать восемь человек? Неужели все решили потрогать электрический забор, на

котором, во время его нефункционирования, стоями сохли мотыльки? Взгляд Булкиной упал на колодец, что стоял возле столовой. Крышки на нем не было.

— Вот бли-ин... — простонала Зинка, поняв, в чем дело. Внутри у нее похолодело. Она вспомнила, как ворчали космопехи, когда им не разрешили промываться в промывочных модулях комплекса.

— Что такое? — насторожился Бочаров.

— Пойдем на улицу, к колодцу, — позвала Зина, и едва ли не бегом поспешила к выходу.

У самого колодца Зинка притормозила, решив, что поспешила с выводами. Вода не может быть заражена, ведь ТВИХ не живет в микроорганизмах. Но проверить ее она все-таки решила. Взяла в руки закрепленное на тросу ведро, и бросила его вниз.

— Давайте может я что ли? — предложил Бочаров, пытаясь оттереть девушку от ворота.

— Да я сама, — отмахнулась Зинка, и быстро выкрутила на свет ведро воды.

— Санек! Чего за тебя девушка воду качает? Помог бы! — притворно осуждающе сдохмил патрулирующий территорию Бирюлев.

Вместо ответа Бочаров принял выкрученное Зинкой ведро, и поставил его рядом с колодцем. Булкина присела, посмотрела в воду. Н-да... не подтвердилась ее теория.

— Что вы там ищите-то? — спросил Бочаров.

— Похоже, что ничего, — разочаровано буркнула Зина.

Подумала — стоит ли проверять воду на аппарате Старулиной? А какой смысл — ну вскипятит она ее, и что? Хотя ладно, хуже не будет, Зинка принялась устанавливать на грунт оборудование, когда Бочаров вдруг спросил:

— А это что? — он вынул одноразовый шуп и поддел им что-то в воде.

Это была слизь. Расползающийся шматок той самой слизи, которую выделяют прорвомотыльки.

— Давай ее сюда! — резко скомандовала Зина, подставляя Бочарову определитель, и, уже спокойнее, добавила: — молодец.

А что, ведь действительно — глазастый. Пока делался анализ, Зинка составила у себя в голове окончательную картину: кто-то (или третья экспедиция, или изначальные работники комплекса) не закрыл ворота комплекса и оставил открытым колодец. Прорвомотыльки (как зараженные, так и нет) в силу своих природных потребностей опускались в воду, и благополучно исходили там слизью. Пятая экспедиция, конечно, закрыла ворота, и, возможно, колодец, но вот зараженная слизь уже была в воде, и фильтры видимо не сумели с ней справиться.

Анализ дал положительный результат — вероятность поражения сто процентов.

— Саш... Старулина... Прием, — дрожащим от волнения голосом забормотала Зинка, — Кажется, я нашла источник заражения, давайте все ко мне. Я у колодца.

2, Потапыч, комнаты отдыха. 27.06.2087 22:00

На Потапыче имелись самые разнообразные комнаты отдыха. От простых двухместных кабинок со столиком, до чуть ли не полноценных казино. В одной из средненьких комнат, оборудованной всего лишь парой бильярдных столов, состоялась примирительная встреча космопехов и сордовцев.

Штраф и сержант Филатов договорились о встрече еще в зале совещаний, едва получив от своих заместителей доклад о потасовке, возникшей между подразделениями. Филатов

искренне извинился за наезд, а Штраф сказал, что так они каши не сварят, и назначил на вечер разбор полетов.

Обе делегации разместились по разные стороны большого круглого стола, предназначенного для игры в карты. Вместе с Филатовым пришли Леха Серафимов, Герман Моранов и «Малой» Саня Горленко. А в делегацию черных вошли Штраф, Борода, Дрон и Глаз. Последняя смотрела на младших товарищей, не скрывая своего презрения.

— Чтобы подобного больше не случилось, — первым, слегка шепелявя, заговорил Штраф, — давай разберем ситуацию, — он постукивал пальцами по столу, переводя взгляд с Лехи на Антоху, и обратно.

— Ну-у... в общем я уже осознал свой косяк, — сказал Леха. — Еще раз извиняюсь.

— С чего все началось-то? — спросил Дрон. — Что тебя сподвигло автоматами размахивать?

— Да не знаю я... как-то все быстро прошло... увидел как твои, — он кивнул на Бороду, — Василькову уже в оборот взяли. Еще видел, как вторая пилотка убегает... ну и решил, что уже опоздал.

— Ты мне даже сказать ничего не дал, — упрекнул его Борода.

— Так надо было стволы опустить, и уже потом говорить, — огрызнулся Леха.

— А сам бы опустил?

Леха задумался. А ведь вопрос... до сих пор ему доводилось применять такую топорную тактику подавления лишь к радикалам. А кто в большинстве своем радикалы? Вчерашний офисный планктон, который скорее выронит от испуга оружие, нежели вздумает сопротивляться. А сордовцы — совсем другое дело, у них в спинном мозгу заложена другая модель поведения — на их работе порой предпочтительнее умереть, чем попасть в плен. Странно, что они на рефлексах не постреляли весь его отряд. Вот об этом Лехе стоило задуматься пораньше...

— Думаю, что все-таки опустил бы... — ответил Леха, — не сразу, но опустил бы.

— И мы бы опустили... если бы не Глаз, — вдруг сказал Борода и пристально посмотрел на коллегу.

Глаз, все это время испепеляющая взглядом недостойных недовояк, возмущенно посмотрела на Бороду.

— Спокойнее нужно быть, ты же профессионал. Или уже нет?

— Да ты... — начала было Глаз.

— Борода командовал группой, — прервал ее Штраф, — а значит, нужно слушать его команды, а не истерить.

— Манай и Нива ведь молчали, — добавил Борода.

Взор женщины как будто остекленел, ноздри ее гневно трепыхались.

— В общем, запомни это... я тебя предупредил, — сказал Штраф. Глаз промолчала, тогда он повысил голос: — Ты поняла меня?!

— Да! — чересчур громко сказала она, затем взяла себя в руки, изменилась в лице — ярость ушла, и повторила спокойнее: — да, поняла.

Вообще, Глаз с самого знакомства напоминала скорее сварливую истеричную стерву, нежели бойца спецподразделения. Только после общения с психологами она научилась себя контролировать, и благополучно заняла свободное место в отряде Штрафа. А вступление в отряд ее и вовсе перевоспитало. Старые привычки стали проявляться только сейчас, спустя годы совместной службы. Всех, не входящих в отряд, Глаз откровенно считала людьми

второго сорта. Штраф заподозрил, что она попросту спеклась на работе, и по возвращению с этого задания намеривался отправить ее на общение с мозгоправами.

— Ну, ваши-то тоже молодцы, — перевел Борода тему на космопехов. — Одни крики и ничего больше.

Малой, который громче всех требовал бросить оружие, заглушая команды Лехи, слегка покраснел.

— В общем, будем считать, что дело в неосведомленности. Вы не знаете, что делаем мы. А мы не знаем, чего хотите вы, — сказал Штраф.

— И паниковать не надо, — добавил Дрон.

— А еще наемники... — сказал Борода.

— А что наемники? — не понял Леха. Уж наемникам он был благодарен, именно они выгодно перевесили силы в критический момент.

— Касабов... стрелять собирался, — сказал Борода. — Еще секунда или две... и все.

— Приказа не давали, — возразил Малой.

— Да им пох на приказ, — махнул рукой Штраф.

— Да, и как будто приказы кто-то слушал, — усмехнулся Борода.

Помолчали, потом Антоха сказал:

— Короче, нам приказано оказывать поддержку пилотам. Свой и Шукшин... э-э-э... они думают, что начальство наше что-то мутит. И мы можем остаться без пилотов... на Прорве остаться.

— Да, начальство кое-что мутит, — спокойно подтвердил Штраф.

Филатов осекся. Борода удивленно посмотрел на командира. Штраф продолжил:

— У начальства свои цели, с ТВИХом никак не связанные. А мы, — он обвел своих коллег руками, — нужны для достижения этих целей.

— И цели эти...? — подтолкнул Филатов замолчавшего Штрафа, но тот отрицательно покачал головой.

— Вам этого знать не нужно. Скажу только, что бросать вас никто не собирается, и для вашего взвода это не опасно. Точнее, уже не опасно... Ну, то есть были сомнения насчет всех этих «десяти шагов», но все ведь обошлось? Ваши уже обосновались и взялись за работу.

— А Соломон? А наемники?

— А что Соломон? Соломон — заказчик. А про наемников ты лучше у Шукшина спроси. Ему виднее, зачем они тут.

Антоха собирался задать очередной вопрос, но на РЛК ему пришло сообщение от Инги. Они зарубились провести эту ночь вместе, и сейчас она спрашивала, долго ли еще он собирается чесать языком.

— Так что от нас требуется? Если мы даже ваших целей не ведаем... — спросил вместо Антохи Леха.

— На вас — ТВИХ, — ответил Штраф. — Занимайтесь им, как и занимались. И ученые с вами. Ученые ваши конечно не ахти, но кое-какие успехи делают.

— Если что от вас потребуется — мы обратимся, — сказал Борода.

— Да, и давай условимся — уведомлять друг друга о полученных приказах, — добавил Штраф. — И о том, что собираемся делать — тоже. А то, точно перестреляемся тут нахрен.

Антоха кивнул — вроде бы все логично.

— Что случилось с предыдущими экспедициями? — тщательно подбирая слова, вдруг спросил молчавший до сего момента Герман. — Допустим, с высадившимися все понятно. А

что с кораблями?

Штраф скрипнул зубами. Он уже было подумал, что этот момент удалось обойти стороной.

— Мы не знаем, — наконец, сказал он.

— Это связано с вашими целями? — упорствовал Герман.

— Возможно, это вполне может быть связано с нашими целями, — ответил Штраф, но заметив, что его ответ не удовлетворил космопехов, добавил: — В общем, про корабли мы знаем не больше вашего. Если вдруг выяснится что-то большее — сообщим.

В этот момент дверь в комнату отворилась, и внутрь вошли наемники. Их было четверо. Здоровый, но тихий Пироман остался стоять у двери. Молодой Квазик и Федор Сиваев — чернявый мужик со свисающими усами — тут же оккупировали бильярдный стол. Последний наемник, главный из всех — Аркадий Князев по прозвищу Князь — присел за стол между Дроном и Лехой. Это был высокий мощного телосложения мужчина, с густыми светлыми волосами, спускающимися ниже плеч. Приятное лицо, легкая небритость, яркие зеленые глаза. Его бы с удовольствием взяли в кино на роль какого-нибудь благородного принца-воина. Одет он был в свободную плотную куртку и широкие штаны. Штраф не сомневался, что под курткой спрятано оружие. И, скорее всего, пистолетами и ножами арсенал не ограничивался.

Князь поднял в приветствии руку. Раздался звонкий удар кием по шару — Сиваев начал игру.

— Здорово, Князь, чего пришел? — поздоровался Леха.

— У вас тут смотрю перемирие? — спросил Князь резким голосом. — Не будете больше в ковбоев играть?

— Уже разобрались, — кивнул Штраф. — Держим друг друга в курсе событий. Сначала разговариваем, а уж потом меряемся пушками, пистолетами и всем остальным. Я так понимаю ты с нами?

— Да. И Шукшину объясните, что вы тут нарешали. А то дергает нас на какие-то глупые споры.

— Объясню, — поднял руку Филатов.

Тут дверь снова открылась. Стоящий у нее Пироман несколько секунд смотрел на желающих войти, затем все же отступил в сторону. В комнату вошел Соломон в сопровождении Вадима Пиждона (снова дымившего сигарой) и Коляна Немого (который на самом деле не был немым, просто он большую часть времени молчал, боясь продемонстрировать скудность своего ума).

Соломон посмотрел на Князя и замешкался. «А ведь он его боится» — подумал Антоха. Обстановка среди членов экспедиции вновь накалилась. Немой положил руку на рукоять пистолета. Квазик встал в двух метрах от него, держа за спиной кий, которым при желании мог не только обезоружить Немого, но и проломить ему височную кость. Пироман вновь заслонила дверь, он совершенно не шевелился, как будто превратился в статую.

Сиваев положил кий на бильярдный стол, и подошел вплотную к Пиждону. Тот не стал отступать, а наоборот, еще ближе приблизился к Сиваеву. Сигару он закусил в углу рта, чтобы не обжечь лицо наемника. Они стояли, едва не касаясь друг друга лбами. Пиждон, выпустил в лицо Сиваеву струю дыма. Наемник сделал едва уловимое движение, выхватил зубами изо рта Пиждона сигару, и затянулся. Пиждон удивленно отступил назад, но в следующий миг к нему вернулся самоуверенный вид. Он достал из внутреннего кармана

новую сигару, откусил кончик, сплюнул на пол, и сунул ее в зубы.

Космопехи и сордовцы напряглись. Только Штраф внешне никак не изменился.

— Чего тебе? — спросил Князь не оборачиваясь.

— Я смотрю, у вас тут дружеская беседа. Скажите мне, Штраф, а о чем вы говорите?

— Не волнуйтесь, мистер Соломон, — сказал Штраф, не поворачивая головы. — Люди Водникова не узнают больше, чем им положено знать. Что-то еще?

Некоторое время Соломон молчал, буравя Штрафа цепким взглядом сквозь темные линзы очков.

— Пожалуй, я вам поверю, Штраф, — сказал Соломон. — Ведь за вами не числится репутации болтуна. Пока не числится.

— До свидания, мистер Соломон, — наиграно вежливо сказал Штраф.

Пироман отошел в сторону, и Соломон со своими людьми покинул помещение. Сиваев буркнул им вслед что-то матерное, и вернулся к игре.

— Я смотрю, Соломон-то заинтересован, — пробормотал Леха. Штраф развел руками.

Дверь в третий раз открылась, и внутрь вошла Инга. Мазнула взглядом по мужским физиономиям, и обратилась к Филатову:

— Ну что, долго еще?

— Да вроде все, — он вопросительно глянул на Штрафа, потом на Князя, — все ведь? Князь пожал плечами.

— Ступай, — сказал Штраф.

Герман удивленно посмотрел на Антоху. Неужели правда уйдет? Такой важный разговор — налаживание контакта, а он уйдет с развратной девицей? Как можно быть таким безответственным?

— Ладно, давайте мужики. Надеюсь, мы друг друга поняли, — говорил Антоха, пожимая руки всем кроме Глаз, после чего вместе с Ингой вышел из комнаты.

«Кобель он, а не командир» — подумал ему вслед Герман.

За порогом Инге с Антоном встретился подполковник Манилов.

— Здравия желаю! — козырнул Антоха.

— Привет, — бросила Инга.

Манилов обратил внимание, что Инга вела Антоху за руку. Он уже было возмутился, но наткнулся на взгляд девушки. Без всяких слов он понял, что его отшили...

Происходи дело поближе к Земле, Манилов бы не просто возмутился... сержант Филатов наверняка бы продолжил службу где-нибудь на планете-заводе... Продолжил, если бы хватило здоровья, оставшегося после беседы с Костиными друзьями... Но здесь не Земля, здесь нет ни связей, ни верных подчиненных.

— Бывает, — напоследок бросил Филатов, и они с Ингой скрылись за поворотом.

А в комнате отдыха Штраф решил, что действительно пора закругляться.

— Ну что, я так понял, мы все решили? — спросил он у присутствующих.

Леха, Малой и Князь кивнули. Один только Герман, у которого имелись незаданные вопросы, промолчал.

3, Прорва, российский комплекс. 27.06.2087 23:20 (17:20)

Заместитель командира взвода — младший лейтенант Уткина — составила график дежурств, согласно которому служба проходила в четыре смены. Уткина обошлась без лишних затей — просто поделила земные сутки на число групп, и получила длительность

одной смены — шесть часов.

По шесть часов в сутки бойцы стояли на постах, неся дежурство в центре управления, стоя на вышках и, время от времени, патрулируя территорию. Затем шли «рабочие» часы. То есть отделение либо занималось работами по хозяйству, либо прикреплялось к ученым для помощи или охраны. В темное время суток никакие работы не проводились, поэтому рабочая смена присоединялась к постовой. После работ наступало шесть часов отбоя — время, когда бойцы обязаны были отсыпаться. Завершался цикл космопеха так называемыми «свободными часами», во время которых бойцы предоставлялись сами себе. Однако свободная смена обязана была находиться в режиме боевой готовности, и в случае необходимости, взяться за оружие. Также допускалось привлекать «свободное» отделение к выполнению хозяйственных работ по комплексу.

Первыми право на сон получили люди Стрельцова, тут же выяснив, что один из шести драгоценных часов уже прошел. Отделение Буряева встало на шестичасовой пост. Десятке Олеси Иродовой назначили свободные часы, благодаря чему они смогли спокойно промыться в штабном транспорте. Но полноценно отдохнуть не удалось — большинство первого отделения, находившегося в рабочей смене, охраняло распolzшихся по комплексу ученых, и Водников впряг свободных бойцов проводить ревизию содержимого складов. Выяснилось, что база данных, которую Коршунов обнаружил на сервере, катастрофически не соответствует действительности.

Сам же Коршунов, вместе с Ачушкиным, занимался налаживанием системы связи комплекса. Пришлось перелопатить все передатчики — заменить вышедшие из строя усилители и модуляторы. То же самое с антеннами, как с приемными, так и передающими — все токопроводящие элементы окислились и покорежились, их словно чем-то разъело. Благо, что на складе имелся широкий выбор исправных запасных частей, видимо нечто подобное на этой планете случалось часто.

А что касается ученых, большинство (за исключением Тимура и Артура) переключились на помощь Зинаиде Булкиной, сумевшей-таки обнаружить источник заражения пятой экспедиции. А Богатыреву с Сумаевым поручили уничтожить тело Бубнова — того самого подвешенного гонза. Образцы с него уже взяли, и все необходимые работы провели. Специально для таких целей в четырех километрах от комплекса находился биологический крематорий. Всего-то дел — доставить до него тело.

За помощью Тимур и Артур подошли к ефрейтору Ивановой, на что она развела руками и заявила, что у нее через сорок минут закончится рабочая смена, и что она и все ее отделение пойдет спать. Ирка отправила их к Ярику, мол, они следующими встанут на работы, к ним и вопросы.

Тимур и Артур нашли Ярика. Он патрулировал территорию в паре с Машкиным. Ярик отправил их обратно к Ирке, сказав, что пускай она хотя бы найдет транспорт и подготовит его для погрузки тела. Не в тесном же бардаке везти эту пакость. И посоветовал заодно загрузить тела убитых на базе прорвокустов. При условии, что они уже не пригодны для исследований.

Ирка отправила ученых поговорить с Коршуновым, так как именно он составлял список имеющейся в наличие техники. Но Тимур с Артуром устали от этого сарафанного радио, и обратились напрямую к Водникову. Вставив пистон подчиненным, Свой приказал-таки подготовить транспортное средство и осуществить погрузку. Через десять минут машина (пикап, наподобие того, что разломали гонзы) уже была готова, а тела Бубнова и четырех

прорвокустов погружены в кузов.

Степанов, который вместе со всем вторым отделением должен был отправиться к крематорию, мысленно настраивался на новый контакт с прорвопендрами.

Задира попытался было критиковать вчерашний бой Борецкого с наемником Скотовым. Борецкий просто послал его на три буквы, заодно уточнив, не хочет ли Задира, чтобы Семен сломал ему нос. Задира благоразумно ответил, мол, «да ладно, с кем не бывает, Витек, вон вообще ученому проиграл», и замолчал.

Горобец очередной раз поминал Бога, благодарил его, что тот помог успешно продежурить первую смену.

Бирюлев сказал Мичкину, что как-то уже не хочется уходить за границы кажущегося таким безопасным периметра, и вообще его уже «рубят». В момент, когда Мичкин предложил ему остаться на базе, может за это и не лишат оплаты за экспедицию, прозвучало объявление о пересмене — ровно в «00:00 (18:00)».

Проснулись в жилом корпусе люди Стрельцова. Разошлись по постам бойцы Иродовой. Отправилось на боковую первое отделение. Им еще предстояло спать в костюмах. Возможно, следующей смене уже разрешат раздеваться.

А второе отделение начало готовить поездку к крематорию.

Глава 1. Часть 7 (4–6)

4, Прорва, крематорий российского комплекса и прилегающая к нему дорога. 28.06.2087 00:35 (18:35)

Похоже, что к крематорию ученые прошлого (в смысле те, что работали на Прорве до всех инцидентов) катались чаще, чем к посадочной площадке. На совесть закатанная дорога, змеящаяся между холмами, находилась в прекрасном состоянии.

Теория о том, что прорвопендры не устраивают своих нор на асфальте, пока подтверждалась. Знакомые ямы встречались либо на склонах холмов, либо вблизи обочин, некоторые зияли тьмой, лишённые маскирующего их грунта. Но на самой дороге не попало ни единой норы.

— Гляди! Не всегда маскируются, — заметил открытые норы Семен.

— Может, закинем им чего-нибудь? — предложил Задира.

— В смысле гранату? Или куста дохлого? — уточнил Семен.

— Сам туда прыгни, — предложил Степанов.

Отряд состоял из двенадцати человек на трех машинах. Два бардака и пикап с мертвым грузом. Несмотря на то, что на асфальтном полотне норы не встречались, машины старались двигаться след в след, на малой скорости. До крематория добрались минут за двадцать, встретив двух небольших прорвокустов, которые умчались за холмы, едва завидев боевую технику.

Черное здание крематория огорожено трехметровой высоты забором из листового металла. Ворота прикрыты, как и ржавая калитка, что разместилась чуть в стороне от ворот. Вдоль забора тянулась небольшая парковка, на которой одиноко пылился еще один пикап, стоящий поперек парковочного места.

Второй БРДМК, занял оборонительную позицию, из первой машины высадились пятерка бойцов во главе с младшим сержантом Буряевым. Просветив приборами территорию, они вошли во внутренний двор через незапертую калитку.

Тимур и Артур внимательно следили за действиями военных из машины прикрытия. Макс Мичкин, что вел автомобиль с грузом на утилизацию, подкатил к стоящему на стоянке пикапу. Осмотрел его через окно и передал:

— Тоже раскуроченный. В натуре дебилы... Руль вообще оторвали...

— Они его еще так толкать пытались, вот машина и перекошена, — добавил сидящий справа Бирюлев.

— Ага, причем на ручнике... и на скорости... — сказал Мичкин.

— Гонзы — такие гонзы... — ответил им Степник из машины прикрытия.

Створки ворот дрогнули и распахнулись в стороны. Показавшийся из-за них Семен призывно махнул рукой, мол, заезжайте. Мичкин тронул было пикап с места, но тут по внутренней связи донесся взволнованный голос Машкина:

— Погоди! Не заезжай пока...

— Чего там? — спросил Степник.

Не выключая связь Пахан матюгнулся, а потом попросил прислать ученых, добавив что-то про кучу трупов. Степник кивнул Игорю, он единственный не задействован в управлении бардаком. Игорь поманил ученых за собой и покинул машину.

— Чего там вообще? — спросил Артур, вызывая Машкина.

— Тела тут... на опознание. Ну и для анализов ваших.

Мичкин и Бирюлев покинули труповозку, и присоединились к ним.

Как и полагается, большую часть двора крематория занимало само здание крематория. А большую часть здания в свою очередь занимала сложная печь, предназначенная не только для сжигания тел, но и для утилизации биологических и радиоактивных отходов. Однако гонзов не устроила эта печь, они оборудовали собственную площадку для кремации, разместив ее с обратной стороны здания. Причем — как позже выяснили осматривающие крематорий Буряев, Степанов и Задира — топливо для сжигания брали в той самой печи, раскурочив механизмы его подачи в камеру возгорания.

Данное топливо не предназначалось для простого поджога кучи мяса, поэтому тела сгорели плохо. Вот валяются отгоревшие конечности. Вон то, лежащее спиной вверх, обгорело лишь наполовину, и сейчас лежит, демонстрируя потемневшие кости позвоночника в полуразложившихся обугленных останках. Пораженная вирусом плоть разлагалась долго и неравномерно, что делало зрелище еще более омерзительным. Некоторые тела (в основном прорвокустов) закинули в кучу уже после попытки ее сжечь — следы огня на них отсутствовали.

Все присутствующие в очередной раз порадовались не пропускающим запахи костюмам. А за то, что на Прорве не было мух и прочих мелких насекомых, народ готов был отдать ей звание лучшей планеты в мире.

Тимур с Артуром переглянулись.

— Э-э-э... собираем образцы? — предложил Артур.

— Ага, — сжав зубы, кивнул Тимур.

Парни синхронно сбросили с плеч сумки с оборудованием. Артур достал дюжину контейнеров для сбора и хранения, а Тимур ткнул заборным щупом первый образец — обгоревшее с одной стороны бедро человеческой ноги.

Работа пошла, контейнеры бодро наполнялись образцами с поверхности кучи.

Пахан, носком ботинка, выковырял из-под одного из тел оплавившийся кусок пластика. Пинком его перевернул, осмотрел.

— О, РЛК! Работает? — спросил Бирюлев.

Пахан наклонился, постучал пальцем по чистому месту наполовину расплавившегося экрана. Естественно, ноль реакции. Он развернул целлофановый контейнер и поместил в него находку.

Мичкин ткнул Игоря кулаком в плечо. Сделал круговое движение рукой, что означало — следи за округой. Игорь встрепенулся — действительно ведь залип, глядя на кучу. В голове его звучала одна из последних фраз, сказанных женой: «Довоюешься! Заразят тебя на твоей этой Прорве, и сожгут потом в братской могиле!». Игорь сглотнул вставший в горле ком, и все же отвел взгляд, но тот успел зафиксировать кусок материи, замазанный ни то сажеей, ни то чем-то еще. Игорь достал одноразовый щуп, зацепил им ткань, потянул на себя. Нашивка с именем, «рядовой Дубин». Пахан, заглянув Игорю через плечо, принялся связываться с центром управления рукомплекса:

— Пост ноль, прием.

— Пост ноль на связи, — ответила ему ефрейтор Белоногова.

— Ань, пробей по экспам рядового Дубина. Есть такой?

— Сейча-ас... Да, пятая экспедиция. Рядовой Дубин Виктор. Возраст, вес, рост

интересуют?

— Не, спасибо. Конец связи.

Вот так. Выходит эти трупы из «Пятерки». Значит, гонз Копылов перетаскал сюда тела, собранные после побоища в комплексе, и попытался сжечь.

К тому времени Тимур с Артуром уже собрали с поверхности пару десятков образцов. Теперь предстояло лезть вглубь кучи. Тимур столкнул мешающее тело прорвокуста. Тот сполз в метре от его ноги. Наблюдающий за этим Мичкин насторожился — ему показалось, что под сползшим существом колыхнулась почва.

— Стоять! — скомандовал он. — Не двигаться, — и аккуратно пошел к Тимуру, направив на подозрительное место автомат. Тимур начал поворачиваться и Макс повысил голос: — Не двигаться, я сказал!

Тщательно выбирая каждый шаг, Макс подошел к Тимуру, и, взяв его за руку, отвел назад.

— Ты чего? — растеряно спросил Тимур.

— Нора... — почти прошептал Макс, указывая на грунт под прорвокустом.

С близкого расстояния, и в самом деле, не оставалось сомнений, что это такое. Почва, не провалившись полностью, просела сантиметров на пять. Оружие на яму направили уже не только космопехи — ученые, побросав щупы-контейнеры, достали свои пистолеты.

— Назад-назад-назад, — поспешно отступил Бирюлев, и тут же, спохватился, сообразив, что совсем не смотрит куда наступает. Замер.

Игорь, Тимур, Артур и Пахан отступили к Бирюлеву. Семен и Макс остались на месте.

— Может, хоть вещи свои соберете? — раздраженно спросил ученых Семен.

Действительно, отбежали, побросав все собранные образцы. Тимур вернулся. Пахан предупреждал Ярика и Степника об обнаруженной норе.

— Видимо они сюда жрать заходят, — предположил Семен.

— Не-е... — возразил Макс. — Давно б уже все сожрали... Здесь что-то другое. Может, гнезятся?

— Погоди, — Семен схватил за руку подобравшего контейнеры Тимура, — гляди.

На вершине кучи лежало относительно свежее целое тело. Раньше они его не видели — оно было под кустом, что откинул Тимур.

— Давай, — шепнул Мичкин, переключив автомат со стрельбы одиночными на режим автоматического огня.

Семен развернул очередной одноразовый щуп, и зацепил тело за плечевой сустав. Дернул. Оно не поддалось — за что-то зацепилось. Тогда Семен забросил автомат за спину и взялся за щуп двумя руками. Крякнув, космопех вытянул совершенно голое, лишенное одежды тело. Лица у трупа не было, грудь усыпана глубокими ранами, кисти рук оторваны.

— Что с ним? — спросил Артур издалека.

— Гранату взорвал. В руках, — ответил Макс.

Тимур быстро собрал со свеженького трупа образцы, и поместил их в контейнер с номером K2806-61.

— Уходим, быстро, — скомандовал Пахан.

— А тела? — спросил Артур, и, видя, что Машкин его не понял, уточнил: — Ну, которые мы привезли.

— Бля-я. Ярик?

— Да, выходим уже, — отозвался Ярик. Он вместе со Степановым и Задирой уже стоял

на пороге крематория.

— Давай тела на улицу вытряхнем? — предложил Пахан, и, поняв, что тот колеблется, продолжил, — их тут все-равно дохренища валяется.

— А правило ПКП-1119?! — громко спросил Игорь.

Пахан скрипнул зубами. Да-а, то самое правило, в соответствии с которым космопех не должен был оставлять за собой жизненные формы (как живые, так и мертвые), которые могут вызвать распространение инфекций, либо послужить биологическим материалом для ксеноморфов или схожих с ними существ.

— Нам все равно нечем их сжечь, — сказал наконец Пахан. — Не бенз же из бардаков сливать — только хуже сделаем. Вернемся, нормально подготовимся, и уже со всей кучей разберемся.

— Ладно, давай, — согласился Ярик. — Все, по машинам.

Прежде чем уйти, Машкин установил у норы взрывпакет с отведенным детонатором и копеечный датчик движений. После этого семь человек двинулись прочь от опасной зоны. Возможно, прорвопендры и не были настолько опасны, насколько их боялись бойцы, но рисковать жизнью, связываясь с неизвестными существами никто не спешил. К тому же все видели, с какой скоростью эти твари перемещаются и поедают мягкие ткани.

Уже на обратном пути, неподалеку от границы действия детонатора, установленного Машкиным взрывпакета, сработал датчик движений. Пахан включил на своем РЛК камеру.

Просевший грунт отсутствовал. У края ямы на дыбах стояла метровой длины прорвопендра, и выбирала, во что бы ей вцепиться. В предвкушении пиршества челюсти ее шевелились. Но она словно старалась держаться подальше от некоторых лежащих на поверхности трупов. Тут тварь шевельнулся, и мгновение спустя уже вгрызлась в тело лежащего рядом прорвокуста. Пашкин взрывпакет оказался прямо у нее под брюхом.

— Асталависта, бэйби, — выдал Пахан фразу из старого фильма и активировал детонатор.

Со стороны крематория грохнул взрыв. Минус один ползучий шустрик.

5, Прорва, российский комплекс, подземные лаборатории. 28.06.2087 05:15 (23:15)

Аппарат идентификации ДНК прекратил мерное гудение, внутренние центрифуги завершили бешеное вращение, и компьютер выдал положительный результат. Образец K2806-14 — один из материалов, собранных у крематория — успешно идентифицирован. Объект — Кубышкина Людмила, девушка-ученый из пятой экспедиции.

Алена, закрепленная за определившим останки Кубышкиной аппаратом, занесла полученные данные в базу. Затем вновь погрузилась в ожидание — следующий результат не заставит себя долго ждать.

День Прорвы был на исходе, приближались сумерки. Космопехи планировали усиление постов. Ученые работали с добытыми у крематория образцами. Все они собрались в одном помещении, и к ним прикрепили лишь двоих солдат — Бирюлева Ваню и Горобца Артема. Оба спокойно похрапывали, развалившись на сиденьях. В принципе надобности в охране не было — что могло случиться с учеными в их же лаборатории? Разве что случайно перевернут себе на голову колбу с реактивом — но в этом случае мужики с автоматами не помогут.

Ученые, как и космопехи, начали потихоньку клевать носом — с момента подъема прошло уже около суток. Калашников и Сумаев давно отправились на боковую. Калашников сказал, что все равно ничего не понимает, а Артур заявил, что после того как целый день

таскал распотрошенные тела, заслужил отдых. Тимур (который весь день работал бок о бок с Артуром) сидел на своем рабочем месте, и невидящим взглядом следил за очередным аппаратом, вращающим образец K2806-29. Никита Пятаков устроился чуть в стороне от места основных исследований, и без особого энтузиазма экспериментировал с аминокислотами. Все остальные, усевшись плотным рядочком, гипнотизировали работающие с ДНК аппараты. Время от времени кто-то корректировал настройки. Но это редко — когда доводилось работать с очень уж запущенными материалами.

Ребята все еще были в защитных костюмах. Снять их разрешили — по комплексу уже прошлись дезинфицирующими струями, а Зинка вычислила источник заражения. Правда, все еще опасались медицинского комплекса... но с этим пока ничего не сделаешь — прежде чем вычищать этот свинарник, нужно демонтировать уцелевшее оборудование, а в первый день времени на это не нашлось. А некоторые исследуемые образцы имели такой вид, что многим наоборот хотелось надеть второй защитный костюм прямо поверх первого.

Следующей сдалась Зинка — послала образцы по всем известному адресу и отправилась спать.

Минут через пять после этого завершился еще один анализ — K2806-61. Тот самый, полученный со свеженького тела, хозяин которого взорвал в руках гранату. Оставшиеся в строю девушки и Кирилл посмотрели на результат. Личность идентифицирована — очередной ученый пятой экспедиции, Стиллец Андрей. Внезапно... это же один из четырех гонзов, оставшихся под командой у сержанта Копылова в неработающем комплексе. Если судить по свежести тела — именно Стиллец довел медицинский корпус до состояния полной разрухи.

Полтора часа назад были идентифицированы останки Тищенко — еще одного члена шайки Копылова. Учитывая повешенного Бубнова, получается, что обнаруженными остались лишь сам Копылов и четвертый ученый, Карпенко. Впрочем, у крематория осталась куча несобранных образцов — вполне вероятно, что Карпенко лежит себе в той куче и преспокойно разлагается.

Аппарат, выдавший информацию по Стиллецу, указывал, что ДНК гонза изменилось на семьдесят восемь процентов. Вот это да! Раскрутить такую сложную цепочку мутаций дорогого стоит. Их собственный аппарат, оставленный в штабном транспортёре, такой образец обработать бы не сумел.

Алена вспомнила заляпанную гнилью гранату, с которой работала днем. А ведь принадлежность гнили определить так и не удалось... А не попробовать ли прогнать ее на этом оборудовании?

Самой идти за гранатой было лень — Алена так удобно расположилась между тепленькими Сашей и Верой. Тимура просить тоже не стоит — заснул бедняжка прямо с открытыми глазами.

— Кири-илл, — жалобно протянула Алена. — Будь другом, сходи за той гранатой.

— Она где? — спросил Кирилл.

— В транспортёре, где же еще! — фыркнула Алена. — Сам же блин ее там оставлял.

Кирилл с неохотой встал, потянулся, и направился к выходу. Когда он проходил мимо космопехов, Горобец встрепенулся.

— Вы куда? — спросил он.

— До транспортёра и обратно.

Горобец встал, проверил автомат и направился за Кириллом.

— Да один бы сходил, — сказал тот.

— Пойдем вдвоем, там уже темнеть на-а-а-ачинает, — преодолевая зевок, отмахнулся Артем.

Горобец и Губацкий удалились. Тут же — как будто платину прорвало — один за другим завершилось сразу пять анализов. Девушки поспешили занести в базу результаты. Уже обнаружены останки девятнадцати членов пятой экспедиции, ровно половина.

РЛК Алены заговорил голосом Кирилла:

— Куда ты гранату положила?

— Кирилл, ну ты совсем что ли? Стеллаж с образцами. Номер Л2806-1.

В принципе Кирилл был неплохим парнем, но иногда ему жутко не доставало самостоятельности. Вместо того чтобы запомнить, куда они вместе положили контейнер с гранатой, он будет трепать ей нервы.

— Нет ее тут, — буркнул Кирилл.

— О-о-о, — закатила глаза Алена. — Ну, тогда бери... м-м-м... Л2806-4. А гранату завтра найдем.

— Вот, этот на месте, — удовлетворенно сказал Кирилл, — тут... это ты материал с гранаты поместила?

— Да, — ответила Алена. Неужели... хоть что-то помнит.

— Ладно, возвращаюсь.

— Внимательнее будь, смотри не заблудись, — не удержавшись от колкости, вклинилась Оля.

Кирилл не заблудился, а может, ему помог сопровождающий его Горобец. Но как бы то ни было, час спустя девушки-ученые вычислили личность гонза-сапера. Предположения Алены подтвердились — растяжку поставил Карпенко, последний ученый Копылова.

6, Прорва, российский комплекс, двор. 28.06.2087 06:00 (24:00)

В динамиках космопехов тренькнул очередной сигнал о пересменке. Члены пятого отделения получили дополнительное уведомление о начале рабочих часов.

В принципе, эта рабочая смена обещала быть полной лафой — время позднее, вот-вот должно стемнеть. В темноте движение по комплексу ограничивалось, а рабочие усиливала своим составом посты.

Монгол дежурил в паре с воинственной Холоповой Юлей. Пересмена застала их во время патрулирования, недалеко от поста Стаса Кишкина и Ромы Прапорщикова. Монгол махнул приятелям и пошел к ним.

— Что, еще шесть часов и отбой? — утвердительно спросил он.

— Да в принципе можно и сейчас перерыв устроить, — сказал Рома. — До темноты час. Можно пойти, еды нормальной поесть.

— А я бы этот костюм снял, — пошевелил плечами Монгол. — Заебал он меня сегодня.

— Слыхал, чего вторые в крематории нашли?

— Слыхал... жесь вообще.

Рома хотел было позвать Монгола и Юльку в столовую, но тут к отделению обратился Ярик:

— Рабочая смена, смените двоих в лабораториях. Там ученые еще возятся.

— Прапорщикова, Кишкин. В лаборатории, — не заставила себя ждать Иродова.

Рома, было, разочаровано вздохнул, но понял, что там хотя бы удастся вздремнуть —

ученые все равно сидят на месте, никуда не выходят. Стас махнул сменщикам, и они с Ромой отправились в лабораторию.

От жилого корпуса приближались парни из четвертого отделения — их черед вставать на пост.

— Пост сдал, пост принял? — заспанным голосом спросил Зайкин Петруха.

— Ага, — Юлька повернулась к Монголу: — Пошли?

— Пойдем, — Монгол первым двинул в сторону жилых корпусов. — Что, как там Матвей? Я видел, он запЫхался сегодня?

— Хлипковат. И ручки натрудил, — ответила Юлька. Связалась с Иродовой: — Ну что Олесь, мы пока не нужны? До туманов же есть время?

— Пока нет. Я свяжусь, как надо будет.

Путь их шел мимо поста Волковых. Брат с сестрой стояли в компании прибывших сменщиков, Чебурека и Грошева. Вован, как обычно, рассказывал парням очередную байку. В этот раз — о начальнике мелкой подрядочной организации. Герой истории, как-то раз, будучи в нетрезвом состоянии, устроил большую пьянку, на которую спустил несколько миллионов рублей. Сейчас Вован рассказывал, как начальник лично навещал своих работников, забирал их из дому, и вез к себе.

Валя, сестра Вована, слушала эти истории всю свою жизнь. Сейчас она стояла в стороне и терпеливо ждала окончания. Увидев, как Волкова почесывает под левой грудью массажными функциями костюма, Монгол загорелся желанием. И тут же едва не засмеялся в голос — это же надо, баба стоит чуть ли не в скафандре, виден лишь ее конопатый нос, а реакция такая, что если бы не защищающая пах ракушка — заметили бы окружающие.

— Ладно, Юльчик, давай, — попрощался Монгол и подошел к Вале.

Валя без интереса посмотрела на Монгола — видимо хочет послушать, чем закончилась та пьянка. Но Монгол подошел не к брату, а к ней:

— Что, куда сейчас?

— Не знаю, в комнату, наверное. Костюм хочу снять.

— Я тоже, — Монгол махнул рукой на Вована: — пойдем, тут надолго.

И они оставили ее брата на моменте, когда раздобревший начальник принялся раздавать работникам деньги, суммы при этом в несколько раз превышали их месячную заработную плату.

Монгол не стал ходить вокруг да около, а сразу предложил Вале перепихнуться, пока есть свободная минутка. Валя тоже не стала изображать из себя недотрогу и скромницу, согласилась сразу. Они не были парой, и вообще редко контактировали. Но никто из них не видел ничего зазорного в удовлетворении физиологических потребностей. Он — мужчина, она — женщина, так природа задумала. И кто они такие, чтобы ей противиться?

Однако Валя отказалась идти в заселенный корпус, мол, там люди спят. Она потянула Монгола в четвертый жилой, где еще со времен первого заражения никто не селился. Монгол, было, заартачился — мол, там датчики движения активированы — взбудоражим посты. Но у Вали все было схвачено — на пост в центре управления зашла ее подруга из четвертого отделения — Кристина Трусова. Быстренько связавшись с ней по РЛК, Валя попросила отключить на время датчики в четвертом жилом. Вуаля — путь свободен.

Однако поднявшись на третий этаж, парочка едва не попала в зону действия еще одного, неучтенного, датчика. Его установил Буряев, когда взвод зачищал комплекс. Бойцы собирали их после активации, но этот, всеми забытый, остался висеть на потолке. Датчик был

простенький, напрямую связанный с РЛК хозяина, и охватывал половину коридора на третьем этаже.

Валя с Монголом ввалились в первую попавшуюся комнату, не дойдя до подконтрольного участка каких-то десять шагов.

«Пш-ш-ш» — разгерметизировался костюм Вали. Медленно, она начала разоблачаться.

«Пш-ш-ш» — ответил ей костюм Монгола.

1, Прорва, российский комплекс, в колодце. 28.06.2087 05:20 (23:20)

Уровень воды уверенно поднимался. Видимо, приближалась ночь.

Когда холодная жидкость коснулась босых пят Копылова, он недовольно зашевелился. О-о-о, воду он не любил очень сильно. Особенно после случая, когда на ночь глядя забрел вместе со своей стаей на затапливаемую территорию. Едва только солнце начало заходить за горизонт, к ним, с радостным кваканьем, подбежало какое-то земноводное существо. Оно явно намеревалось отобедать. Копылов же не мог допустить, чтобы существо утащило хотя бы одного из его работников, их и без того можно было пересчитать по пальцам одной руки. Тогда он бросился наперерез твари, и свалил ее с ног. А потом ломал, ломал и ломал хрупкие кости.

Но зато тварь попала на исследовательский стол, и ребята Копылова подробно ее исследовали. Он лично следил, чтобы они не волюнили, и нарезали тушу как можно мельче.

Копылов превосходно помнил свою цель — его послали найти какую-то важную вещь. Ради этого даже целую экспедицию собрали. Работников тогда было много, не то, что сейчас. Но группа была не сбитая, люди несработавшиеся, поэтому, прежде чем сформировалась нормальная стая, большинство погибло.

После этого прошло уже два года, и все это время люди Копылова усердно трудились. Но ни одной важной вещи, ни в ком из исследуемых существ они так и не обнаружили.

Еще утром Копылов возлагал большие надежды на новую экспедицию — все-таки свежие мозги, новый взгляд на вещи. А потом эти «якобы ученые» принялись черпать воду из колодца, где прятался Копылов. Полчаса, ведро за ведром... При этом (если судить по доносившимся сверху звукам) они воодушевленно обсуждали увиденное. Вот тогда-то он и понял, что толку от них как с куста молока. Вместо того чтобы играть с водичкой, лучше бы ознакомились с работой, проведенной НАСТОЯЩИМИ учеными. Ими забит весь медицинский корпус — вникай не хочу.

Эх, жаль, что из бывлой команды остался один только Карпенко. А какая была команда! Больше всего жаль Стиллеца — его работа выглядела тщательнее других. И зачем он связался с гранатой? Это же сложное, непрофильное для него оборудование. Она взорвалась у бедняги прямо перед носом. Зато после этого Карпенко разобрался-таки в этой штуковине. А новым ученым такой успех и не снился!

Еще жаль, что перегорел Бубнов. Усердно трудился, а потом раз — и взбунтовался. Женщины ему, видите ли, захотелось... да и еще в рабочее время!

Женщины имелись только у французских коллег. Стая Копылова была с ними в очень натянутых отношениях. Слишком большое значение Дезарт (тамошний вожак) уделял межполовым связям. И когда Бубнов надумал сменить стаю, Копылов это быстро пресек. А потом подвесил дезертира прямо посреди лаборатории, не забыв оставить записку, чтобы остальным неповадно было.

Еще был Тищенко, но этот — самый настоящий балласт. Постоянно твердил, что Стиллец, Бубнов и Карпенко все делают неправильно, а правильно — рыться в каких-то бумажках. Копылов быстро понял, что к чему, и избавился от неумелого работника.

Вода уже дошла до щиколоток и начала серьезно беспокоить Копылова. Хватит

отсиживаться, пора выбираться из убежища. Он итак сидит тут с самого утра, едва заведя в небе космический челнок. То, что челнок с новой экспедицией рано или поздно прилетит, Копылов не сомневался. Для того он и организовал это убежище, продолбив в стволе колодца боковое ответвление. И он не ошибся — шумкой его накрыло лишь слегка. Правда, и от этого он едва не завыл.

Копылов осторожно выбрался из укрытия. Не должно быть ни единого всплеска, ни малейшего шороха, иначе посты новичков его засекут, и потребуют объяснений. Копылов пока не в состоянии доказывать им свою нормальность, поэтому следует ждать, пока новички не свыкнутся с местными реалиями.

М-м-м, ведь их наверняка не меньше десятка. Хотя они и полные дилетанты, Копылов найдет применение такой рабочей силе.

Копылов был бос — обувь сковывала движение его потрясающих ступней. Носил он недавно снятое с тела Стиллеца тряпье. Стиллец был таким чистюлей... К моменту, когда одежды остальных расползались от любого прикосновения, его комбинезон был в полном порядке. Правда, Копылову пришлось разорвать его в двух местах, чтобы он не стеснял движений.

В руке гонз сжимал кухонный нож. Копылов никогда с ним не расставался. Он прямо-таки видел, как разрубает им надвое любого врага.

Когда-то его нож и в самом деле был острее бритвы. Сейчас же он безнадежно затуплен — ведь им изрезали не меньше сотни тел, не особо заморачиваясь о попадающих костях, прутьях, сухожилиях и вообще о твердых материалах.

Еще Копылов не любил растущие на лице волосы. Поначалу он срезал их ножом, но потом тот перестал справляться. Тогда Копылов просто стал выдергивать волосы пучками.

В общем, бывший сержант действительно имел очень странный внешний вид. Босой оборванец с коркой кровавых корост на лице, через которые проступают остатки волос. Да еще и с тупым зазубренным ножом. Весьма непрезентабельно, особенно на фоне лощеных новичков.

Гонз растопырил конечности, уперся ими в стенки ствола. Руки и ноги по отношению к телу непропорционально длинные. Обрывками старой памяти Копылов помнил, что раньше его руки были настолько слабы, что он и суток бы на них не провисел. Это последние два года они заметно укрепились. Вообще, чтобы добраться до поверхности, было достаточно и двух конечностей. А с четырьмя он буквально взлетел.

Выбравшись наверх, он припал к земле, размышляя, куда ему теперь податься. Первым делом необходимо проверить, как сработала граната, которую так гениально установил Карпенко. С позиции Копылова заминированный спуск в лабораторию выглядел нетронутым. Но это ведь не показатель, наверняка внутри все завалено ошметками этих дилетантов, вообразивших себя учеными. Копылов аж заурчал от предвкушения такой картины.

Идти в открытую он не решил — все-таки еще светло. Но у колодца его могут засечь из жилых корпусов — достаточно кому-нибудь выглянуть в окно. Недалеко от колодца шагали две фигуры в защитных одеяниях. Видимо патруль. Копылов слышал их разговор, но не различал слов. Некоторые словосочетания были знакомы, но общий смысл ускользал.

Дождавшись, когда фигуры в скафандрах развернутся к нему спиной, гонз беззвучно побежал к спуску «А». Чтобы быть менее заметным он прижимался к земле, и, словно обезьяна, переходил на четыре лапы.

Оказавшись у спуска, Копылов сразу же заглянул внутрь.

И остолбенел.

Мало того, что внутри не было ни останков тел, ни прочих разрушений, так еще и сама граната, установленная Карпенко, пропала!

Видимо что-то он сделал не так...

Чтобы Копылова не засекли со стороны двора, он укрылся между кабинкой спуска и ограждением комплекса. Задумался. Куда же новички дели гранату? Скорее всего, уволокли в подземную лабораторию. Туда Копылову точно нет ходу, он уже два года не может туда попасть...

Гонз выглянул из-за кабинки и уткнулся взглядом в ряд машин. Тех самых, на которых приехали новички. Штабной транспортер выглядел многообещающе — в таких тоже есть научный уголок.

Копылов сорвался с места и через пару мгновений оказался внутри транспортера — двери были не заперты. Его граната, ЕГО собственность стояла на стеллажах в дальнем конце салона, упакованная в какой-то прозрачный контейнер. С гранатой что-то было не так. Раньше она выглядела по-другому. Не было штырька с висящими на нем скобой и колечком. Видимо новички умудрились ее разобрать, а половину частей растеряли. Заклокотав от ярости, Копылов схватил контейнер, и выскочил из транспортера, спрятавшись за все той же кабинкой спуска.

Гранату желательно отдать Карпенко, но он сейчас за периметром, отрезанный активированным ограждением. В принципе, не критично — у Карпенко при себе еще две такие гранаты. Но он же неправильно в них разобрался... об этом нужно срочно сообщить!

Куда Карпенко пойдет, оказавшись вне дома? Как только выступит туман, наверняка попытается проникнуть внутрь. А если не получится — двинет к французам. По крайней мере, Копылов так бы и сделал, окажись он на его месте.

Из кабинки, за которой сидел Копылов, слышались шаги. Две пары ног поднимались по крутой лестнице. Гонз затаился. На поверхность выбрались двое — парень в зеленом костюме с огнестрельным оружием в руках и еще один парень в желтом — наверное, новый ученый. В руках у желтого ничего не было! Ой, ну что же это?! Нельзя ходить с пустыми руками! Если ты куда-то идешь, обязательно должен что-нибудь нести! В этом святая основа основ любой работы! Придется его поучить...

Желтый скрылся в штабном транспортере, а зеленый остался снаружи. Копылов спрятался. Через какое-то время оба новичка двинулись назад. Нарукавный компьютер желтого что-то говорил женским голосом. Когда-то у Копылова тоже был такой компьютер, пока он не понял, что именно через него бывший глава их экспедиции — дезертир Токарев — следит за ним и его стаей. Тогда Копылов разбил все РЛК, какие только смог найти.

Новички забрались обратно под землю, а Копылов на какое-то время завис. Наступили сумерки. Он все еще не двигался с места. По двору, сменяя друг друга, стали ходить космопехи (слово всплыло в памяти Копылова лишь на один миг, и вновь забылось). Потом и вовсе стемнело.

После двух часов медитаций Копылов, наконец, очнулся. Сразу дали о себе знать насущные вопросы. Где ему укрыться? За этой кабинкой рано или поздно пройдет патруль. Убежище в колодце затоплено до утра. Есть еще удобное место в центре управления, но мозги подсказывали, что такой стратегически важный объект без внимания не оставят. Медицинский корпус... но там развернута лаборатория его подчиненных. Рано или поздно

дилетанты закончат страдать ерундой, и отправятся изучать настоящую науку. Выходит, лучше всего укрыться в одной из жилых комнат, их всегда в избытке. Заселен ведь только первый корпус, а остальные три — полностью в его распоряжении!

Решение было принято, и гонз перебежками двинулся к жилым корпусам. Воспаленному мутировавшему мозгу даже в голову не пришло, что новички могли поселиться не в первом корпусе, а в каком-нибудь другом. Но ему повезло — новички квартировали в третьем, а он выбрал четвертый.

Про датчики движений Копылов тоже не вспомнил. А зачем про них помнить, если два года в комплексе не было энергии, и все излишества были простой декорацией. Но сейчас ему вновь повезло — датчики здесь не работали. Их выключила Трусова по просьбе своей подруги Волковой.

Пытаясь найти убежище как можно дальше, Копылов поднялся на третий этаж. Он уже было приготовился войти в одну из комнат, как вдруг из-за соседней двери до него донеслись жуткие стоны.

Гонз подошел ближе, и тут его накрыло. Эти стоны вызывали у него странную реакцию тела. Голова кипела — подсознание пыталось припомнить связанные с этими звуками важные факты.

Копылов почувствовал, что хочет ворваться внутрь и... разорвать стонущую там женщину! Да, именно женщину, в этом он не сомневался. Женщины — основной враг науки! Из-за них он потерял Бубнова, а теперь опять они!

Копылов потянулся к двери, и замер. В левой ладони был зажат контейнер с гранатой. Не-ет, рисковать он не может — он обязан передать своему подчиненному важную информацию. Но эти стоны...

Зажав уши тыльными сторонами ладоней, Копылов побежал по коридору, лишь бы не слышать раздражающих его сознание звуков.

Включенный датчик движений, единственный во всем здании, уловил несущуюся фигуру.

В соседнем корпусе завибрировал РЛК младшего сержанта Буряева, смотревшего уже третий сон.

2, Прорва, российский комплекс, жилые корпуса, комната младшего сержанта Буряева.
28.06.2087 07:50 (25:50)

Рефлекторно, даже не успев проснуться, Ярик выключил оповещение. В годы юности он бы спокойно уснул дальше, но теперь... Служба оказала заметное влияние на чувство долга, и он даже во сне чувствовал вину за какие-то невыполненные обязанности.

Наконец, Буряев вышел из пограничного состояния, и еле-еле разлепил глаза. Часы показывали «07:53 (25:53)». Да он же лег меньше двух часов назад, чего надо-то...

Ярик приблизил к лицу светящийся экран РЛК, попытался разобрать, что за сообщение ему пришло. С минуту он не понимал, причем тут он и датчик движений. Уже потом он понял — нужно внимательнее следить за казенным имуществом.

Ярик запустил заснятое забытым датчиком видео. На записи кто-то бежал, причем резкость навелась слишком поздно — бегун уже покинул зону охвата. Все, что разглядел Ярик — фигура была без защитного костюма.

Ну ладно, запись-то сделана в жилом корпусе, кто-то решил заняться спортом и побегать по коридорам. Полный, конечно, дебилизм, но странностей в их взводе хватает. Вот

только... датчик висит в четвертом жилом, где сейчас никого не должно быть.

В общем, нужно сообщить постовым. Кто там сейчас главный? А-а-а, Конча.

Ярик выбрал канал, и заговорил осипшим ото сна голосом:

— Конча, прием. Это Ярик. У меня тут датчик сработал. Отправь кого-нибудь. Пусть проверят.

— погоди, — не понял тот. — Какой датчик? Где сработал? Куда кого отправлять?

Ярик попытался собраться с мыслями. Получалось плохо.

— В общаге, в четвертом здании... Я датчик забыл снять.

— Да чего ты гонишь, там все здание в датчиках. Тебе приснилось что ли? — все еще не врубался Конча.

— Лови видео. И доступ к датчику, — сказал Ярик, и переслал информацию.

Полминуты Конча молчал, потом брякнул «мля», и переключился на другой канал, скорее всего на дежурных в центре управления. Ярик сел в кровати. Сон наконец-то отступил. Снова заговорил РЛК:

— В общем, Ярик, херня какая-то. Трусова говорит, что в здание входили Монгол с Волковой, но связаться с ними она не может. Никакой другой движухи не засекла... Короче, мы сходим, проверим. Потом уведомлю, что это было.

— Хм, ну лады, — хмыкнул Ярик.

Буряев подумал, что уже вряд ли заснет. Уж очень подозрительна та фигура на видео. Ну и чего тогда сидеть? Он встал и поспешно принялся облачаться. Надел белье, на секунду задумался — достаточно ли простой каски и бронника, или снова натягивать БХЗ-В? Решил обойтись без биологической защиты. Натянул форму, бронежилет, шлем, разгрузку с магазинами. Сунул в кобуру пистолет, повесил на пояс ножны, вытащил из-под кровати очередную модификацию самозарядного ружья Вепрь-12.

В условно опасных зонах Ярик всегда спал с оружием. Это правило выработалось еще на срочной службе. Довелось ему тогда стоять на границе заселенной зоны очередной колонии. На той планете обитали самые настоящие вампиры — неразумные гуманоиды, бесшумно проникающие в жилища, и сосущие у людей кровь. И забрались к ним в казарму вампиры... Умудрились обойти все посты, и забраться к спящим. Пятерых ребят выпили досуха. А затем настала очередь их тогдашнего взводного. Взводный тот был воробьем стреляным, и без оружия в постель не ложился. Когда к нему присосалась инопланетная тварь — он тут же саданул ее дробью. Таким образом, он и тревогу поднял и кровососа прикончил — одного заряда в грудь им за глаза. А наличие в том заряде серебряных дробинок никакой роли не играло.

Подчиненных Ярик будить не стал — некрасиво лишать их четырех часов сна. Буряев вышел на улицу. Вовремя — шестеро бойцов четвертого отделения как раз подошли к соседнему корпусу.

Грошев и Ефимов насторожились, но потом узнали Ярика.

— Я с вами пойду, — сказал Буряев. — Заодно датчик свой заберу.

— Давай, — кивнул Конча. — Ишимов, Солодов — здесь. Ярик, остальные — пошли.

И пятером они вошли внутрь. Трусова говорила, что доступа к комнатам у нее нет, а в коридорах никто не движется. Ярик хотел было предложить начать повторную зачистку всех комнат, но ради этого пришлось бы припахать человек двадцать как минимум. Поэтому они направились напрямик на третий этаж, к сработавшему датчику. Заберут, осмотрятся, и оттуда уже начнут поиски.

На третьем этаже стало ясно, почему Монгол и Валя не отвечают — за предоргазными воплями сложно ощутить вибросигнал РЛК. Пока Буряев снимал свой датчик, Конча и Чебурек встали возле «шумной» комнаты. Немного помедлив, Кочна сильно, от всей души, постучал.

Женские крики смолкли. Однако теперь стало слышно мужское сопение. Начались звуки препирания, и Конча, постучав еще раз, распахнул дверь.

— Вы не охуели ли? — спросил он с порога. — Вам же блядь выделили комнату, там и трахайтесь!

Отряд вошел внутрь. Валя просто прикрылась простыней, а вот Монголу пришлось тяжело — парень был уже на самом финише. Глядя как матерящийся Монгол пытается застегнуть штаны, позабыв про препятствующий тому половой орган, космопехи заржали.

— Ишимов... Солодов... Отбой... — сквозь слезы пробормотал Ефимов. — Тут свои.

— Вас датчики засекли, — подавив улыбку, сказал Конча. — Если спалились — хотя бы на вызовы отвечайте. Мы из-за вас чуть весь взвод не подняли.

— Кристина... — зло прошептала Валя. Такой подляны от Трусовой она не ожидала...

— Короче я спать пошел, — заглянув, бросил Ярик. Заржал, посмотрев на Монгола: — А ты иди штаны стирай! — и ушел под хохот четвертого отделения.

Когда Буряев спускался по лестнице, обнаружил на ступеньках пыльные следы босых ног. Первой мыслью было вновь поднять переполох. Рука уже потянулась к РЛК, но потом Ярик вспомнил, что Монгол сейчас как раз бос. Буряев уже пошел дальше, но вновь задумался. Размер следов куда больше, чем нога у Монгола. Да и с чего ради Монголу ходить босиком по лестнице?

Неужели гонзы? Да нет, все же проверили, нет их нигде. Может сюда еще кто-нибудь перепихнуться пришел?

«Все-таки нужно провести перекличку» — подумал Ярик и двинулся к выходу. А потом произошло сразу несколько быстрых событий. Где-то наверху, будто бы выбитая изнутри, грохнула о стену дверь. С лестницы послышались частые шлепки, словно кто-то босой ступает по кафельному покрытию ступеней. А в динамиках Ярика раздался тревожный голос Трусовой:

— Со второго этажа кто-то бежит! Он уже на лестнице! Ярик, рядом с тобой!

Ярик метнулся в сторону от проема, вскинул ружье, присел на колено.

Это был гонз Копылов. Он едва не сорвался на занимающихся сексом новичков, и спрятался в одной из комнат на втором этаже. Пытался прийти в себя, боролся минут десять-пятнадцать. Но потом нервы лопнули и он побежал... прочь из этого здания, с этими будоражащими сознание стонами.

Буряева, занявшего позицию у лестницы он даже не заметил. Ярик тоже не успел среагировать. Гонз мчался очень быстро. Вот он еще приближается сверху, а через одно мгновение уже проскочил мимо, покинув зону уверенного поражения.

Ярик сделал пару шагов вслед размахивающей непомерно длинными руками фигуре. Ноги ее передвигались так быстро, что казалось, что их как минимум шесть.

— Гонз! — закричал Ярик в общий канал. — Гонз, блядь! Гонз в жилом корпусе, четвертый корпус, первый этаж, приближается к выходу! — орал Ярик на бегу. Фигура уже скрылась за поворотом.

У выхода все еще дежурил Солодов Валера. Но в момент появления Копылова, он как раз отвернулся, что-то увидев на другом конце двора.

Копылов заметил стоящего на посту бойца, который почему-то таращился в другую сторону. Такое пренебрежение обязанностями рассердило гонза еще сильнее. Приоритеты вмиг поменялись, и он, вместо того, чтобы искать убежище, рванул к Солодову.

Валера услышал шум, начал поворачиваться, но было поздно... Гонз бросил на землю свою важную ношу (разряженную гранату и тупой кухонный нож), схватил разгильдяя за плечо, и со всей силы дернул на себя, встретив мощнейшим ударом кулака в лицо.

Руки у гонза были что надо... а инерция, с которой Солодов соприкоснулся с кулаком, удвоила силу получившегося удара. Защищающая лицо космопеха пленка-пластик глубоко прогнулась, и с треском лопнула, оцарапав ему нос и вырвав кусок щеки.

Валера ощутил, как встряхнулись в его голове мозги. В глазу что-то смачно чавкнуло. Сознание померкло. Последнее, что он почувствовал — как заваливается вперед, закручиваясь при этом вокруг своей оси.

Копылов еще раз ударил падающего бойца, но удар смазался — кулак прошел вскользь по защитной маске. Но поверженный космопех итак развалился под ногами гонза, и признаков жизни не подавал.

Однако торжествовал Копылов не долго — за спиной, из нутра ближайшего здания, приближался топот тяжелых ботинок.

Это был младший сержант Буряев. Он только подросел к выходу, и уже взял гонза на прицел. Но тот среагировал быстрее — подхватил свои вещи, и так быстро сорвался с места, что тело Солодова присыпало вырвавшейся из-под ног почвой. Гонз бежал, виляя почище любого зайца. Вскоре Ярик понял, что не попадет, и кинулся следом, стараясь не потерять чудо-спринтера из поля зрения.

— Гонз движется!.. к центру правления!.. нужна помощь! — кричал Ярик на бегу.

Копылов ураганом залетел внутрь здания. Поступил отчет от Трусовой — они с напарником забаррикадировались в главной комнате. Ярик остановился перед входом, пару секунд подышал и шагнул внутрь. Спина гонза мелькнула на лестнице и нырнула на подземный уровень.

«Идио-о-оты! Дилета-а-анты!!!» — мысленно сокрушался Копылов, — «Чего они за мной гоняются?!»

— Ярик, мы уже подходим, жди нас, — говорил Конча.

— Он в подвале, — ответил Ярик, подойдя к лестнице.

А потом пошли запросы помощи для раненого Солодова. Блин, Конча сейчас из-за него задержится.

Лестница на подземный уровень была хоть и широкой, но заставлена всяким барахлом. Точнее, это были стеллажи с оборудованием, да стойки с запасными серверами. Когда тринадцатая экспедиция прибыла на Прорву — все так и стояло. Эх, жаль, что не хватило времени это разобрать — они только путь расчистили, чтобы ходить вверх-вниз.

Ярик миновал пару шкафов и замер посреди лестницы. Внизу, у самого подножия стоял гонз. Грязный, небритый, весь в кровавой коросте, длинющие руки и ноги полусогнуты — явно готов бежать. Ярик узнал его — это был сержант Копылов из пятой экспедиции. Вожак оставшихся в комплексе гонзов. Где же он все это время прятался?

Взгляд Копылова был жалобным как у загнанного зверя. Так показалось Ярику. На самом же деле гонз старался смотреть заискивающе и... по-союзному. Ведь они не враги!

Копылов не зря спустился на подземный уровень корпуса управления — он знал, что тут много важного оборудования. Здесь в него не посмеют стрелять — есть опасность что-либо

повредить.

— Понимаешь меня? — крикнул Ярик, беря его на прицел. — Тогда на колени! Руки за голову!

Для Копылова его речь была пустой белибердой. Он понял, что новичок ему попался туповатый, который не в силах разобрать его гениальную пантомиму. Ну что ж, значит нужно попытаться договориться с другими. Потеряв к Ярику интерес, Копылов скрылся в глубине подземного уровня.

— Стоять!!! — раздосадовано крикнул Ярик. Нужно было стрелять! Зря он решил, что в глазах гонза промелькнула искра разума. Он вновь активировал связь: — Это Копылов. Гонз — Копылов. Он в подвале.

Копылов ушел в левое крыло. Схему подвала Ярик помнил — тот коридор заканчивается тупиком, а все оборудование — сплошь запасное. Срочно нужно заблокировать выход, иначе придется прочесывать весь подземный уровень.

Ярик ломанулся вниз. Сейчас он обрубит гонзу пути для отступления... Уже спустившись, он вспомнил, что над всеми коридорами идут достаточно широкие вентиляционные ходы. В какую бы западню Копылов не угодил, выбраться ему труда не составит.

— Сука, — прокомментировал Ярик свою позднюю сообразительность.

Так что делать? Либо кидаться назад, либо все же прижать его наверняка. Стоящий в воздухе едкий запах немытого тела разъедал ноздри и мешал сосредоточиться. Немного подумав, Ярик решил, что нужно гонза кончать, иначе потом запаришься его тут искать. Бесшабашная уверенность захлестнула младшего сержанта Буряева, и он поспешил вперед, за скрывшимся за поворотом гонзом.

Копылов понял, что его все еще преследуют, и вновь побежал. Очень скоро уперся в тупик. Секунду спустя появился Ярик, и, не мешкая, начал стрелять. За мгновение до этого Копылов подпрыгнул, и, отталкиваясь от стен, взвился к потолку. Там он выбил вентиляционную решетку, и за какие-то доли секунды втянулся в шахту. Все три выстрела, которые успел сделать Ярик ушли в молоко.

Стрелять в потолок Буряев не стал. Там шел кабелепровод, повредить который он не имел никакого права — еще оставит комплекс без обороны или без энергии. Делать нечего — придется прочесывать весь уровень вместе с вентиляцией.

— Он в вентиляции на подземном уровне. Буду пасти его у лестницы, — сказал Ярик и поспешил назад.

— Мы уже в здании, спускаемся к тебе, — доложил Конча.

— Ярик, в подвале нет вентиляции! — внезапно закричала в динамиках Иродова. — Там площадка-коридор для ходьбы, под вентиляцию заделанный! Провода они там обслуживают что ли... Все остальное — потолок декоративный! Ты понял?! Он в любом месте может спуститься! — тараторила Олеся.

Ярик, рванувший было к лестнице, застыл. Ладонки вспотели, дыхание участилось. Вот это залез так залез. Поборов первый приступ паники и желание бежать бегом, он развернулся и направился к тупику, в который совсем недавно загонял гонза. Сделал первый шаг, второй... Да, все правильно — в тупике будет удобнее обороняться и ждать подкрепления. Третий, четвертый... Бросил быстрый взгляд на потолок, прислушался... вроде тихо. Пятый, шестой, седьмой. Вряд ли гонз еще здесь — наверняка улепетывает сломя голову вглубь уровня... инстинкт самосохранения у них сильный. Восьмой, девятый, десятый

— полпути прошел, нужно торопиться...

А Копылов был в ярости. Мало того, что по нему стреляли свои, так еще делали это в самом святой из святых — в центре работающего оборудования! Этот дебил с ружьем наверняка уничтожил немало ценного. Да-а, необходимо его наказать...

Копылов прыгнул на одну из потолочных плит декоративного потолка. Та с глухим хрустом рассыпалась, и гонз приземлился прямо за спиной у тупорылого солдата.

Ярик не успел отреагировать. Копылов еще в полете обхватил его левой рукой, а сжатой в правой ладони рукой принялся наносить частые колющие удары в спину.

Керамическая пластина бронежилета треснула. Кевлар выдержал тупое загнутое острие, однако самому Ярику мало не показалось. Дыхание перехватило, тело выгнулось. После шестого удара Копылов понял, что этим оружием сложно навредить человеку. Взгляд его наткнулся на рукоятку боевого ножа в ножнах новичка. Издав победный клич, Копылов выхватил этот нож и со всего размаха, сверху вниз, нанес сокрушительный удар в затылок Буряева.

Кончик ножа не соскользнул со сферической поверхности титанового шлема — он умудрился его пробить. Войдя внутрь на пару сантиметров, нож застрял. Удар был чудовищной силы. Руку гонза прошила боль, из нее выскользнула рукоятка. В шее Ярика что-то хрустнуло.

Буряев, пытаясь справиться с пугающей болью, отзывающейся во всем теле, вытаращил глаза и сжал кулаки. Заплясали белые звезды, глухой гул заложил уши. Заваливаясь лицом вперед, Ярик уже ничего не видел и не слышал.

Копылов попытался вытащить из головы наказанного новичка этот замечательный нож, однако тот застрял очень прочно. Голова Ярика безвольно моталась из стороны в сторону, но нож не поддавался. Копылов собрался было упереться ногой в затылок, но ему помешал топот нескольких пар ног. Пора сваливать! Но что же взять с трупа? Его дробовик! Это конечно не нож, но тоже неплохо.

Ружье лежало под телом. Гонз пнул его ногой, переворачивая на бок, и дернул за ствол. Но Буряев все еще крепко его сжимал. Копылов дернул сильнее, потные пальцы Ярика скрипнули по прорезиненной рукоятке, и оружие перешло к гонзу.

Для здоровенных ручищ Копылова «Вепрь» был маловат, но другого у космопеха не оказалось. Пистолет в кобуре гонз даже за оружие не посчитал. Схватив трофей, Копылов поспешил забраться на верхнюю площадку. По ней так удобно миновать этих горе-воjak.

1, Прорва, российский комплекс, подземный уровень корпуса управления. 28.06.2087 08:15 (26:15)

Ефим активировал на костюме «сверхчувствительные пальцы», и склонился над Яриком, пытаясь нащупать пульс. Конча, Чебурек и Грошев встали вдоль стен, стараясь держать под контролем не только коридор, но и потолок.

На помощь к Ярику они опоздали не больше чем на минуту. Потеряли много времени возле Солодова, нужно было убедиться, что гонз не завладел его оружием. Да и сам Солодов был плох — забрало треснуло, лицо в крови. Массажные функции костюма вышли из строя, и Валера не мог даже протереть залитые кровью глаза. На какое-то время он точно выпадет из строя, даже если умудрится не заразиться. Не везло ему на этом задании — сначала облевался, теперь в морду получил.

Ярику досталось куда больше. Увидев лежащее на боку тело, из спины и затылка которого торчали ножи, Конча решил, что Ярик мертв. Сразу же сообщил в общий канал о первых потерях и пропавшем «Вебре». Да, теперь гонз вооружен. Хорошо хоть не прихватил набитые магазинами подсумки, патронов у него всего девять — емкость магазина двенадцать патронов, три из которых Ярик успел расстрелять.

— Живой, — вдруг сказал Ефим. И воскликнул громче, требуя от командира немедленной реакции: — Жив!

Секунду Конча рассматривал натекающую из-под головы Ярика лужу крови. «Как живой? Это разве не мозг кровоточит?» — думал он. А потом спохватился:

— Мля! Чеба, Грошик, хватай его! Ефим, голову держи. Взвод! Срочно требуется медицинская помощь! Буряев живой! Мы выходим.

Стрельцов повел группу к выходу. Он отчаянно вертел головой, пытаясь в одиночку контролировать все точки возможного нападения. Грошев и Чебурек справлялись, хоть и не просто было аккуратно нести девяностокilограммовое тело в бронежилете и с боезапасом. Ефим держал голову, окровавленный шлем скользил в пальцах, голова норовила выпасть. Ефим старался ни в коем случае не задеть торчащий из нее нож. Вообще, нож, пронзивший сферу титанового шлема, выглядел достаточно дико. Не каждая пуля возьмет этот шлем, что тут говорить о ножах?

У лестницы им помогли Петруха и Остап, что стояли у выхода с подземного уровня. После подоспело отделение Иродовой. Точнее все отделение, кроме Монгола и Вали, еще не успевших привести себя в рабочее состояние. Ярика уволокли к ученым, именно на них возложили обязанности медиков.

Космопехи же начали думать, как выкурить из подвала гребаного гонза. Это же лабиринт из коридоров в сотню квадратных метров... Занятие не из простых, особенно если учесть, что Копылов теперь вооружен не зазубренным ножиком.

Внизу грохнул одиночный выстрел — Копылов пытался разобраться со смутно знакомым ему оружием, и случайно пальнул в пол. Сначала пальнул, а потом проклинал себя последними словами. Он был уверен, что выстрел нанес непоправимый ущерб ценному оборудованию, коим был заставлен весь уровень. По сути же никакого ущерба не было, разве что у безумца стало одним патроном меньше.

В центре управления организовали что-то вроде штаба, где разместились Водников, Уткина, Коршунов и еще трое бойцов. Настя приставила половину своего отделения к ученым — им вроде как потребовался какой-то аппарат, который все еще имелся в медицинском корпусе, и шайка Копылова до него не добралась. Буряеву повезло, что работы в медкорпусе оставили на завтра — уцелевшее оборудование демонтируют, все необходимое вынесут, а остальное сожгут или хотя бы просто законсервируют.

Подошел Степник во главе только что проснувшегося второго отделения. Отряд встал на лестнице в подвал — это было единственное место, где гонз может попробовать проскочить. Лестничный пролет все еще был заставлен шкафами с оборудованием. В этот раз они сыграют космопехам на руку — ненормально широкий проход превратился в узкий, легко простреливаемый, коридорчик.

На охоту за гонзом отправились четвертое и пятое отделения, поделившиеся на две группы каждое. Вооруженные тактическими щитами и тепловизорами, они тщательно прочесывали подземный уровень.

Копылова обнаружила группа, возглавляемая ефрейтором Белоноговой. Гонз устроился на треклятой площадке, замаскированной под потолок. Сразу открывать огонь он не рискнул — чернокожий боец, что вышел из-за угла, прикрывался внушительного вида щитом. Фазанов Диман (а это был он) знал, что щит выдержит попадание, поэтому спокойно смотрел в ствол направленного на него «Вепря», лишь шикнув шедшему следом Монголу, чтобы тот оставался позади.

Копылов не любил патовые ситуации, поэтому решил использовать все имеющиеся средства. А именно — воспользоваться драгоценной гранатой, которую все еще сжимал в руке. Правда, он сомневался в ее работоспособности, ведь некоторые части были утеряны.

Сделав вид, что выдергивает зубами чеку, Копылов катнул гранату в сторону Димана. Диман растерялся. В смотровую щель он не разглядел, что у гранаты нет запала, поэтому решил, что угроза вполне реальная.

— Граната!!! — закричал он, сгруппировавшись.

Теоретически щит должен был выдержать удар осколков, но фактически Фазанов впервые попал в подобную ситуацию и, понятное дело, волновался. Монгол, который как раз собирался выплывать из-за угла, чтобы поразить цель, там же и затаился. Внизу, прямо под ними, шли Белоногова и Волкова. Они имели один щит на двоих, за которым и укрылись, в отчаянной надежде, что осколки минуют открытые участки тела.

До Димана граната не докатилась. Она слетела с площадки, и, проломив хрупкую потолочную плиту, полетела вниз. Корпус все еще покрывали остатки влажной гнили. От удара об пол они разлетелись в стороны, оседая на стенах и укрывшихся за щитом девушках. Только тогда Аня и Валя обнаружили, что запала в гранате нет.

Копылов же не стоял на месте. Он сорвался с места, едва швырнул гранату.

Сгруппировавшийся за щитом Фазанов заметил, что гонз несется прямо на него, но успел лишь немного приподнять пистолет. Ударом ноги Копылов опрокинул Димана на спину. Перескочив через космопеха, гонз едва не наткнулся на затаившегося за углом Монгола. Около секунды тот брал Копылова на прицел, но этого хватило, чтобы сойти с площадки, проломить потолочные плиты, и оказаться прямо между Аней и Валей.

— В сторону! — закричал замыкающий группу Волков Вова. Он специально держался позади, на случай прорыва их группы.

Аня и Валя вжались в стены, и Вован открыл огонь. Космопехи снарядили магазины

патронами с мягкими свинцовыми пулями, дабы понизить вероятность пробития стенок коридора. Беспокоился Вован лишь за своих товарищей — хоть защитные костюмы и должны выдержать попадание, рисковать он не желал.

Гонз не задержался ни на мгновение — Волков успел сделать четыре выстрела и все они ушли в молоко. Копылов вновь подскочил к потолку, зацепился за площадку рукой, уперся ногами в стену, и побежал по ней прямо над Вованом. На пол он приземлился уже за спиной космопеха.

Не желая для себя судьбы Ярика, Вован кувыркнулся вперед, уходя от возможной атаки. В перекате он развернулся, и пустил вдогонку Копылову еще одну очередь. Пули выбили из стен осколки штукатурки, но цель так и не поразили.

Копылов спешил к выходу. Он уже понял, что новички абсолютно не умеют расставлять приоритеты. Убить его для них важнее ценного оборудования. Но он не позволит себе подвергать опасности драгоценные запчасти! Но что делать? В принципе, можно просто перебить всех новичков, но народу ведь итак не хватает... А сколько придется ждать новых?

Копылов не удивился, встретив наверху еще пятерых новичков, контролировавших лестничный пролет. Пролет был широкий с высоким потолком — уйма возможностей для маневра. Да еще и стеллажи из подвала предусмотрительно расставлены по всей его длине. Это команда Копылова постаралась — он ведь предвидел подобное развитие событий!

Разогнавшись, Копылов вскочил на один из стеллажей, и, оттолкнувшись во всю силу ног, вылетел из подвала, словно черт из табакерки. Прицел космопехам он сбил, но трое из них все же открыли огонь. При этом Степанов умудрился дважды попасть Копылову в живот.

Копылов оказался в самом центре их построения, тем самым обезопасив себя от возможного огня. Спиной он толкнул оказавшегося позади него Борецкого, тот упал на ступени, и покатился вниз. Затем, дульным срезом трофейного ружья, гонз ткнул Задиру в грудь, вложив в толчок всю свою силу. Отлетев добрых два метра, космопех завалился на спину, выронив автомат.

Когда Задира и Борецкий упали, линия огня для Мучедакова освободилась. Ему нужна была всего доля секунды, чтобы скорректировать направление ствола, и выстрелить. Но он не успел — Копылов перехватил свое ружье за конец ствола и махнул им, целя Игорю в голову. Мучедаков едва успел присесть. Рукоятка задела верх его шлема, и, потеряв равновесие, космопех завалился набок.

Копылов рванулся к выходу. Игорь начал стрелять из положения лежа. Где-то над головой вел стрельбу Степник. Но гонз оказался слишком стремителен, здание он покинул без новых дырок.

Отчаянно матерясь и отчитываясь в РЛК, оставшиеся на ногах Степник и Степанов ломанулись за гонзом. Немного позади бежал Игорь. Когда парни выскочили на улицу, Копылов был уже в полста метров, и, судя по всему держал путь к складам.

Парни открыли огонь. Цель была очень неудобной и подвижной — одному лишь Степнику удалось попасть гонзу в ногу. Тогда-то они и заметили хоть какую-то реакцию на ранение. Две огнестрельные раны в животе гонз проигнорировал, но получив повреждение ноги, задержал ее словно кот, наступивший во что-то мокрое.

Несмотря на новое ранение, Копылов не прекратил двигаться, а наоборот ускорился, сменив курс и перейдя на три конечности. Теперь он направлялся к медицинскому корпусу. Даже ружье не выпустил. К стреляющим присоединился Задира, однако попасть они больше

не смогли — Копылов скрылся в дверях медкорпуса.

— Гонз в медкорпусе! — крикнул Степник в военный канал.

А ведь там сейчас несколько ученых тащат умирающего Ярика...

— Иванова! — обратился Водников к главе космопехов, сопровождающих ученых, — Баррикадируйтесь в одном из кабинетов!

— Э, але! У нас тут Ярик кровью истекает, — ответила она недовольно.

— Твою мать... — ругнулся Водников. Через камеры бойцов он увидел, на что способен этот гонз. — Полная боевая готовность. Высылаем подкрепление. Остальным — оцепить корпус. Степник, Стрельцов — подготовить группы для новой охоты.

— Есть, — сказали одновременно Степник и подошедший к нему Конча.

— Хуя он, какой шустрый, — заметил Степанов.

— Я таких не видел никогда! — нервно хохотнув, почти прокричал Игорь.

— Нам повезло, что он убивать нас не стал, — перезаряжая «Калаш», сказал Степник. — Захотел бы — уже бы всех перебил...

2, Прорва, российский комплекс, медицинский корпус. 28.06.2087 08:35 (26:35)

— Куда тащим-то? — спросила Ира у Оли. — Где этот четырнадцать-Е?

— Погоди-погоди, — затараторила Оля, трясущимися руками листая РЛК.

То, что нужно для Буряева оборудование находится в кабинете 14Е, и все еще не повреждено, она помнила прекрасно. А вот в какой стороне этот 14Е — из головы вылетело.

Они остановились посреди вестибюля медицинского корпуса. Позади них, Бочаров, Начекутов, Богатырев и Пятаков держали носилки с Буряевым. Рядом хлопотала Булкина Зина, следила за фиксаторами, держащими голову раненого. Завершали процессию Сандальников и Плотников, сменившие свои снайперские винтовки на «Калашы». «Радостное» убранство медкорпуса и умирающий сослуживец на всех действовали вполне естественно. Плотников побледнел, и боялся, что либо вот-вот потеряет сознание, либо просто обрыгается. До сих пор этого не случилось лишь благодаря приводящим в сознание функциям костюма, работающим на всю катушку.

Оля нашла нужный кабинет и скинула маршрут Ире.

— Двигаемся, — приказала Ира. — Сандальников, со мной. Плотников — замыкающий.

— Погоди, дай перехвачусь, — Бочаров приподнял свою сторону носилок, отчего Ярика перекосило.

— Аккуратно, блядь! — вскрикнула Зинка, подхватив носилки с одного из боков. — Не вмажьте его в это дерьмо!

Через пятьдесят шагов и два поворота, со стороны входа грохнула дверь. Тут же по общему каналу раздался голос Степника, предупреждающего, что гонз в медкорпусе.

— Тихо! — скомандовала Ира растерявшейся было группе. — Сандальников, в хвост!

В принципе, Ира недолюбливала как Плотникова, так и Сандальникова. Какие-то они оба... странные. Но Сандальников хотя бы стрессоустойчив, чего не скажешь о Плотникове. Поэтому пусть прикрывает тыл. Грохот дверей стих, теперь были слышны неразборчивые сердитые возгласы и шлепки босых ног по влажному покрытию пола. А потом шум стал удаляться.

— На второй этаж пошел... — предположил Бочаров.

— Иванова! — заговорил в наушниках Водников, — Баррикадируйтесь в одном из

кабинетов!

— Э, але! У нас тут Ярик кровью истекает, — недовольно ответила Ира.

— Твою мать... — ругнулся Водников. — Полная боевая готовность. Высылаем вам подкрепление. Остальным — оцепить медкорпус. Степник, Стрельцов — подготовить группы для новой охоты.

— Давай быстрее, еще полста метров, — шепотом сказала Ира, и отряд пошел дальше.

В рассадник гниющей заразы Буряева притащили не просто так. Перед тем, как начинать лечение, необходимо выяснить, повредило ли ножом его мозг, а это можно сделать, лишь просветив голову. Рентген и ультразвук имелись и в штабном транспорте и в лабораториях, но из-за шлема, все еще покрывающего поврежденную голову, воспользоваться ими было невозможно. Нож плотно засел в титановом сплаве, и трогать его никто не рискнул — если он действительно вошел в мозг, лишние шевеления ни к чему. Была идея просверлить шлем, и просветить голову через отверстия, но опять же: если нож в мозгу, то вибрация, возникшая при сверлении, убьет Ярика.

Калашников предлагал произвести расчет — отнять от длины ножа все известные величины. Но, как выяснилось, космопехи не знали, какое расстояние между головой и поверхностью шлема. А если бы и знали — толщину черепных костей Буряева точно не измерить. И почему спрашивается, эти данные не включают в справку военнослужащего, наряду с параметрами «рост», «вес» и «группа крови»?

Единственным оставшимся вариантом оставалось просто выдернуть нож, но и для этого желательно было знать, с чем имеешь дело. Тем более что в медкорпусе имелся подходящий аппарат...

Тимур поскользнулся и едва не упал, еще раз встряхнув носилки. Рука Буряева невероятным образом выскользнула из-под зажима, и с отвратительным плюхом угодила в жижу под ногами.

— Да аккуратнее вы, да еб же вашу мать! — зашипела Зинка рассерженной кошкой. Затем устроила руку на место, предварительно обтерев ее вымоченной в спирте тряпкой.

— Вот сюда! — указала Оля на дверь с номером 14Е.

— Открывай, — сказала Ира, взяв дверной проем на прицел.

Вообще-то, Копылов бесновался где-то на втором этаже, но кто сказал, что здесь только один гонз?

Комната оказалась пустой. За дверью лежал коврик, о который вытирали ноги во время предыдущей зачистки, и теперь он был насквозь пропитан гниющей органикой. Оля безуспешно попыталась вытереть об него ноги, но он больше марал, чем чистил.

— Кладите сюда, — указала Оля на кушетку.

Зина бросилась к панели с кнопками и защелкала по ним пальцами.

— Есть питание, — облегченно сказала она.

Ярика уложили на живот. Бочаров и Начекутов тут же взяли за оружие, и встали у дверей рядом с Плотниковым и Сандальниковым.

— Давай его сюда, — сказала Зинка.

Тимур подкатил кушетку к искомому аппарату. Он представлял собой вместительную полусферу в которую и погружался исследуемый объект.

Никита приподнял Ярику голову, и Оля с влажным всасывающим звуком прилепила на лицо дыхательную маску. Затем отошла, распутав отходящие от маски провода и трубки.

— А возьмет? Сквозь шлем-то? — засомневался Бочаров. — Он титановый...

— Да без разницы, — ответила Зинка и наполовину вкатила Ярика в полусферу.

Оля активировала аппарат. Заработали насосы. Полусфера наполнилась гелевой составляющей, которая заполняла собой все труднодоступные места — в том числе подшлемное пространство больного.

— Через этот гель ультразвук и пройдет, — пояснила Зина стоящим молча космопехам.

Прибыло подкрепление — Ефим с пятью своими людьми. Аппарат беззвучно составлял картину тела исследуемого. Чебурек присвистнул, разглядывая утопленного в вязкую жижу Ярика. Зина сидела у монитора, плотно сжав зубы. Слишком уж она эмоциональна. Она это понимала, но ничего не могла поделать. Порой, от лишних нервов у нее даже начинались проблемы со здоровьем.

— Фух, нормально все, — выдохнула Зина, увидев наконец результат. — Мозг не задет. Скол на черепе, с шеей что-то... растяжение связок похоже, но слабое. Ушибы спины... — она взглянула на не полностью погруженную в аппарат спину. — Вылечится короче. Восстановительный гель справится.

Витек достал свою личную аптечку и вынул тубик с упомянутым гелем. Последнее время полевая медицина свелась к таким вот тубикам. Не то, чтобы эти гели творили чудеса, но заживление и восстановление тканей пойдет на ура. Тому же Ярику достаточно будет недели, чтобы полностью встать на ноги.

Буряева извлекли из полусферы, Зина стерла гель с рукоятки ножа, примерилась его вытащить, но поняла, что не справится.

— Тимур, давай ты, — сказала она Богатыреву.

— Давай расстегнем хоть, — подошел Витек, и расстегнул ремешок шлема на подбородке. — Дергай?

— Давай не здесь? — предложила Оля. — Пошли в лаборатории.

— Мы возвращаемся. Идем к лабораториям, — сообщила в общий канал Ира.

3, Прорва, российский комплекс, медицинский корпус. 28.06.2087 08:45 (26:45)

Обувь вновь зачавкала по гниющим останкам. Восемнадцать бойцов поделились на шесть групп по три человека, и разошлись по зданию. В этот раз ставку делали не на количество стволов, а на освобождение сектора обстрела.

Искать Копылова не пришлось, даже тепловизор не понадобился. Гонз устроился в одном из кабинетов на втором этаже, и орал свои непонятные устрашающие речи.

Раньше он наслаждался силой и безупречностью своих конечностей, а теперь... теперь его очень злило, что одна из них плохо слушается. Да что там говорить — пока он бежал, раненая нога подкосилась целых два раза!

Кровь уже не текла (регенерация гонзов его поколения очень хороша), но функционировала нога все равно плохо. Раны брюшной полости тоже давали о себе знать, в животе было как-то тяжело и паскудно. Состояние абсолютного здоровья, которым так наслаждался Копылов, теперь казалось навсегда утерянной роскошью. От этого гонз впал в такую ярость, что решил наплевать на свои планы, и перебить этих все разрушающих новичков. Всех до одного...

Идти в драку в теперешнем состоянии не хотелось. Копылов знал, что его ищут, поэтому затаился в одном из кабинетов, и стал ждать. Новички шли долго. Потеряв терпение, Копылов пару раз выстрелил в дверь, надеясь, что враги поспешат. Но те либо совсем испугались, либо решили испытать его терпение. Чем-чем, а терпением Копылов похвастать

не мог, поэтому чтобы хоть как-то сократить ожидание, занялся раненой ногой.

Краем сознания он помнил, что из раны необходимо что-то извлечь. Гонз принялся сдавливать место вокруг раны, пытаясь выжать из нее всю боль, непослушание и лишние предметы. Правда выходила одна только кровь, но Копылов не останавливался. Если выходит — значит так надо.

Сомнения возникли только тогда, когда под ним скопилась большая красная лужа, а все тело охватило странное состояние, которое нормальный человек назвал бы усталостью. Зато неприятное чувство в животе исчезло, да и раны были вполне терпимо.

А нога наоборот — перестала слушаться совсем. Что же, выходит он ошибся — она должна была зажить сама. Век живи век учись. Ошибка вполне простительная, вряд ли кто-нибудь на его месте стал бы просто сидеть и наблюдать, как его раны заживают!

С разных сторон к двери кабинета подошли две тройки — Степник, Машкин, Бирюлев и Мучедаков, Мичкин, Горобец. Двигались они тихо, и своих шагов не слышали, но Копылов все равно их засек — слух у него был отменный. Он заулыбался, представив, как дверь начнет открываться, а он пальнет несколько раз из своего трофейного оружия, разнося своих преследователей в клочья...

А потом улыбка сползла с его лица — взгляд наткнулся на следы, оставшиеся после предыдущих выстрелов. На двери было всего лишь несколько небольших дырочек. И это все? Все, что могут причинить целых два выстрела?

Детская пукалка!

Раздраженно рыкнув, Копылов перехватил ружье на манер дубинки. Коротковато оно для этих целей, но ничего — пространство тут тоже небольшое. Зато ка-а-ак даст сверху вниз по черепушке — голова до самого пояса расплющится! Ведь руки-то у него целы...

Космопехи встали по бокам от комнаты, где засел Копылов. Он вне сомнений был внутри. На двери имелись выходные отверстия выстрелов, и за ней кто-то ворчал.

Мичкин и Горобец укрылись одним тактическим щитом на двоих и встали перед дверью. Машкин на мгновение приоткрыл комнату, и закинул внутрь цилиндр светозумовой гранаты.

Сначала раздался атакующий рев Копылова — он увидел, как дверь дернулась, и ринулся в бой. Затем последовал взрыв зорьки, защитные костюмы потушили его почти полностью. Через отверстия на двери резанул яркий свет. Мичкин и Горобец приготовились, и Машкин распахнул дверь.

Ослепленный и оглушенный, гонз скакал по скользкому от крови полу на одной ноге, держа за ствол ружье Ярика. Даже так, постоянно поскользываясь, он умудрялся передвигаться с невероятной скоростью. Миг — и он наткнулся плечом на дверной косяк. Копылов решил, что это один из космопехов. Он тут же встал на обе ноги, и со всей силы ударил ружьем. Косяк перекосило, перекрытия заходили ходуном, от «Вепря» полетели запчасти, ствол изогнулся.

Гонз замахнулся еще раз. Горобец выглянул из-за плеча Мичкина, прикрывающего щитом их обоих, и выстрелил. Из головы Копылова внутрь комнаты брызнул фонтанчик красной жидкости. Гонз стоял еще целую секунду, руки его были подняты, ружье занесено для удара. Горобец всадил ему в грудь еще четыре пули.

А потом Копылов бухнулся на колени. Безднажно загубленный «Вепрь» выскочил из его рук и брякнулся на пол. Затем и сам Копылов, выгнувшись дугой, завалился вперед.

— Прими Господь его заблудшую душу, — перекрестился Горобец.

1, Прорва, российский комплекс, центральная комната управления. 28.06.2087 09:40 (27:40)

Капитан Водников был крайне недоволен своими подчиненными. Да они и сами не в восторге — сидят с хмурыми лицами, изнуряют друг друга пытливыми взглядами, пытаются найти оправдания своим ошибкам. Сорок до зубов вооруженных балбесов не сумели оперативно ликвидировать одного единственного гонза, который даже стрелять не умел. Если следующий такой вот шустрик задастся целью перебить как можно больше людей — это будет конец экспедиции.

— Я понимаю, что гонз был реально быстрым, — заговорил Свой, обведя бойцов взглядом. — Но я своими глазами видел, как вы ложили группу воинов-ксеноморфов разва два шустрее него. Что случилось-то?

Бойцы молчали. Ну да, было такое.

— Что делать-то будем? — спросил Свой. — Есть кому что сказать?

— Не ожидали мы, что он такой быстрый будет, — попытался оправдать взвод Роман Прапорщиков.

— Должны были ожидать, — вздохнул Грошев.

— И под потолок все время уходил, — протянул Вован Волков, вспомнив свой промах.

— Ты космопех или погулять вышел? — ледяным голосом спросил Коршунов. — Ты обязан быть готовым ко всему, в том числе, что враг «уйдет под потолок», — отчитал он Вована поучительным тоном.

Вован смотрел спокойно. В беззлобном взгляде читался немой вопрос: а ты сам бы справился?

— Давайте разберем по порядку, — прервал не начавшийся спор Водников. — Во-первых, как мы его пропустили? Где он прятался? В жилых корпусах?

Трусова заерзала. Она знала, что виновата больше всех. Чтобы помочь Вале, достаточно было заглушить оборудование слежения лишь по ходу ее движения. Но Кристине было лень заморачиваться — и она отключила их по всему корпусу. Если бы не Ярик со своим забытым датчиком — гонза бы так и не засекли.

— Скорее всего, он позже зашел, — сказал Конча, поняв, что Кристина не собирается отвечать. — Ему повезло — датчики не работали. И кстати, он грязных следов по всему корпусу наоставлял. Не в здании же он ноги замарал? Значит, был на улице. Невзоров сейчас его следы распутывает.

— Дальше, — кивнул Свой. — Почему не работали датчики? У тебя есть объяснение? — спросил он у Трусовой.

— Нет! — чересчур звонко сказала Кристина и покраснела. Ей богу, как школьница.

Кристина еще не видела, чтобы их капитан кричал на подчиненных. Он разговаривал, поворачивал ситуацию так и эдак, спокойно вопрошал о причинах нелогичных поступков. Иногда казалось, что лучше бы он начал кричать — тогда бы она позволила себе окрыситься, и начать искать оправдание.

Несколько секунд Водников смотрел на Кристину. Та отвела взгляд в сторону и стала совсем пунцовой. «Соплячка» — подумал Водников, и переключился на Иродову:

— Олесья, почему в рабочую смену твои подчиненные... м-м-м... расслабляются... да еще и не отвечают на запросы?

— Виновата. Дала перерыв на пару часов, — ответила Олесья, поиграв желваками.

— Это наш косяк... Реально не заметили вызов, — подал голос Монгол.

— Значит в следующем году голосуйте за вшивание РЛК в мозг, — с раздражением в голосе сказал Свой.

Военные разработчики уже давно разработали и отладили систему интеграции личного компьютера в организм солдата. Вот только, большинство не желали становиться киборгами, и нововведение откладывалось уже лет пять.

— Почему Солодов оказался один на посту? — продолжил Водников.

— М-мы отбой п-получили, — заговорил Макс Ишимов. — Я от-т-тлить пошел. А о-о-о сказал, что т-там будет ждать.

— Отбой? — поднял брови Водников.

— Был отбой, — кивнул Конча. — Когда их нашли, — кивок в сторону Монгола.

— Та-а-ак... Ну, почему Ярик за ним один кинулся, надеюсь мы у него самого поинтересуемся... Аня, — обратился Свой к Белоноговой. — Он проскочил через твою группу. Я все видел сам, но все же — что не так?

— Граната. Не ожидали, — ответила Белоногова, и добавила: — Виновата. Должны быть готовыми ко всему.

Капитан удовлетворенно кивнул и повернулся к Степнику:

— Андрюша, давай, теперь ты.

Степник пожал плечами:

— Пролет нужно было расчистить! Нам реально повезло, что живы остались, и друг друга не постреляли.

Свой оглядел остальных, участвующих в заслоне — Задира, Борецкий, Степанов, Мучедаков — кивнул:

— Согласен.

— А гранату он у наших ученых взял, — вдруг сказал Артем Горобец. — Они тут гранату потеряли. Под конец моей смены. Ну, ту, которую Роман разрядил.

— Почему молчал?! — удивленно спросил Водников. — Почему ученые молчали?

— Они решили, что куда-то не туда положили.

— Надо бы с ними пообщаться... — пробурчал капитан. — Ну что, подведем итоги. Ярик и Валера поправятся. Если их гонзовирус не поразил, то ничего фатального не произошло. Одни совпадения — приступы нашей полоротости наложились на случай. Однако с этих пор — чтобы каждый был внимателен на двести процентов!

Свой грозным взглядом обвел присутствующих и продолжил:

— Сержант Стрельцов. Первый выговор. За то, что бойцы шляют поодиночке, и отключают системы наблюдения. Сержант Иродова. Тоже первый выговор. За то, что не можешь найти занятие своим подчиненным в рабочую смену. Рядовой Трусова. Вот честно — твой косяк настолько упоротый, что я прямо сейчас готов выслать тебя в штрафники. Но быть нам тут еще долго, и лишних людей нет. Поэтому ограничимся выговором и предупреждением.

Виноватые заерзали. Выговор — штука неприятная. Боец, получивший за время командировки три выговора, лишается жалования.

— Ген, — после долгой паузы обратился капитан к Ачушкину. — Собери все

видеоматериалы, касающиеся Копылова, отправь на Потапыч. Общий отчет я напишу сам.

Ачушкин, что вместе с Коршуновым сидел за панелью управления, не сильно задумываясь, отфильтровал все записи с нашлемных видеокамер второго, четвертого и пятого отделений, и нажал «отправить». Системы связи они с Птицей починили еще днем, поэтому процесс прошел успешно, и завершился мгновенно.

— Ах да. Большинство же не знает, — Свой сделал вид, как будто кое-что вспомнил. — Предположительно, у нас объявился Карпенко.

Некоторые непонимающе на него посмотрели — какой-такой Карпенко? Не все вспомнили, что это фамилия последнего оставшегося в живых гонза из стаи Копылова. А те, кто вспомнил, удивленно расширили глаза.

— Он подошел к нашей ограде как раз, когда пошли брать Копылова, — сказал Водников, выдержав небольшую паузу. — Ген, запускай видео.

Ачушкин потыкал мышкой, и на основном экране загорелась картинка. Изображение шло с камеры, установленной на второй линии ограждения — был виден въезд в комплекс и внешний забор, что стоял под напряжением. Несколько секунд ничего не шевелилось, а затем в кадр вошла светящаяся в тепловом режиме съемки фигура. Человек этот был либо совсем голый, либо источал столько тепла, что отображался единым светящимся пятном. Как бы крадучись, он двигался ко входу. Оказавшись возле электрического ограждения, оперся рукой о металлическую секцию...

Фигуру гостя дернуло, затем тряхнуло, а потом он в мгновение ока умчался прочь, оставив в месте соприкосновения с забором светящееся пятно.

— Чуть-чуть не вошел в зону действия пулеметов, — с сожалением сказал Семен.

— А что, если это человек? — предположил Прапорщиков.

— Ты смотри, как он светится, да и как облез. Точно гонз, — уверенно возразил Степанов.

— Конечно, облез. Там такое напряжение, что хуй три раза на узел завяжется, — сказал Вован.

— Вот поэтому это гонз. Человек там бы и окочурился.

— В общем, мы его засекли, вот только отправить за ним было совсем некого, — с легким укором посмотрел на своих подчиненных капитан. Затем вздохнул, и продолжил: — Значит так. Придите в себя. Потерпите с сексом. Потерпите с героизмом. Заканчивайте тупить и отвлекаться. Распутайте следы Копылова, и найдите, где он прятался. Еще раз продезинфицируйте все помещения. Доставьте ученым вон ту фигню на анализы, — кивок на экран, где все еще светилось пятно, оставленное гонзом. — Никому не снимать защитных костюмов до моего разрешения. Думаю, через часок ученые организуют повторную проверку на ТВИХ. Как все сделаете — возвращаемся к графику дежурств. Все, выполнять.

Заскрипели отодвигаемые стулья, зашуршали защитные костюмы. Космопехи потянулись к выходу.

2, Потапыч, каюта Толи Хмыря. 28.06.2087 10:05

Борис Бык рывком распахнул дверь, и аккуратно вошел в каюту Толи Хмыря.

— Вставай, Хмырь, уже десять часов! — громко сказал Борис.

Однако Хмырь не отреагировал. Даже не шевельнулся. Лежал себе грудой тряпья, положив под голову смятую в комок простыню.

— Подъем, я сказал! — почти крикнул Борис и шагнул ближе.

Мля, как же Быку не нравился этот парень и его образ жизни. Хмырь в полной мере оправдывал свое прозвище. У кровати лежало втоптанное в пол покрывало, наполовину пропитанное чем-то белым. Скорее всего это была сметана — из-под кровати виднелась пустая упаковка. Кроме того пол в комнате был забрызган чем-то темным, наверное чаем.

О разлитых продуктах Хмырь не позаботился. Не только не подтер, но еще и растоптал по всей каюте, а потом влез в грязной обуви на кровать. Раздеваться он тоже не стал. Как был в толстовке, джинсах и шапке, так в них и остался, несмотря на то, что и они были все в той же сметане.

Быку уже второй день подряд приходилось поднимать Хмыря, и он готов был его придушить за то, что заставил войти к нему в комнату. А что поделаешь — Пижон чересчур пафосный для этого дела. Джерри сорвется и пришьет Хмыря прямо во сне. А Немой молча посмотрит на игнорирующее его тело и уйдет ни с чем. Не Соломона же посылать, в самом деле. Остается только Бык, тем более что его оплеухи разбудят любого.

Борис взял Хмыря за щиколотку, и одним рывком сдернул с кровати. Хмырь что-то возмущенно промычал. На простыне осталось мокрое пятно от напущенных во сне слюней.

— Подъем!!! — гаркнул Борис.

Хмырь наконец-то зашевелился и сел. Почесал щеку, на которой никогда в жизни не росла щетина, и хмуро посмотрел на Быка снизу вверх.

— Пошли, — Бык взял Хмыря за локоть и поднял с пола. Хорошо хоть он был в одежде. Спокойно ждать, пока Хмырь оденется Бык точно бы не смог.

Соломон и его люди не питались в общей столовой, предпочитая одну из комнат отдыха. Хмыря брали с собой, но всегда сажали за отдельный стол, ибо находиться рядом с ним во время еды было противно. Все бы предпочли, чтобы Хмырь питался где-нибудь в другом месте, но тот, вдобавок к своей неопрятности, еще умел обижаться. Например, он очень расстраивался, когда его не брали с собой. В том числе и на завтрак. Угодить Хмырю никто особо не старался, но на Земле он был лучшим киллером Соломона, и с его мнением приходилось считаться. А на завтраках его сажали за один стол с наемным ученым Леней Пинкиным. Но сегодня Пинкин ел не с ними. Он еще с вечера закрылся у себя в каюте, и погрузился в присланную с Прорвы информацию, словно ребенок в любимый мультфильм.

Бык и Хмырь пришли на завтрак как раз, когда Немой (который обычно выступал в качестве разносчика) закатил в комнату тележку с тарелками и кастрюлями.

Пижон как-то пытался поговорить с полковником Фроловым, чтобы еду им таскал робот Игнат, но был грубо послан на три буквы. Военные... что с них взять? Целый, мать его, корабль военных. Всего пяток честных ребят на сотню этих услужливых дегенератов. Вообще, Бык тоже был услужливым, и ради Соломона был готов и в огонь и в воду, но к военным относился с пренебрежением и раздражением.

— Я тут сейчас с черными перетер, — начал утренний разговор Пижон. — Слыхали? Вояки гонза профукали. Целый день комплекс шмонали, и профукали.

Пижон замолчал, откусил кусок хлеба и поднял ложку.

— И что он? — с интересом спросил Джерри.

— Выполз ночью из своей щели и двоих порезал, — прожевав, сказал Пижон. — Не насмерть, правда.

— Еще не начали дохнуть как мухи, — хмыкнул Джерри. — Ставили-то на что? Пять трупиков в первый же час?

— Уже и не начнут, — пробасил Соломон. — А если начнут — настанет очередь

черных и князевских.

— М! Наверное, уже и видео есть, — вспомнил Пижон. — Тот мажорный подпол публикацию готовил.

Борис отложил ложку и взялся за РЛК, полез проверять материалы экспедиции.

— Кня-я-язь... — зло прошипел Немой. — Замочить бы его? — предложил он без всякой надежды.

— Я могу замочить, — подал голос от соседнего стола Хмырь.

Соломон внимательно посмотрел на Хмыря. Да, он может. За это его еще и держат в живых. Первокласный киллер, выполнивший без шума и осложнений сто процентов заказов. Если бы не проблемы с личной гигиеной — цены бы ему не было...

Но нет, не пойдет. По крайней мере, не сейчас. Силы слишком не равны — у Князя десять таких специалистов как Хмырь.

Хмырь тем временем начал пить чай, громко и противно прихлебывая.

— Тише давай! — раздраженно бросил Джерри, со злости заговоривший с английским акцентом.

Хмырь непонимающе посмотрел на него.

— Не надо никого мочить, — наконец сказал Соломон глядя поочередно на Джерри и на Хмыря. — Как припекет — может быть. И то, сначала попробуем их перекупить.

— Перекупить князевских? — с сомнением спросил Пижон. — Серьезно?

Ответить Соломону не дал Борис, уже просматривающий записанные космопехами видеоматериалы. Сначала он выдал громкое «О», а потом захохотал, обрызгав слюной сидящего рядом Немого.

— Тебя к Хмырю пересадить? — зло спросил Джерри.

— Смотри, — все еще смеясь и вытирая слезы, Борис протянул через стол свой РЛК.

На видео один из космопехов, которого свои называли Монголом, стоял со стояком и голым задом, и пытался застегнуть штаны, не прищемив при этом свой член.

Джерри, Пижон и Немой загоготали. Соломон остался невозмутим. Возможно, он и улыбался, но только одними глазами — за темными линзами очков это было невидно. А Хмырь, обиженный, что ему не показали смешное видео, вновь начал громко прихлебывать чай, заглушая смех.

Джерри мгновенно перестал смеяться, и выхватывая револьвер, развернулся, прицелился Хмырю в голову.

— Let's some manners or your head gonna be lick at that shake... — прошипел он на привычном ему английском.

— Перестань хлебать! — перевел Пижон.

Хмырь отставил кружку.

— Гонз-то где? — спросил Соломон у Бориса.

— А? — все еще улыбаясь, не понял Бык, но потом опомнился, — сейчас найду, — и вновь погрузился в РЛК.

3, Прорва, российский комплекс, подземные лаборатории, палата младшего сержанта Буряева. 28.06.2087 10:10 (28:10)

Ярослав Буряев медленно раскрыл глаза. Сначала показалось, что он не видит вообще ничего — лишь сплошная серая пелена. Затем, кое-как, скрипя веками, проморгался. В пелене стали проступать некоторые очертания, заработали органы осязания.

Ярик понял, что лежит на животе на чем-то мягком, сильно напоминающем кровать. Кровать эта была не простой — в матрасе имелось отверстие для лица, чтобы он мог спокойно дышать. Из уголка рта торчала приклеенная лейкопластырем пластиковая трубка, видимо, чтобы слюна из бесчувственного рта не текла на пол.

Какое-то время Ярик рассматривал серый пластик пола и обрамляющую обзор белую простынь. А затем появилась боль. Пульсирующая в затылке, странное томление в шее, мышцы спины и вообще, казалось, ныли все до единой.

Ярик попытался поднять голову — не вышло. Видимо, она привязана. Е-е-епта... От усилий его затошнило, и потемнело глазах. В памяти всплыл стальной захват гонза, разъедающий носоглотку запах немытого тела, и сокрушающие удары в незащищенную спину. Ярик задышал чаще.

— Э, проснулся что ли? — вдруг прозвучал отдаленно знакомый голос. — Эй! Эй, Зина! Он проснулся!

Витек Начекутов. Сторожит у постели. А сам Ярик по всей видимости привязан...

Твою мать, выходит он подцепил от гонза ТВИХ и теперь сам становится гонзом! А Витек тут стоит, чтобы в случае чего оперативно пустить Ярику пулю в затылок.

Но почему они его сразу не усыпили? Что они с ним сделают? Пустят на опыты?

К кровати подошли быстрым шагом.

— Ты тут как? Нормально? — спросил женский голос. Наверное, это и есть Зина.

Ярик попытался встать, но спину пронзила такая резкая боль, что он едва не подавился.

— Бля-я, — простонал он.

— Лежи-лежи, — поспешила сказать Зина. — Мы тебя зафиксировали.

«Да уж я понял» — хотел было сказать Ярик, но воздуха не хватало.

— Лучше лежать на животе — меньше нагрузки на раны, — говорила Зина. — Там у тебя жесть вообще... Мы гелем замазали, но хотя бы часов десять-пятнадцать нужно полежать вот так.

— Он меня заразил? — наконец выдавил Ярик наболевшие слова.

— Нет, не заразил, — сказала Зина. И тут же поспешно добавила: — Но пока не точно! Полчаса назад ТВИХа не было, попробуем еще через час. Ну-у... и может еще часов через десять — тогда точно будем знать.

Ярик выдохнул. От облегчения показалось, что и боль поутихла.

— Сколько я в отрубе был?

— Часа полтора где-то, — подошел Витек. — Мы уже решили, что ты лапы склеишь. Он тебе нож в череп вогнал. Прямо через шлем.

Витя ждал от Ярика удивленной реакции, но тому видимо было все равно, что над его титановым шлемом надругались невозможным образом. Сам-то Витек, как только выпадут свободные часы, обязательно попробует своими руками повторить содеянное гонзом. Прямо на Яриковском испорченном шлеме и попробует.

— Вы его взяли? — задал Ярик очередной вопрос.

— Взяли... Тема Горобец его вальнул. Правда, побегать пришлось. Он Хрюше морду сломал, Семена с лестницы спустил. Фазанова чуть не затоптал. Девчонок из пятого гранатой шуганул...

— Ладно, в общем, лежи так, я пойду со вторым закончу, — сказала Зина и, развернувшись на каблуках пошла к выходу.

Ожидающий ее Солодов сидел смирно в соседнем кабинете. К счастью, переломов лица

у него не было. Порезанные нос и щеку уже обработали и заклеили. В левый глаз произошло кровоизлияние, и он стал наполовину красным, из него постоянно текли слезы, видимо ударом повредило слезный канал. Еще у пострадавшего гудело в ушах, но это уже мелочи. Самое главное — его уже проверили на вирус, и результат, как и у Буряева, был отрицательный.

Вот-вот должна была начаться очередная тотальная проверка остальных членов экспедиции, но учитывая, что двое непосредственно контактирующих с зараженным остались здоровы — за остальных Зина не сильно волновалась.

— Ну что, говоришь — видишь нормально? — спросила она у Солодова. — И шевелишь тоже? Давай тогда, капли закапаем, да катетер поставим.

4, Прорва, ворота российского комплекса. 28.06.2087 10:15 (28:15)

— Ну что, Птиц. Выключай забор, мы выйдем по-быстрому, — дал отмашку Машкин Павел.

— Две секунды, — ответил с той стороны Коршунов.

— Давай там, чтобы нормально все было, чтобы нас эта байда не порешала, — попросил Пахан.

— Не ссы.

Пахан, вместе с Ваньком Бирюлевым, Ромой Степановым и Игорем Мучедаковым, готовился выйти за ворота комплекса. Им нужно взять образец ДНК, оставленный ночным гостем. В принципе, отключать защитную программу на эти пару минут не обязательно — все четверо имели с собой маячки определения свой-чужой, которые держали в карманах. Так что электронные мозги оборонительного ограждения не должны были начать стрельбу.

Как бы то ни было, желающих до конца довериться технике, несколько лет простоявшей без дела в самом дальнем уголке галактики, не было.

Мучедаков вспоминал сон, приснившийся ему во время короткого отбоя. Во сне Игорь вернулся после очередной командировки, а сыну уже целых пять лет. И вот он встречает отца в праздничном цветастом костюме, и держит в руках любимую игрушку.

Игорь подходит к сыну, и замечает, что взгляд у него какой-то бегающий. А то, что он принял за цветастый костюм — на самом деле окровавленные ошметки одежды. Игрушка в руках мальчика тоже оказывается далеко не игрушкой — мумифицированная ступня ноги, которую мальчуган время от времени тянет в рот, чтобы погрызть большой палец.

Его сын был гонзом...

Игорь помнил, что в душе его промелькнул целый букет чувств и мыслей, включая ту, в которой он сам захотел стать гонзом, чтобы быть вместе с сыном и играть с ним в его игрушки-конечности. Затем сынишка выронил ступню, и наклонился, чтобы поднять. И Игорь увидел, что из шеи его торчат оголенные позвонки, проглядывавшие сквозь прогнившую плоть.

А потом на Ярика напал Копылов, и всех разбудили. Все то время, что они ловили гонза, Игоря не покидало чувство, что он забыл что-то важное. А когда вспомнил, что это был всего лишь сон, так и не сумел избавиться от мерзкой пакости на душе. Кажется, жена была права. Хватит с него космической пехоты. Он зарекся сам себе — это его последний вылет.

Красные маркеры, предупреждающие, что на данном сегменте забора защита активирована на полную, мигнули, и загорелись зеленым.

— Все, можете проходить, — прокомментировал Коршунов.

Машкин осмотрел забор — зеленые лампочки светились только метров на двадцать в обе стороны от них. Дальше по стене вновь горели красные.

— Э-э-э... а нас точно не заденет? — спросил Пахан.

— Нормально все, вас не засекет, давай только быстрее.

Лязгнул замок, и массивные ворота приоткрылись.

— Пойдем, — поманил Степанов и вышел первым.

Ничего не случилось — Рома остался жив, и остальные последовали за ним. Коршунов включил прожекторы, которые тут же осветили внешнюю территорию на добрую сотню метров вокруг. Вообще, инструкции не рекомендовали так делать, ибо в ночное время поднимаются все водоемы, а вместе с ними выползают многочисленные водные твари, чье разнообразие на этой планете куда шире животного и растительного миров вместе взятых.

Вокруг уже начал опускаться туман. Он еще был неплотный — видимость приемлемая, но уже через полчаса можно будет потерять товарища, отойдя от него на десяток шагов.

— Мучедаков, собирай ты, — приказал Пахан, и они со Степановым и Бирюлевым образовали вокруг Игоря защитный полукруг.

Гостя видно не было — видимо удар током вразумил его, и он удрал куда подальше. Игорь оценил то, что осталось на заборе — кроваво-красная гниlostная пакость, расплзшаяся по металлическим прутьям. Точно такая же, как та, что выделяет гонз-ученый Карпенко. Скорее всего, это он и приходил — тут уже никакие проверки не нужны. Хотя, лучше быть уверенным на все сто.

Игорь вынул прихваченный у ученых щуп-сборщик, и взялся за дело.

— Все, уходим, — сказал он, сворачивая щуп, и отцепляя контейнер с собранной субстанцией.

Парни зашли обратно в комплекс, внешнее освещение погасло, замки ворот вновь лязгнули, а все зеленые маркеры загорелись красным. И минуты не прошло.

— Роман, Мучедаков — несите ученым эту штуку, — вновь закомандовал Пахан.

Вообще Машкин был одного звания с остальными, но так уж получилось, что именно он стал замом их нового (а точнее бывшего старого) командира отделения — Степника.

На пути к спуску сборщикам образцов встретились Постал и Ачушкин. Постал прямо на ходу смотрел на своем РЛК какую-то видеозапись. Игорь на секунду отвлекся, поддавшись желанию взглянуть, что там смотрит Постал, и запнулся о собственную ногу. Стараясь удержать равновесие и никого при этом не пристрелить, Игорь ухватил автомат двумя руками, выронив контейнер с образцами.

Контейнер ударил Ачушкина в плечо и упал на землю. Гена начал было смеяться над неуклюжестью Мучедакова, но потом разглядел, что было в контейнере, и покраснел от злости.

— Глаза разуй, дебила кусок! — крикнул он. — Или сам хуйней этой обмажься, может внимательнее станешь!

— Отъебись, — буркнул Игорь.

— Может ты сюда гонзятиной приехал стать? — не унимался Ачушкин. — Так прихватил бы бабу свою обрюхаченную заодно. Гонзятили бы тут всей своей тупорылой семьей!

Тут Игорь сорвался. Выкрикнув что-то про суку, он подскочил к Ачушкину, и двинул его кулаком в челюсть. Точнее, ударил бы в челюсть, если бы не защитный костюм. Лица кулак

не достиг — Игорь не гонз, чтобы пробивать пленку второго класса защиты. Ачушкин лишь пошатнулся и отступил на пару шагов. А потом накинута на Игоря.

Получив пару ударов по защищенной шлемом голове, Игорь захватил Гену за шею и пригнул к земле, пытаясь повалить. Подоспел Степанов. Схватил Мучедакова за эвакуационную нашивку на горбу костюма и дернул в сторону. Игорь разжал хватку и едва не упал, а Гена ломанулся вперед, но наткнулся на твердо стоящего Рому и отлетел назад, завалившись на спину.

— Успокоились оба! — рявкнул Рома. Затем поднял с земли контейнер со злосчастными образцами и бросил Игорю: — Пошли!

Ачушкин хотел было плюнуть им вслед, но вовремя вспомнил, что всего лишь заплюет внутреннюю сторону маски. Сильно захотелось курить. Матюгнувшись, он поднялся и угрюмо двинулся к Посталу, который все это время спокойно стоял в стороне.

— Ген, а ты специально видео с Монголом отправил? — как ни в чем не бывало, спросил Постал.

— Чего? Какое видео? Какого Монгола? — раздраженно спросил Гена.

Постал протянул руку с РЛК. На видео, что он смотрел, голый Киль Данил надевал штаны. Несколько секунд Гена не понимал откуда оно, и причем тут он, а потом сообразил и заржал.

— Да нет, я просто выделил все, что было, — просмеявшись сказал он. — Это что теперь — в инфе по экспе? Пачка...

Гена на своем собственном РЛК залез в нужный раздел и нашел то же самое видео.

— Как оно модерацию-то прошло... — уже не смеясь, пробормотал Гена. — И как удалить-то теперь?

— Никак, наверное, — сказал Постал. — Это с корабля обнова накатила.

Гена почувствовал себя еще поганее. Ситуация конечно смешная, но с Монголом он в принципе был в хороших отношениях и такая подстава — совсем не дело.

— Бли-ин. Не. Пойду я к Птице, он шарит. Может что сделает, — и Гена пошел к корпусу управления.

5, Прорва, российский комплекс, подземные лаборатории. 28.06.2087 10:20 (28:20)

Булкина Зина спустилась на второй подземный уровень. Прошла сотню метров по коридору и очутилась у шлюза лаборатории, где остальные ее коллеги проводили вскрытие Копылова. У входа дежурила парочка космопехов — Прапорщиков и Кишкин.

— Ярик не заразился и уже очнулся. Все нормально будет, — сказала она служивым.

Кишкин, предпочитавший не общаться с женщинами, мозг которых обременен высшим образованием, научными степенями и прочей хренью, на нее даже не взглянул. А красавчик Прапорщиков подмигнул. Девушка кивнула и прошла внутрь. Пройдя дезинфекцию, Зина оказалась в компании своих коллег. Те уже вскрыли грудную клетку гонза и внимательно осматривали открывшееся им зрелище.

— О, Зинчик... Посмотри на это, — устало попросила Оля.

М-да, мутация в самом прямом ее проявлении. В теле не было ни одного нормального органа — все деформированные.

— На сердце глянь, — возбужденно посоветовала Алена.

Сердце как сердце... не считая наросшую поверх него мышечную оболочку непонятного назначения, и как минимум, в три раза превышающее количество сосудов.

— Тут разбираться надо, — проговорила Зина.

— А нужно нам в этом разбираться? — устало спросила Саша. — Нас сюда не мутацию послали изучать. Есть другая задача, и чем быстрее мы ее выполним, тем лучше.

Саша осмотрела подруг и стоящих безучастно парней. Бодрячком выглядели только Алена и Зина. Остальные откровенно засыпали.

— Пойдемте спать? — предложила Саша. — А завтра уже плотно займемся нашей непосредственной задачей.

— Уже завтра, — зевая, сказал Артур.

— Не цепляйся.

— По-хорошему, перед сном нужно на ТВИХ всех перепроверить, — напомнила ей Зина.

Шлюз зашипел, пропуская в лабораторию капитана Водникова.

— Ну, что тут у вас? — спросил он с порога.

Саша показала рукой на вскрытое тело, Водников подошел ближе.

— Раньше я такого не видел... вроде бы... — сказал он через несколько секунд молчания.

— Дело в поколении, — пояснила Саша. — Раньше нам не попадались гонзы такого поколения. Чем оно старше, тем выше мутирующая сила вируса. А это — девятое поколение.

— Поэтому он такой быстрый? Из-за этих изменений? То есть из-за поколения?

— Думаю, да.

— Значит они тут все такие?

— Не факт, но скорее всего.

Шлюз снова зашипел. Опять гости, да господа — когда же уже спать можно будет отправиться...

На этот раз вошли Степанов и Мучедаков. Степанов нес контейнер с недавно собранными образцами.

— Давайте, — и Львова Вера буквально выдернула контейнер из рук Романа.

Она хотела было поставить программу по расшифровке структуры, но вовремя сообразила, что для начала нужно сравнить этот образец с уже имеющимися в базе выявленных гонзов.

Центрифуга закрутилась.

— Это как же он выглядит, если от одного прикосновения такой дрянью исходит? — кивнул Артур на остатки слизи.

— Как Фредди Крюгер, — пошутила Зина, и подумала, что в шутке скорее больше правды, чем юмора.

— Полная идентичность, — объявила Вера, когда центрифуга закончила вращаться. — Да, это Карпенко.

Водников кивнул, и поманил Игоря с Романом на выход.

— Товарищ капитан, разрешите обратиться, — сказал Игорь, когда они покинули лабораторию и шли по коридорам.

Свой кивнул, но тут у всех троих голосом Чебурека заговорили нарукавные компьютеры:

— Вопрос всему взводу. Колодец никто не додумался ультразвуком просветить? Или тепловизором?

— Мы не светили, — тут же ответил Конча.

— Нет, — пришло от Иродовой.

— Мы тоже нет, — доложился Степник.

Водников все понял — колодец!

— Нашли мы, откуда гонз пришел. Из колодца, — подтвердил Чебурек догадку Водникова. — Там какая-то нора в стволе пробита. Утром спустимся — точно посмотрим.

— А сейчас? Затоплено? — спросил Свой.

— Да... Видать он поэтому и вылез. Затопило.

— Хорошо. Молодцы. Заканчивайте там, и давайте все по сменам. Жилой корпус продезинфектили? Да? Степник, у вашего отделения есть еще полтора часа сна. На вирус проверитесь, как проснетесь, — раздал указания Водников и повернулся к Игорю: — слушаю, Игорь.

— Серег... — малость стушевавшись заговорил Игорь. — Ну ты же Свой... Давай вернемся на корабль, пока еще все живы? Ну, и здоровы...

Степанов сделал вид, что не слышит их разговора. Водников сжал зубы. Как будто он сам не задумывался об этом каждый час. Ведь именно на нем лежит ответственность за полсотни жизней на этой гребанной планете. Игорь решил, что молчание капитана — добрый знак, и продолжил смелее:

— Вон, ученые как рады. Пускай прихватят с собой этот образец раннего поколения, — кивнул он в сторону лаборатории.

— Нет, — твердо сказал Свой, подбирая слова для ответа. — Игорь, не случилось ничего критичного. Ученые работают, мы охраняем. Гонз в колодце — фиаско, которое могло бы случиться где угодно, не только на этой планете. Тем более, не забывай, что наша экспедиция усилена спецотрядами и вообще находится под наблюдением представителя президента!

Игорь отвел глаза. Да, их с корабля пасет кучка напыщенных уродов.

— Твоей жене и ребенку не поможет наше дезертирство, — продолжил Водников. — Назад пути нет. Соберись, Игорь. Иди спать. А как проснешься — делай все что нужно, чтобы успешно выполнить задание. Это в твоих же интересах, — Водников немного помолчал, потом хлопнул Игоря по плечу: — Давай, как проснешься — отчитаться передо мной о моральном состоянии.

— Так точно, — протянул Игорь, и они вместе со Степановым стали подыматься на поверхность. Водников остался внизу, ему еще раненных проверять.

Нельзя сказать, что от слов капитана Игорю стало легче. Но зато он вспомнил, что обратного пути действительно нет.

У жилого корпуса встретились Мичкин Макс и Горобец Артем.

— Пойдем быстрее спать, — быстро сказал Макс. — Полтора часа всего осталось.

— У нас потом свободная смена. Можно будет еще покемарить, — сказал Рома, не собираясь спешить.

— Ага, вот я бы не рассчитывал, — пессимистично парировал Макс.

Мичкин не стал снимать костюм, а сразу завалился на кровать, едва зашел в свою комнату. Вспотеть он не успел, а драгоценные минуты сна казались сейчас самой важной в мире вещью.

Одну секунду он потратил на то, чтобы включить внутри шлема тихую музыку. Это была скорее привычка, чем необходимость — под музыку он засыпал быстрее, но сейчас и без нее спать хотелось неимоверно. После долгого музыкального вступления в динамиках зазвучал

спокойный голос одного из российских рокеров столетней давности, чьими композициями у Макса был забит чуть ли не весь РЛК.

Я шепнул себе только «Ура»

Я промолвил всего лишь «Вперед»

И когда наступила пора, я сказал «До свиданья народ».

Я не думал, какой я боец

Я не ведал, какой я солдат

Но я чувствовал скорый конец, сделав первый свой шаг.

Изможденный мозг стал подсовывать Максиму какие-то ассоциативные образы. Вот он, вместе со своими товарищами, стоит на пороге чего-то неведомого, но несомненно опасного. Подсознание пытается его предупредить, чтобы он убирался прочь, но Макс все равно делает первые шаги...

Продолжение песни Макс не слышал, потому как крепко спал. Сон с реальностью разделились, и пошли каждый своей дорогой.

Больше книг на сайте - Knigolub.net